

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/2002

Почта юбилейного номера

Интеграционные тенденции
в Северо-Восточной Азии:
значение и трудности

Что стоит за реорганизацией
правительственной структуры
Японии

Новые работы по проблемам
современного Китая

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

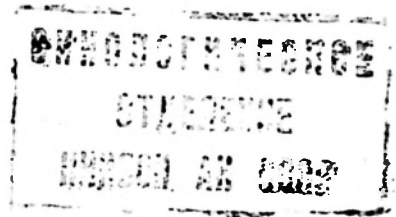
2/2002

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

Журналу ПДВ - 30 лет. Почта к юбилею.....6

ПОЛИТИКА

- В. Михеев.* Интеграционная мотивация. Проблема формирования структуры безопасности через соразвитие в США.....17
- М. Хейсканен (Финляндия).* Северо-Восточная Азия как субрегион АТР и Евразии.....32
- Ли Чаншунь (КНР).* Российско-китайские отношения в наступившем XXI в. поднимутся на качественно новый уровень.....43
- А. Сенаторов.* Япония: крупная реорганизация правительственной структуры.....53
- Л. Гудошников, В. Ганшин.* Выборы 2001-2002 гг. на Тайване.....64
- А. Ланьков.* Выходцы из КНДР в Южной Корее: проблемы и перспективы.....70

ЭКОНОМИКА

- Я. Бергер.* Социальная поддержка пожилых людей в Китае (окончание).....86

1601 ЭКЗ.

ИСТОРИЯ

Л. Березный. Еще раз о теории новой демократии.....103

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

Ю. Тотров. Американская разведка в Китае (1945-1956 гг.).....112

ФИЛОСОФИЯ

К. Вираг (США). Комментарии к "Великому учению" и развитие китайской философской традиции.....127

А. Лукьянов. Война и мир цивилизаций (окончание).....142

КУЛЬТУРА

О. Железняк, А. Раевский. Мисима Юкио: поиски себя в послевоенной Японии.....156

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. Чуванкова. Защита диссертаций по экономическим наукам в ИДВ РАН в 2001 г.....164

РЕЦЕНЗИИ

О. Борох. Лю Гогуан. Функционирование и развитие китайской экономики.....167

Б. Кулик. Колл. авторов. Как управляется Китай. Эволюция властных структур Китая в 80-99 гг. XX в.175

З. Муромцева. Люй Юйинь. Экономический анализ развития городов.....180

Е. Деведжиева. Ка Хоу Мок. Интеллектуалы и государство в пост-маоцзэдуновском Китае.....183

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Б. Кулик, М. Титаренко. К 70-летию И.А. Рогачева.....185

В. П. Ткаченко — 70 лет.....188

Книги Института Дальнего Востока РАН, изданные в 2001 г.....190

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, С.Н. Морозов (первый зам. главного редактора), В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

Статьи этого номера

В.Михеев. Интеграционная мотивация. Проблема формирования структуры безопасности через соразвитие в Северо-Восточной Азии.

На примере Северо-Восточной Азии в статье анализируются возможности интеграционной мотивации для решения существующих в этом регионе проблем, а также трудности, с которыми эта интеграция сталкивается.

Автор делает акцент на то, что в условиях глобализации мировой экономики, политики, социально-культурной жизни людей возникают отправные точки для решения существующих проблем социально-экономического развития и международной безопасности. Новая интеграционная мотивация, на основе которой разрабатываются и реализуются решения внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем, формируется в результате признания за Человеком, наряду с государством, права иметь свои собственные интересы и осуществлять их на практике, в результате усиления экономической и финансовой, а также технологической и информационной взаимозависимости и взаимопривязанности стран.

Логика интеграционной мотивации, подчеркивается в статье, позволяет ставить задачи экономического, социального, общечеловеческого соразвития и соприцветания выше старых межгосударственных споров.

М.Хейсканен. Северо-Восточная Азия как субрегион Азиатско-Тихоокеанского региона.

Северо-Восточная Азия — регион, в состав которого географически входят Япония, Северная и Южная Корея, Монголия, северо-восточная часть Китая и Российский Дальний Восток. В последнее время, отмечается в статье, все более заметным становится процесс ее превращения в важный политический и экономический субрегион Азиатско-Тихоокеанского региона. Понятие Северо-Восточная Азия частично совпадает с понятием Северо-Тихоокеанского региона, однако последний географически включает в себя также часть США (Аляска) и Канады (Британскую Колумбию). Можно выделить и такое понятие, указывает автор, как, Северная Евразия, которая в качестве некоего политического образования просуществовала с 1809 г. по 1917 г. в рамках Российской Империи, простираясь от финских Аландских островов до Аляски, т.е. практически от восточного побережья Швеции до Тихого океана. Автор считает, что в новой международной ситуации, сложившейся после окончания "холодной войны", Северная Евразия способна стать связующим звеном между Северо-Восточной Азией / Северо-Тихоокеанским регионом и Европой в лице Европейского Союза. Огромные людские и природные ресурсы, а также экономика Северо-Восточной Азии могут стать основой для возникновения там новой региональной структуры, которая будет связывать Евразию, Северную Америку и Южно-Тихоокеанский регион. И возможно, что район Северо-Восточной Азии станет новым полюсом или центром силы в новом многополярном мировом порядке.

Ли Чаншунь. Русско-китайские отношения в наступившем XXI веке поднимутся на качественно новый уровень.

В статье дается краткий обзор развития китайско-российских отношений в новейшее время и прослеживается процесс их углубления, особенно в результате заключения в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ, которое автор называет "новым историческим скачком".

Ли Чаншунь подчеркивает, что прогресс китайско-российских отношений оказывает значительное позитивное влияние на становление многополярности в мире, укрепление всеобщего мира, стабильности и нового миропорядка, в котором российско-китайский договор выступает как основа новой модели межгосударственных отношений.

А.Сенаторов. Япония: крупная реорганизация правительственной структуры.

В Японии продолжается административная реформа. Автор представляет сжатый обзор одного из ее существенных аспектов — перестройки структуры центральной исполнительной власти, в ходе которой приняты меры по усилению политического руководства, почти вдвое сокращено число министерств и управлений, осуществляется рационализация организационной деятельности и совершенствование методов работы всего правительственного аппарата. Целевая установка этих преобразований: сделать государственное управление комплексным и стратегическим, мобильным и прозрачным, простым и эффективным, помогая стране "выжить" в усложняющихся условиях XXI века.

Л.Гудошников, В.Ганшин. Выборы 2001-2002 гг. на Тайване.

Статья посвящена состоявшимся в декабре 2001 г. и в январе 2002 г. парламентским выборам и выборам в местные представительные и исполнительные органы власти на Тайване. В их результате в высшем законодательном органе Тайваня ни одной из партий не удалось получить большинства голосов. В то же время Гомиьдан, впервые за последние более чем полувека оказавшийся в меньшинстве в парламенте, на местном уровне не только сохранил свое влияние, но и увеличил представительство среди глав администраций и в местных легислатурах.

Итоги выборов привлекли серьезное внимание в Пекине, чьи представители вновь подтвердили свою неизменную позицию в отношении территориальной интеграции и проблемы единства Китая.

А.Ланьков. Выходцы из КНДР в Южной Корее: проблемы и перспективы.

В статье рассказывается о судьбе выходцев из КНДР в РК. В ней прослеживаются история "проблемы перебежчиков", изменения южнокорейского законодательства в их отношении, а также практика работы властей с беглецами, трудности адаптации северян в южнокорейском обществе.

Л.Березный. Еще раз о теории новой демократии.

Автор, разбирая опубликованную статью А.В.Меликсетова и А.В.Панцова "Сталин, Мао и новая демократия в Китае", излагает свой подход к проблеме, традиционно вызывающей большой интерес и дискуссии среди китайских историков и зарубежных китаеведов.

Ю.Тотров. Американская разведка в Китае (1945-1956 гг.)

Данная статья подготовлена главным образом на основе рассекреченных материалов американских разведывательных органов и госдепартамента, хранящихся в Национальном Архиве США (NARA) в Колледж-парке, Вашингтон. Часть оригинальной информации получена из интервью с бывшими сотрудниками УСС, ЦРУ и КГБ. Некоторые данные, приводимые в статье, публикуются у нас впервые.

К.Вираг. Комментарии в “Великому Учению” и развитие китайской философской традиции.

В статье на примере четырех авторитетных комментариев к конфуцианскому канону “Да сюэ” — “Великое Учение”, созданных за период от эпохи Тан (618-907) до эпохи Цин (1644-1911), показано, как изменения в философской картине мира проявлялись в подходах к толкованию классических текстов китайскими мыслителями, в разных интерпретациях одних и тех же философских понятий. Автор предлагает собственное видение некоторых этапов развития китайской философии, обосновывает необходимость отказа от ряда стереотипных версий этого процесса.

В связи с подготовкой к совместному заседанию Ученого Совета ИДВ РАН и редколлегии журнала "Проблемы Дальнего Востока", посвященному 30-летию журнала, руководство института и журнала обратилось в соответствующие руководящие органы РАН, в Первый департамент Азии МИД РФ, к руководителям ряда ведущих научно-исследовательских и вузовских центров нашей страны и за рубежом с просьбой дать свою оценку работы журнала, высказать критические замечания и предложения.

Ко времени сдачи в печать юбилейного номера журнала в адрес директора ИДВ члена-корреспондента РАН М.Л.Титаренко и главного редактора ПДВ профессора А.М.Григорьева поступили письма от Президиума, Отделений международных отношений, экономики и истории РАН, от Института Востоковедения РАН, от руководства Первого департамента Азии МИД РФ, от руководителей и профессуры Института стран Азии и Африки при МГУ, Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, Института изучения Восточной Европы и Центральной Азии и Института изучения всемирной истории Академии общественных наук Китая, от директора Института изучения Восточной Азии Свободного университета Берлина, от директора и профессуры Института изучения России Тамканского университета на Тайване.

Авторы писем единодушны в позитивной оценке итогов работы и места журнала в ряду гуманитарных академических изданий. Мы сознаем, что эта оценка должна восприниматься с поправкой на "коэффициент юбилейности". Тем не менее, она дает основание считать, что стратегическая позиция ПДВ, основные направления освещения проблем Дальнего Востока, принципы подбора материалов определены редколлегией журнала в основном верно.

Вместе с тем, в полученных нами письмах содержатся ценные критические замечания и рекомендации, нацеливающие на углубленное освещение на страницах ПДВ целого ряда вопросов внутренней и внешней политики стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, их истории, экономики, культуры, внешнеэкономических связей и др. Эти рекомендации и предложения, дифференцированные по различным направлениям изучения современного Дальнего Востока, требуют от ПДВ и его авторов повысить внимание к углубленным теоретико-методологическим разработкам проблем АТР, его отдельных стран и районов, усилить системный подход в изучении международных политических и экономических отношений этого

громадного региона мира, более широко освещать на страницах журнала дискуссии в среде отечественных и зарубежных ученых — востоковедов по актуальным проблемам современного состояния и истории стран региона.

Сформулированные в письмах рекомендации, с которыми были ознакомлены участники совместного заседания Ученого Совета и редколлегии ПДВ 15 марта с.г., во многом совпали с оценками и конкретными предложениями, высказанными в ходе заседания. На заседании прозвучала справедливая мысль, что задача реализации основных идей, содержащихся в письмах в адрес журнала, может успешно решаться лишь общими усилиями всех специалистов-дальневосточников. В этой связи было выдвинуто предложение ознакомить с этими письмами всех читателей журнала, что мы с удовольствием и делаем.

Пользуясь случаем, редколлегия и редакция журнала выражают искреннюю благодарность всем учреждениям и ученым, направившим в наш адрес поздравления и добрые пожелания и взявшим на себя труд проанализировать содержание журнала, высказать ценные предложения и подтверждают свою готовность и впредь предоставлять трибуну российским и зарубежным авторам, придерживающимся самых различных взглядов, для аргументированного изложения своего видения проблем Дальнего Востока и АТР.

* * *

Директору
Института Дальнего Востока
члену-корреспонденту РАН
Михаилу Леонтьевичу Титаренко

Главному редактору журнала
"Проблемы Дальнего Востока"
профессору
Александру Мироновичу Григорьеву

Глубокоуважаемые коллеги!

По поручению Президиума РАН сердечно поздравляю редколлегию, редакцию журнала "Проблемы Дальнего Востока" и замечательный коллектив Института Дальнего Востока РАН с 30-летним юбилеем журнала.

Ваш журнал широко известен и популярен, и Вы много сделали для этого. "Проблемы Дальнего Востока" — одно из наиболее авторитетных отечественных и зарубежных научных периодических изданий, освещающих актуальные проблемы стран Дальнего Востока и политики нашей страны в этом регионе. Он играет важную роль в информировании научной общественности о взглядах российских и зарубежных ученых и политиков на современные процессы на Дальнем Востоке и в АТР, в объединении сил специалистов-дальневосточников России и зарубежья.

Желаю всем дальнейших творческих успехов, благополучия и доброго здоровья.

Вице-президент
Российской академии наук
академик

А.Д.Некипелов

28.02.2002 г.

От имени Генеральной дирекции и всего коллектива Академиздатцентра "Наука" РАН горячо и сердечно поздравляю редакционную коллегию и весь коллектив журнала со знаменательной датой Вашего журнала — с 30-летием со дня его создания.

Руководству Академиздатцентра хорошо известны высокие оценки отечественной и зарубежной общественностью журнала "Проблемы Дальнего Востока" как одного из наиболее авторитетных периодических изданий, освещающих комплекс проблем российского и зарубежного Дальнего Востока, вклад журнала в популяризацию достижений отечественной востоковедной науки, в развитие международных научных обменов.

Желаю всем Вам, дорогие коллеги, крепкого здоровья и новых творческих успехов в Вашем нелегком, но благородном деле.

*Генеральный директор
Академиздатцентра "Наука" РАН,
советник президента РАН,
профессор*

В.И.Васильев

6.03.2002 г.

Отделение международных отношений Российской академии наук поздравляет редакцию, редколлегию журнала и учредителя журнала — Институт Дальнего Востока РАН со знаменательной датой — 30-летием издания журнала "Проблемы Дальнего Востока".

Журнал "Проблемы Дальнего Востока" заслуженно занимает место одного из ведущих научных и научно-публицистических периодических изданий, освещающих проблемы современного этапа развития регионов российского и зарубежного Дальнего Востока.

Отделение международных отношений с удовлетворением отмечает: в журнале важное место занимают публикации по вопросам международных отношений в АТР и его азиатских субрегионах, проблемам многосторонних и двусторонних отношений стран региона, политики России в отношении стран-соседей на ее дальневосточных рубежах.

В журнале систематически освещаются вопросы восточного, особенно "китайского" направления политики России. Как достижение журнала следует отметить и систематическую публикацию важнейших документов, характеризующих состояние и развитие контактов и отношений руководства РФ со странами Дальнего Востока. Отражением растущего международного авторитета журнала, несомненно, являются и выступления на его страницах авторитетных зарубежных ученых-международников из Китая, Японии, США, Республики Корея, дипломатов высокого ранга нашей страны и стран Дальнего Востока.

Вместе с тем, пользуясь случаем, хочется пожелать редакции журнала уделять большее внимание публикации материалов, отражающих новые подходы по вопросам формирования системы международных отношений в АТР, оперативно реагировать на рецидивы антироссийских, имперских, либо националистических взглядов в кругах политиков и ученых ряда стран Дальнего Востока.

Убеждены, что редакция и редколлегия журнала при активной поддержке коллектива Института Дальнего Востока РАН и заинтересованном

участии ученых других институтов и впредь будут заниматься обсуждением наиболее актуальных проблем развития Дальнего Востока на страницах журнала.

*Академик-секретарь Отделения
международных отношений РАН
академик*

Н.А.Симония

*Зам. академика-секретаря Отделения
д.э.н.*

А.И.Семенов

*Ученый секретарь Отделения
д.э.н.*

Т.А.Новикова

11.03.2002 г.

По случаю 30-летия журнала "Проблемы Дальнего Востока" примите поздравления и наилучшие пожелания от Отделения экономики РАН и от меня лично коллективу редакции и редколлегии журнала и руководству ИДВ РАН — учредителю этого издания.

Журнал "Проблемы Дальнего Востока" в последнее десятилетие занимает ведущее положение среди научных периодических изданий в нашей стране и за рубежом, освещающих актуальные проблемы современного положения в АТР и странах Дальнего Востока и дальневосточных краев и областей нашей страны.

Ученые Отделения экономики особо отмечают, что ПДВ является, по сути, единственным изданием в нашей стране, в котором широко и систематически освещаются различные аспекты экономического положения в странах Дальнего Востока, в том числе ход и опыт экономических реформ в Китае, проблемы и результаты экономических преобразований и развития "малых азиатских тигров", вопросы внешнеэкономической политики и внешнеэкономических связей стран Дальнего Востока.

В трудное для отечественной науки время редакция журнала сумела объединить вокруг ПДВ большинство российских специалистов высокой квалификации, разрабатывающих эту проблематику, предоставить им трибуну. Особо хочется отметить, что авторитет издания и широкие международные научные связи Института Дальнего Востока позволили привлечь к выступлениям на страницах журнала ряд известных зарубежных ученых — из КНР, Японии, Республики Корея, Вьетнама, из США и стран Западной Европы.

Высоко оценивая освещение экономической тематики в журнале в целом, хотелось бы вместе с тем пожелать редакции и редколлегии уделить большее внимание вопросам изменений в социально-экономической структуре стран Дальнего Востока, в частности, сдвигам в социальной структуре КНР, во Вьетнаме. Хотелось бы видеть на страницах журнала статьи с анализом новейших явлений в странах Дальнего Востока в сфере структурной перестройки экономики, новых тенденций в организациях экономического сотрудничества в АТР, стран АСЕАН, их реакции на процессы регионализации и глобализации. Большой интерес для ученых-экономистов нашей страны представят, в частности, материалы о воздействии на Китай его вступления в ВТО.

Желаю редакции ПДВ закрепления и дальнейшего развития позитивных тенденций в работе журнала и выражаю уверенность, что при поддержке руководства ИДВ и заинтересованном активном участии в его деятельности

ученых институтов Отделения экономики РАН ПДВ сможет добиться новых успехов в освещении вопросов экономического развития стран Дальнего Востока.

*Академик-секретарь Отделения
академик*

Д.С.Львов

18.02.2002 г.

От имени Отделения истории и от себя лично поздравляю редакцию и редколлегию журнала "Проблемы Дальнего Востока" и руководство учредителя ПДВ — Института Дальнего Востока со знаменательной датой — 30-летием со времени выхода в свет первого номера этого журнала. Прошу Вас принять и передать нашим коллегам пожелания здоровья и успехов в жизни и в работе.

За истекшие 30 лет и особенно за последнее десятилетие ПДВ прочно занял место одного из ведущих мировых научных периодических изданий, освещающих сложный комплекс вопросов, связанных с современным этапом развития стран Дальнего Востока и дальневосточного региона России.

Отделение истории и ученые входящих в него институтов с большим удовлетворением отмечают, что на страницах журнала важное место отводилось и отводится освещению истории стран региона, различным аспектам истории их двусторонних и многосторонних отношений, что отвечает особому влиянию традиций и событий прошлого на современные процессы в этих странах. Высокой оценки заслуживают материалы, публикуемые во введенной в журнале в последнее семилетие рубрике "Документы. Архивы". Показательно, что материалы этой рубрики, как правило, переводятся в соответствующих зарубежных изданиях в Китае, Японии в Республике Корея. Показателем растущего международного авторитета ПДВ является направление в его редакцию на предмет публикации статей известных зарубежных ученых, в том числе специалистов-историков КНР, Японии, США, стран Западной Европы.

Вместе с тем, пользуясь случаем, хотелось бы рекомендовать редакции и редколлегии журнала обратить внимание на более полное и систематическое освещение на его страницах материалов, отражающих разработку методологических проблем изучения истории стран Дальнего Востока в новейшее время, дискуссий по этим и другим узловым вопросам истории Китая, Японии и Кореи, истории международных отношений на Дальнем Востоке и в АТР, ведущихся в последние годы в кругах историков этих стран и за их пределами.

*И.о. академика секретаря
Отделения истории РАН
академик*

В.С.Мясников

28.02.2002 г.

Поздравляем Институт Дальнего Востока РАН, редколлегию и сотрудников редакции с 30-летием журнала "Проблемы Дальнего Востока". Ваш журнал сегодня — один из лучших среди востоковедных научных изданий, неизменно на него большой спрос у ученых, работников практических организаций и всех тех, кто интересуется прошлым и настоящим Китая, Кореи,

Монголии и Японии, отношениями России с этими государствами. Вполне заслуженно у журнала высокий авторитет в нашей стране и за рубежом.

Хотелось бы пожелать журналу на будущее уделять больше внимания истории стран Дальнего Востока. В течение 2001 года было опубликовано лишь 6 статей на исторические темы, что вряд ли удовлетворило читателей. Желательно также чаще помещать в журнале статьи по культуре, философии, религиоведению, этнографии, расширить рубрики, содержащие архивные материалы, документы, рефераты. Недостаточно представлена на страницах журнала проблематика Монголии. Видимо, у редакции журнала имеются резервы для активизации работы по привлечению к сотрудничеству в нем авторов, в том числе молодых, из востоковедных центров Москвы и других городов России.

Желаем редколлегии и редакции журнала "Проблемы Дальнего Востока", учредителю журнала — Институту Дальнего Востока РАН, новых больших творческих успехов на благо российской востоковедной науки.

С искренним уважением,

*Директор Института востоковедения РАН,
д.и.н.*

Р.Б.Рыбаков

01.03.2002 г.

Позвольте от всей души поздравить коллектив журнала и Вас лично с третьим "круглым" юбилеем в жизни вашего издания.

"Проблемы Дальнего Востока" - практически единственный в России комплексный аналитический журнал, посвященный Восточной Азии и АТР в целом. Его отличают исследовательская глубина, взвешенность и объективность оценок, широкий тематический охват, опора на богатый исторический материал, высокий потенциал научного прогнозирования, междисциплинарность аналитических подходов.

Насущные задачи продвижения национальных интересов России, особенно в таком важном и близком к нам регионе, как Дальний Восток, требуют от внешнеполитических практиков своевременно "сверять часы" с мнением авторитетного академического общества. Ваш журнал служит незаменимым подспорьем в повседневной деятельности российской дипломатии.

Очень важно, что "Проблемы Дальнего Востока" рассчитаны не только на профессионалов-востоковедов, но и широкие читательские круги. Журнал позволяет многотысячной аудитории в России и за рубежом знакомиться с историей, культурой, политикой и экономикой азиатских стран АТР, следить за развитием международного сотрудничества и двусторонних отношений в этом весьма динамичном и стратегически значимом районе мира.

Искренне признательны руководству редколлегии журнала за любезное предоставление сотрудникам МИД трибуны для разъяснения восточной политики России.

Хотелось бы пожелать вашему журналу и впредь работать в русле лучших традиций российского востоковедения, а всем сотрудникам творческого коллектива — здоровья, благополучия и новых достижений на научной ниве!

*Директор Первого
департамента Азии МИД РФ*

Е.Афанасьев

28.02.2002 г.

Тридцать лет для журнала — возраст профессиональной зрелости. "Проблемы Дальнего Востока" встречают свой юбилей как авторитетное научное издание, которое читают востоковеды не только в нашей стране, но и за рубежом. В прошедшее десятилетие ваш журнал сыграл особенно важную роль в преодолении кризиса отечественной гуманитарной науки, который затронул и ориенталистику. Вам удалось совместить поиски новых идей и новой методологии с бережным сохранением лучших традиций нашего востоковедения, освободиться от идеологизированности и сохранить академизм, действовать целенаправленно и не спешить, создавать новое, не разрушая того позитивного, что было создано в предшествующие десятилетия. Все это способствовало выработке новых подходов к осмыслению политических, социально-экономических и культурных проблем стран Дальнего Востока в российской науке. Не случайно аудитория вашего журнала сегодня больше, чем у какого-либо другого востоковедного издания. Широкий круг рассматриваемых проблем, публикация разнообразных в тематическом, концептуальном, идейном и профессиональном отношении статей позволяет журналу заинтересовать самых разных читателей, каждый из которых находит в нем что-то свое. Именно ваш журнал во многом удовлетворяет имеющийся сегодня в российском обществе большой интерес к тем процессам, которые происходят в Китае, Японии и Корее. Весьма важным было для всех авторов сохранение параллельного издания журнала на английском языке.

Это дает возможность нашим ученым донести свои идеи до иностранных коллег, а иностранным исследователям узнать о наших работах. Как известно, Конфуций "в тридцать лет встал на ноги, в сорок лет освободился от сомнений". Мы желаем вашему прочно стоящему на ногах изданию уверенно идти вперед.

Дирекция ИСАА от имени преподавателей и сотрудников института рада поздравить вас с тридцатилетием и пожелать дальнейших успехов!

Директор ИСАА при МГУ
д.и.н., профессор

М.С.Мейер

5.03.2002 г.

Прежде всего, уважаемые коллеги, примите наши искренние приветствия и поздравления по случаю 30-летия журнала "Проблемы Дальнего Востока". Журнал продолжил и развивает лучшие из традиций своих старших братьев — таких, как "Проблемы Китая", "Тихий океан", "Советское китаеведение" и др. Для профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, научно- и учебно-вспомогательного персонала восточного факультета СПбГУ, для всех, связанных так или иначе с изучением Китая, Кореи, Японии, нашего Дальневосточного региона, журнал стал важной, неотъемлемой частью их жизни, и востребованность в нем неуклонно возрастает. Одобрение и уважение вызывает издание — параллельно с русскоязычной — англоязычной версии журнала.

Из высказанных коллегами критических замечаний, пожеланий и предложений необходимо, думается, выделить следующие:

1. Среди тем и проблем, важность разработки и освещения которых для текущих и перспективных потребностей большой политики, а также науки и преподавания ощущается чем дальше, тем больше, это — периодизация истории "подведомственных" журналу стран, особенно в новое и новейшее время. Институту Дальнего Востока РАН, его журналу явно предстоит инициировать — неизбежно в режиме научной дискуссии — рассмотрение данной проблемы.

2. Вообще же, место, отводимое в журнале под дискуссии по различным вопросам прошлого, настоящего и перспектив региона в целом, Китая и других стран и территорий Дальнего Востока в частности, представляется недостаточным, тогда как востребованность в таких дискуссиях, в том числе по большим и сложным, подчас по-своему деликатным (пути развития, межнациональные отношения и т.п.) темам и сюжетам, неотвратно повышается.

3. Отдел "История" в журнале предстает по сравнению с другими (например, отделом "Экономика") ощутимо скромнее как по занимаемой "площади", так и по масштабности тем и проблем.

4. Следовало бы опубликовать сводный реестр поправок и дополнений в Конституцию КНР, внесенных ВСНП после 1982 г. Соответствующие сведения касательно Тайваня на страницах журнала имеются, а по КНР только лишь упоминаются (преимущественно в информации о сессиях ВСНП).

5. По внутривосточному положению на Тайване материалу в журнале уделяется больше внимания и места, нежели по аналогичным аспектам в жизни КНР. В частности, довольно редки публикации о социальных аспектах и результатах реформ в КНР, о крупнейших объектах 9-й и 10-й пятилеток (железная дорога Цинхай - Тибет, энергосистема Санься и др.).

6. Необходимо сколь возможно чаще помещать в журнале информацию о положении в КПК (в том числе — на низовых уровнях), о предстоящем XVI съезде КПК, о переменах в руководстве партии (с характеристикой представителей лидеров страны 4-го поколения) и т.д.

7. Реалии "треугольника" Россия - Китай - Индия явно порождают потребность в разносторонних и регулярных информационно-аналитических разработках соответствующих "материй" и их освещении в журнале. В этой связи желательно информировать пользователей журнала о состоянии вопроса об индо-китайской границе.

Среди более либо совсем конкретных замечаний и пожеланий есть и такие, например:

1) Желательно, по возможности подробно, сообщить в журнале об итогах всеобщей переписи населения КНР 2000 г.

2) Стоит сколько-то регулярно (может быть, раз в полгода?) помещать в журнале своего рода "Дневник событий" по отдельным странам соответствующего региона.

Хочется поблагодарить за предоставленную нам возможность высказать свои впечатления, пожелания и предложения по работе журнала "Проблемы Дальнего Востока" и пожелать ему новых успехов и удач.

Опрос проводил и его результаты суммировал и подытожил

*профессор кафедры истории
стран Дальнего Востока
восточного факультета СПбГУ*

Г.Я.Смолин

28.02.2002 г.

По случаю 30-летия журнала "Проблемы Дальнего Востока" позвольте мне от имени всего коллектива нашего института и китайских читателей вашего журнала искренне и горячо поздравить всех друзей из редакционной коллегии.

"Проблемы Дальнего Востока" среди российских изданий, посвященных проблемам Дальнего Востока, до сего времени остается журналом, характери-

зующимся наиболее высоким научным уровнем и пользующимся самым высоким авторитетом. В течение многих лет ваш журнал играет уникальную роль в активном разъяснении российскому и зарубежному читателю ситуации в регионе и странах Дальнего Востока, и особенно китайской истории, культуры, политики и экономики, причем материалы журнала отличаются богатством сюжетов и разнообразием форм. Они помогают российскому народу и иностранному читателю ознакомиться и разбираться в вопросах, касающихся стран и регионов Дальнего Востока, включая Китай.

В КНР журнал "Проблемы Дальнего Востока" снискал популярность широкого круга читателей своими материалами, отличающимися теоретическим и системным подходом, а также авторитетностью. Благодаря ему китайский читатель поистине проникается творческим духом трудов российских ученых, занимающихся проблемами Дальнего Востока, особенно созидательным трудом китаеведов, осознает те глубокие дружеские чувства, которые питает российский народ к китайскому народу, а также знакомится с официальной политикой России в отношении Китая. Поэтому мы говорим, что журнал "Проблемы Дальнего Востока" играет роль моста и связующего звена, содействуя взаимопониманию и дружбе между Китаем и Россией, между народами наших двух стран. Мы высоко ценим тот позитивный вклад, который в этом отношении вносит ваш журнал, и выражаем за это искреннюю благодарность Вам и редколлегии журнала.

С уважением,

*Директор Института Восточной Европы и Центральной Азии
Академии общественных наук Китая,*

*Главный редактор журнала "Дуноу Чжунъя яньцзю"
("Изучение Восточной Европы и Средней Азии")*

Ли Цзинцзе

09.02.2002 г.

По случаю 30-летия журнала "Проблемы Дальнего Востока" ИДВ РАН позвольте мне от имени Института всемирной истории АОН КНР, Китайского Комитета по изучению истории России, Восточной Европы и Центральной Азии, а также от себя лично горячо поздравить вас с этим событием и передать наилучшие пожелания!

"Проблемы Дальнего Востока" — очень влиятельное в Китае издание. Без всякого преувеличения можно сказать, что это один из самых авторитетных в мире печатных органов по проблемам гуманитарных и социальных исследований дальневосточного региона. Мы с удовлетворением отмечаем, что за многие годы журнал поместил на своих страницах большое число статей по вопросам политики, экономики, истории, культуры и внешней политики Китая и России, что сыграло положительную роль в стимулировании и развитии дружественных отношений между нашими странами. Особенно в последние годы, когда и Китай, и Россия столкнулись с проблемой перехода от плановой к рыночной экономике опубликовав значительное количество исследований, раскрывающих опыт и уроки социальной трансформации и пути взаимного обмена и заимствования этого опыта в интересах социально-экономического развития обеих стран, Институт Дальнего Востока и журнал "Проблемы Дальнего Востока" выполнили полезную поисковую работу. Я верю, что ее итоги представляют собой значительный вклад в сокровищницу человеческой цивилизации. В настоящее время в этом отношении переходный этап для Китая и России еще не завершен, и важность изучения их опыта далеко выходит за

пределы наших двух стран. На рубеже нового века всестороннее и глубокое обобщение истории изменений в наших странах в течение XX столетия и перспектив их будущего развития имеет важное значение для процессов модернизации развивающихся государств. Вот почему мы надеемся, что Ваш журнал будет публиковать еще больше статей такого рода. Мы также надеемся, что "Проблемы Дальнего Востока" для того, чтобы стать еще более влиятельным изданием в мире, может использовать такие формы распространения своих материалов, как перевод содержания журнала на большее число языков, включая китайский, еще более широкое привлечение в число авторов зарубежных ученых, создание международного совета для оценки материалов и т.д.

Институт всемирной истории АОН КНР, Китайский комитет по изучению истории России, Восточной Европы и Центральной Азии и Институт Дальнего Востока РАН, журнал "Проблемы Дальнего Востока" связаны давней дружбой. Мы выписываем и храним все номера ПДВ с того момента, как он начал выходить в свет, между нами поддерживаются разнообразные научные связи. Особенно радует то, что в последнее время мы почти ежегодно обмениваемся учеными, что в высшей степени способствует взаимному обмену научной информацией и повышению уровня исследований. Пользуясь случаем, хочу пожелать, чтобы эта дружба оставалась вечной, как вечнозеленая сосна, такой же высокой, как горы, подобной реке, текущей далеко за горизонт.

Древние в Китае говорили: "сань ши эр ли". Это выражение означает, что тридцатилетие — важный рубеж в жизни человека: он уже прочно стоит на ногах, перед ним открыт весь мир. В дни большого праздника — тридцатилетия журнала "Проблемы Дальнего Востока" мы искренне желаем вам добиться в будущем еще больших успехов. "Вперед — к новым высоким вершинам!"

Заместитель директора Института всемирной истории АОН Китая, сопредседатель Международного комитета по исследованию истории русской революции, Председатель Китайского комитета по изучению истории России, Восточной Европы и Центральной Азии профессор, доктор исторических наук

У Эньюань

05.02.2002 г.

Примите поздравления по случаю 30-й годовщины журнала "Проблемы Дальнего Востока". Мои слова приветствия и наилучшие пожелания издателям и редакторам, которые смогли обеспечить выход журнала несмотря на все социальные потрясения и все перемены в состоянии науки в СССР и России. В этой связи особо следует отдать должное А.М.Григорьеву как главному редактору.

В течение всех тридцати лет журнал удерживает высокие стандарты научности и вносит значительный вклад большого социального и научного значения в информирование широкого круга читателей, вклад в научный обмен. Журнал отразил не только уровень имеющего длительные традиции изучения в России Восточной Азии, но и усилия российских ученых достичь взаимопонимания и вести диалог с народами этого региона.

Особо следует отметить значение англоязычной версии, которая во все возрастающей мере способствует ознакомлению широкой аудитории в Европе, Азии и США с содержанием и результатами научных поисков в этой области в России, а ранее — в Советском Союзе. Это не только обогащает дискуссии по

проблемам Восточной Азии в международном академическом сообществе, но нередко обеспечивает продвижение взглядов, отличных от преобладающих на Западе трактовок этих проблем. В этом смысле журнал вносит важный вклад в продуктивную интернационализацию научных дискуссий в обществе по вопросам Восточной Азии.

В связи с процессами интернационализации в сфере научных исследований, а также перед лицом нынешних мировых процессов и нарастающей тенденции милитаризации политических и экономических конфликтов, перед специалистами по Восточной Азии во всем мире стоит задача поиска ответов на новые вызовы в ходе критического анализа тенденций глобализации в экономической, политической и военной сферах с тем, чтобы обеспечить рациональное обсуждение этих проблем. В этой связи редакторы и авторы ПДВ призваны использовать публикации журнала, чтобы определить свою позицию в международной научной дискуссии. Это означает и необходимость уделять больше, чем это делалось в прошлом, внимания новейшим методологическим и теоретическим подходам к изучению Восточной Азии, различая их идеологическое содержание и представляя позиции наших российских коллег в этом контексте. Журнал в этом отношении занимает особое место среди других международных научных изданий по вопросам Восточной Азии.

Вместе с другими германскими коллегами — участниками совместного российско-германского исследовательского и издательского проекта "Коминтерн и Китай", я хотела бы пожелать журналу и его публикаторам сохранения и умножения его организаторских способностей, широкого круга творчески мыслящих авторов и — последнее, но не последнее по значению — дальнейшего усиления его позиций в международных научных дискуссиях.

*Профессор Свободного университета
Берлина, доктор*

Мехтхильд Лейтнер

26.02.2002 г.

От всего сердца поздравляем Вас с юбилеем и желаем Вам крепчайшего здоровья, новых идей и оптимистического настроения. Хотим также поблагодарить Вас за огромную работу, которую вы делали и продолжаете делать для российского китаеведения. Ваш журнал является не только одним из самых читаемых научных журналов в России, но и пользуется широкой популярностью за рубежом, о чем мы прекрасно знаем по собственному опыту. Убеждены, что английское (да и русское) издание "Проблем Дальнего Востока" по частоте цитируемости не уступает лучшим западным научным изданиям. В связи с этим обращаемся к Вам с конкретным предложением и просьбой: употребите некоторое время, не побойтесь хлопот, но добейтесь того, чтобы журнал был включен в международный каталог наиболее часто цитируемых периодических научных изданий.

От имени и по поручению профессоров В.М.Крюкова, М.В.Крюкова, В.В.Малявина.

*Директор Института России
Тамканского университета (Тайвань)
д.и.н., профессор*

А.А.Писарев

11.03.2002 г.

Политика

Интеграционная мотивация Проблема формирования структуры безопасности через соразвитие в Северо-Восточной Азии

© 2002

В. Михеев

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы показать, что в современных условиях окончания холодной войны и глобализации мировой экономики, политики, социально-культурной жизни людей возникают новые отправные точки для решения существующих проблем социально-экономического развития и международной безопасности. Признание за Человеком, наряду с государством, права иметь свои собственные интересы и реализовывать их, усиление экономической и финансовой взаимозависимости стран, ужесточение их технологической и информационной взаимопривязанности позволяют говорить о формировании новой, *интеграционной мотивации* у тех, кто разрабатывает, принимает и реализует внутри- и внешнеполитические решения. На примере Северо-Восточной Азии (СВА) попытаемся показать, какие возможности открывает интеграционная мотивация в решении существующих здесь проблем и с какими трудностями она сталкивается.

Проблемы СВА

В порядке фиксации отметим главные, на наш взгляд, внутренние и международные проблемы, с которыми сталкиваются четыре ведущих страны СВА — Россия, Китай, Япония и Южная Корея, а также Северная Корея и Монголия.

В российско-японских отношениях — это проблема принадлежности 4-х островов Курильской гряды, отсутствие между странами мирного договора и нежелание японского бизнеса инвестировать в Россию.

В российско-китайских отношениях — это проблема нахождения баланса между отношениями партнерства и конкуренции. Партнерства в обеспечении региональной безопасности, глобальной стабильности, экономического процветания. Конкуренции — на мировых рынках кредитов, конкуренции с фирмами третьих стран, с которой сталкиваются крупные российские экспортеры на китайских рынках энергооборудования, авиатехники и т.д. Конкуренции, наконец, за региональное политическое влияние.

Главной темой в российско-южнокорейских отношениях выступает вопрос о месте России в корейском урегулировании и о стремлении Москвы играть свою самостоятельную роль на Корейском полуострове. Как и в отношениях с Японией, Россия хотела бы видеть более масштабное представительство южнокорейского бизнеса в своей экономике.

Японо-южнокорейские отношения фокусируются сегодня, с одной стороны, на вопросах создания японо-южнокорейской зоны свободной торговли и координации политики в отношении Северной Кореи. А с другой — на проблеме выпущенного в Японии школьного учебника истории, несправедливо, по мнению Сеула, трактующего колониальное прошлое Кореи и внесшего много эмоционально-политического напряжения в двусторонние отношения. Не решен окончательно и территориальный спор вокруг острова Токто.

Главные на сегодня проблемы в японо-китайских отношениях — те же вопросы истории и то, как они освещены в новом японском учебнике, позиция Токио по вопросу выдачи виз тайваньским лидерам, торговая война, выражающаяся во введении Японией повышенных пошлин на ряд китайских товаров (солома, соль и др.) и ответные действия Пекина по отдельным позициям японского экспорта (электроника, телекоммуникации). На отношения «партнерства — конкуренции» Китая и Японии в борьбе за укрепление своих экономических и политических позиций в АТР большое влияние оказывает укрепление военно-политических союзнических связей между США и Японией, настороженно воспринимаемое Пекином.

Китайско-южнокорейские отношения фокусируются на экономическом сотрудничестве и желаниях Сеула получить политическую поддержку Пекина в вопросах внутрикореяского диалога. Среди «раздражающих» проблем — нежелание Пекина представлять статус беженцев северокорейцам, нелегально проникающим в Китай.

В китайско-тайваньских отношениях главным остается вопрос статуса Тайваня и его возвращения под юрисдикцию Пекина.

Северокорейский фактор в СВА представлен в следующем виде. Россия стремится разыграть северокорейскую карту в игре с США по проблеме национальной ПРО и укрепить свои политические позиции на полуострове. Китай опасается гуманитарной катастрофы на Севере и оказывает северокорейскому режиму дозированную экономическую помощь. По некоторым оценкам, уже сейчас в Китае находится порядка 300 тыс. беженцев из Северной Кореи.¹ Япония пытается выработать свой курс в отношении Пхеньяна, но при этом в качестве предварительного условия хотела бы добиться от Северной Кореи возвращения похищенных, как полагает Токио, но отрицает Пхеньян, в 70-е годы японских граждан. Южная Корея ищет возможности придать новый импульс внутрикореяскому диалогу с учетом новой политики США в отношении КНДР.

Монгольский фактор представлен в СВА весьма схематично. Всем понятно тяжелое геополитическое положение Монголии и невозможность включить эту страну в полномасштабное региональное экономическое сотрудничество, используя лишь механизмы двусторонних связей. В этом положение Монголии отчасти схоже с положением России: возможности развития чисто двустороннего сотрудничества российского Дальнего Востока с Китаем, Японией и Южной Кореей фактически исчерпаны и ожидать быстрого роста товарооборота не приходится.

Огромное значение для СВА имеет американский фактор. Россия и Китай выступают против американских планов создания НПРО. При этом, однако, несмотря на официальные заявления о совпадении наших позиций по этому вопросу, объективно подходы России и Китая к ПРО разнятся и эти разли-

чия постоянно будут напоминать о себе, требуя от сторон искренности и доверия в согласовании своих позиций. Проблема состоит в том, что Россия, будучи участником договора по ПРО от 1972 г., видит в НПРО угрозу подрыва стратегической стабильности. Проблема ПРО театра военных действий объективно не рассматривается в контексте подрыва стратегической стабильности. Более того, именно по ПРО ТВД (по крайней мере в Европе) Россия предлагает НАТО сотрудничество в качестве альтернативы развертыванию НПРО.

У Китая позиция практически прямо противоположная. Обладая маленьким стратегическим ракетно-ядерным потенциалом и не являясь участником договора по ПРО, Китай рассматривает планы НПРО в увязке с созданием ПРО ТВД в США. Последняя же программа теоретически может «прикрыть» Тайвань и тем самым лишает Пекин аргумента силы в вопросе о статусе Тайваня.

Различия в подходах Москвы и Пекина по НПРО и ПРО ТВД могут подталкивать стороны как к взаимным действиям путем преодоления этих расхождений, так и к поиску сепаратных вариантов решения проблем национальной, региональной и глобальной безопасности через диалог с США.

Американский фактор не может самым тщательным образом не учитываться Японией при формулировании своей политики в США. По корейской проблеме это происходит в рамках трехсторонних американо-японско-южнокорейских политических консультаций. По России — в рамках, правда, пока лишь формально существующего, трехстороннего механизма консультаций между США, Японией и Россией по региональной безопасности. По Китаю — в рамках аналогичного, пока еще только формирующегося, трехстороннего механизма военно-политических консультаций между США, Японией и Китаем. В сфере многосторонней экономической кооперации в США Япония действует с серьезной оглядкой на озабоченность США тем, как бы идеи региональной интеграции не привели к возникновению здесь закрытой интеграционной группировки с угрозами для американского бизнеса.

Не менее серьезные проблемы кроются в динамике внутреннего развития стран США.

Россия должна каким-то образом решить главное противоречие своей дальневосточной экономики — между большими ресурсами и территорией, с одной стороны, и маленьким населением и, следовательно, малым спросом, накоплениями и инвестициями, с другой. Не менее остро стоит задача одновременного встраивания российской экономики в экономическое пространство ЕС и США.

Китаю необходимо удерживать темпы экономического роста в условиях вступления в ВТО и последующей либерализации и маркетизации остающейся под контролем государства финансовой сферы и крупных промышленных предприятий. Другая проблема — как решать накапливающееся по мере продвижения реформ и вовлечения Китая в рыночную капиталистическую экономику противоречие между плюрализмом в экономике и монополией компартии на власть в политике.

Японии необходимо провести серьезную структурную перестройку финансового сектора и найти возможности для капитализации огромных по масштабам японских накоплений и повышения внутреннего спроса.

Реструктуризация корпоративного сектора и оздоровление финансовой системы являются главными внутренними проблемами для Южной Кореи.

Северная Корея находится на грани социально-экономического хаоса. В стране наблюдается острейший кризис не только системы командно-административного управления экономикой, но и кризис управления самой командно-административной системы со стороны политической власти.

Монголия продолжает искать выходы на многосторонние региональные экономические институты с тем, чтобы обеспечить приемлемое будущее своей экономике.

Пути решения

Первый путь решения обозначенных проблем — *традиционный*, которым страны с большим или меньшим успехом уже практически идут. Для примера проиллюстрируем лишь несколько вариантов применения данного традиционного подхода к решению проблем СВА.

Например, в российско-японских двусторонних отношениях важно отделить экономической сотрудничество и политическое взаимодействие между Россией и Японией от территориальной проблемы. Плюс — улучшать инвестиционный климат в России. Тогда, возможно, исходя из экономической целесообразности, Япония увеличит инвестиции в России, особенно в дальневосточные наши земли и не будет постоянно оглядываться на вопрос об островах.

Во внутрикорейских делах Москве можно продолжать пытаться разыгрывать северокорейскую карту, правда, рискуя самой оказаться в роли «карты» в руках северокорейских лидеров, явно стремящихся «сослаться» при случае на Россию в игре, которую Пхеньян ведет с Вашингтоном и Сеулом. Можно продолжать выдвигать и полужангиональные планы о трехстороннем сотрудничестве Россия — Северная — Южная Корея, например, по строительству железной дороги через весь Корейский полуостров. Полужангиональные, во-первых, потому, что находящаяся на грани развала командно-административная система хозяйствования КНДР не готова к широкомасштабному экономическому сотрудничеству на рыночных принципах. Во-вторых, потому, что сам Пхеньян сдержанно относится к многосторонним проектам. В-третьих, потому, что не ясно, как и кем будут формироваться источники финансирования дорожных идей.

В целом, в вопросах региональной безопасности в СВА можно идти таким традиционным путем, когда каждая страна сама ищет пути решения двусторонних проблем исключительно в рамках двусторонних отношений, а внутренних проблем — самостоятельно. Однако пока не видно больших успехов от реализации «обычных» программ действий.

В Китае сохраняется угроза дестабилизации, если стране не удастся эффективно адаптироваться к новым требованиям открытости и либерализации после вступления в ВТО.

На Корейском полуострове все более усиливается северокорейская угроза стабильности в СВА — но не в классическом военном понимании угрозы. У северокорейского режима нет сил для ведения полномасштабных военных действий и технологических средств для точных ракетных ударов. Угроза в другом — в возможной гуманитарной катастрофе в Северной Корее вслед за окончательным обвалом административной системы. И тогда число беженцев в Китай вполне может составить уже не сотни тысяч, а миллионы. Россия и Южная Корея также окажутся под угрозой стихийного наплыва северокорейцев через 17-ти километровую границу между РФ и КНДР или через нашипигованную минами демилитаризованную зону.

Российская экономическая стратегия по-прежнему написана для европейской части нашей экономики, максимум еще и для западносибирской, исторически сориентированной на Европу. Идея двухуровневой стратегии роста, рассматривающая Россию одновременно как глобальную и как региональную экономическую силу и подразумевающая проведение особой политики для европейской и дальневосточной частей России, пока еще не дошла до внимания российских властей.

Япония пока так и не может найти новые импульсы экономическому росту, Южная Корея очень медленно продвигается по пути реформ и реструктуризации финансового сектора своих стран.

Напрашивается мысль о *новом подходе* к развитию СВА. Подходе, основанном на том понимании, что для решения двусторонних и внутренних проблем каждой страны в условиях глобализации необходимо взглянуть на этот регион, оставшийся в годы “холодной войны” жестко разделенным на враждебные лагеря, как на единое целое. Взглянуть с точки зрения методологии глобализации, предлагающей *интеграционную мотивацию* для анализа ситуации, оценки проблем и выработки их решений, для понимания и формулирования собственного национального интереса в условиях усиливающейся региональной и глобальной взаимозависимости стран.

Интеграционная мотивация уже имеет под собой вполне реальную основу в СВА и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом, хотя и не столь центрирующую региональный рост и не столь развитую, как в ЕС.

Особенность *интеграционной ситуации в АТР* состоит в том, что здесь отсутствует межгосударственная структура типа ЕС. Интеграционное взаимодействие азиатских государств происходит на трех уровнях. На уровне форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). На уровне субрегиональных интеграционных группировок — реально существующих (АСЕАН, АСЕАН плюс три) или только обсуждаемых и намечаемых к созданию (Восточно-Азиатский Форум с участием Китая, Японии и Южной Кореи). И на уровне двусторонних связей (например, японо-южнокорейские планы заключить соглашение о зоне свободной торговли).

Саммиты АТЭС в 2000 г. в Брунее и в формате АСЕАН плюс три в том же году в Сингапуре свидетельствуют о стремительном наступлении времени реальной азиатско-тихоокеанской интеграции. Главные задачи АТЭС в области либерализации торговли и режимов привлечения иностранных инвестиций в Брунее были дополнены планами преодоления информационно-технологических разрывов между странами. А в Сингапуре — идеями создания зоны свободной торговли в рамках АСЕАН плюс три и, что особенно важно для России, предложением о формировании в СВА Восточноазиатского форума.

В качестве первого шага здесь предполагается наладить работу трехсторонней аналитической группы, которая будет предоставлять согласованные рекомендации правительствам Китая, Японии и Южной Кореи в области координации экономической и финансовой политики и развития торгового и инвестиционного сотрудничества между ними. Наряду с этим, во всех трех странах, включая Китай, на академическом и деловом уровнях ведется проработка таких вопросов, как создание единого энергетического кольца для стран СВА и транспортных коридоров из СВА в Европу, в том числе через территорию России, образование трехсторонней зоны свободной торговли в СВА, формирование валютного союза и введение единой валюты в СВА и т.п.

Совсем свежей выглядит идея японского бизнеса о создании в СВА «свободной деловой зоны», которая объединит экономику Китая, Японии и Южной Кореи². Однако она не будет закрытой ни для американских капиталов, ни для проектов, предполагающих освоение территории российского Дальнего Востока странами СВА при американском участии. Отличительная черта этой идеи видится в том, что она предусматривает привлечение к сотрудничеству России и США, однако не в качестве участников «свободной деловой зоны», а в качестве партнеров этого нового интеграционного регионального, открытого по своей сути, образования.

При развитом воображении можно продолжить поиск формул многостороннего сотрудничества в СВА. Суть, однако, не в том, как назвать то, что здесь предлагается создать. Суть вопроса, конечно, в том, как это сделать. И, что особенно важно для целей данной статьи, в том, *что это даст* для решения существующих в странах СВА и в их двусторонних отношениях проблем.

Теоретическая схема ответа на этот последний и самый главный вопрос может выглядеть следующим образом.

Первое. Двусторонние проблемы, неразрешимые на сегодня (российско-японский территориальный спор, корейская проблема, тайваньская проблема и т.д.), «отодвигаются» на потом, когда на базе успехов экономической интеграции в регионе будет создано единое экономическое, социальное и гуманитарное поле, когда встанет вопрос о формировании единого политического пространства. И когда, следовательно, не решаемые в логике «холодной войны» вопросы решатся, при всей условности этого выражения, «сами собой» по интеграционной логике.

Второе. Внутренние проблемы урегулируются путем адаптации национальной экономической стратегии к сегодняшним и завтрашним требованиям интеграционных процессов. Экономики Японии, Китая, Южной Кореи получают новый, интеграционный импульс развитию. Россия проводит двухуровневую экономическую политику, например, используя для Дальнего Востока (постепенно и для Восточной Сибири) предусмотренную уставом ВТО формулу «специальной таможенной территории», которой Россия, в своем региональном измерении, и оказывается представленной в интеграционной группировке в СВА. Тогда как европейская и замкнутая на нее западносибирская части нашей экономики продолжают «движение на Запад», имея своей конечной целью войти в экономическое пространство ЕС.

Конечно, схема есть не более чем схема. Реальная жизнь может предложить самые разнообразные сценарии решения национальных и двусторонних проблем в СВА. Тем не менее, как представляется, следование стран СВА такой (или примерно такой) схеме и согласование между странами СВА экономической и финансовой политики, исходя из такой схемы, как раз и создает практическую основу для использования интеграционной мотивации в обеспечении регионального соразвития и на основе такого соразвития — региональной безопасности.

Новые структуры

Развитие многостороннего интеграционного сотрудничества в СВА может быть определено как совместное использование Японией, Китаем, Южной Кореей и Россией наличествующих здесь факторов производства — капитала, труда, земли, технологий.

Совместное использование факторов производства возможно в случае образования, в перспективе, единого правового поля, обеспечивающего свободное передвижение в регионе товаров, финансовых потоков, рабочей силы, научных знаний и разработок. Путь к такому единому правовому полю лежит через создание в СВА зоны свободной торговли, введение единого инвестиционного режима, формирование монетарного союза с перспективой перехода на единую валюту СВА, использование единых стандартов при производстве товаров, единой системы аудита финансовых институтов, через взаимную отмену визовых режимов, взаимную адаптацию систем образования и обучения иностранным языкам и т.д. Для реализации такого сценария необходим длительный многосторонний переговорный процесс в рамках определенного регионального института.

Начало переговорному процессу может быть положено в тех областях, где стороны уже видят и признают взаимную заинтересованность. Создание трансграничных сетей нефте- и газопроводов, линий электропередачи, транспортных сетей, равно как и международного банка в СВА представляются теми областями, с которых процесс субрегиональной интеграции может стартовать на деле.

Вместе с тем, процесс институализации интеграционного сотрудничества в СВА находится сегодня лишь на начальной стадии и не вышел на межгосударственный уровень. Главными институтами сотрудничества в СВА сегодня являются неправительственные Экономический Форум СВА, Газовый Форум и Экономическая конференция СВА. Спонсируемый ПРООН Туманганский проект (в КНДР) не получил и вряд ли получит должное развитие, прежде всего по причине неготовности командно-административной экономической системы Северной Кореи к взаимодействию с региональной рыночной экономикой.

Ключевой проблемой развития интеграции в СВА является поиск *источников финансирования* дорогостоящих региональных проектов. По расчетам, для создания инфраструктуры интеграционного сотрудничества в СВА потребуется ежегодно около 7,5 млрд. долл. капиталовложений. За счет средств государств-участников и уже действующих международных финансовых институтов предполагается мобилизовать порядка 2,5 млрд. долл. Для привлечения остальных инвестиций, как признают в деловых и академических кругах СВА, необходимо создание *Банка развития СВА*. Акционерами такого банка, который привлекал бы финансовые ресурсы с мировых рынков для нужд СВА, должны стать правительства США, Японии и Южной Кореи, России и Китая.

Аргументы в пользу идеи Банка состоят в том, что главный многосторонний инвестор в Азии — Азиатский банк развития (АБР) не может сыграть роль ведущего финансиста в интеграционных процессах в СВА. АБР существует для всей Азии, тогда как СВА требует особого подхода к финансированию дорогостоящих, с долгим сроком окупаемости проектов многостороннего сотрудничества. Кроме того, Россия — не член АБР.

При этом Банк развития СВА мыслится не как альтернатива АБР, но как дополнительный институт, который бы фокусировался на проектах в СВА. Банк развития СВА призван аккумулировать финансовые ресурсы для нужд региона. Банк будет заимствовать долгосрочные кредиты на мировых финансовых рынках путем выпуска облигаций и будет предоставлять собранные средства в виде долгосрочных кредитов на развитие инфраструктуры в СВА. В первую очередь транспортных и нефтегазовых проектов, о которых уже несколько лет говорят в России.

Без банка основная нагрузка по финансированию интеграции в СВА упадет на Японию и Южную Корею, а с банком — на международные рынки капитала.

Первоначальная капитализация банка видится на уровне в 20 млрд. долл. Страны СВА выкупят акции банка на следующих условиях: 50% составит оплаченная часть уставного капитала, и 50% — гарантийная часть уставного капитала. Гарантийная часть уставного капитала будет использована под обеспечение заимствований на мировых рынках по низким ставкам и с долгим сроком погашения. В случае создания Банка развития СВА в течение ближайших 5 лет его работы банк сможет аккумулировать порядка 15 млрд. долл. инвестиций на инфраструктурные объекты в СВА.

К идее создания банка проявляют большой интерес частные финансовые институты США, Японии и Южной Кореи. Однако они нуждаются в своего рода «политическом сигнале», который должен поступить от правительств

стран СВА, включая Россию и Китай. Более того, от России ждут, прежде всего, политической поддержки интеграции в СВА в целом и конкретно — идеи создания Банка развития СВА. Если Россия поддержит идею Банка, то ее взносы в уставной фонд составят порядка 140 млн. долл. в год в течение пяти лет. Задача не столь уж и невыполнимая.

Для обеспечения совместного использования такого фактора производства как *рабочая сила* необходима скоординированная в рамках СВА миграционная политика. Для ее институализации может быть создан региональный Совет по управлению трудовыми ресурсами региона. Совет вырабатывал бы правила и квоты миграции рабочей силы в рамках СВА и осуществлял соответствующий контроль с тем, чтобы не допускать случаев нелегальной миграции. В этих целях в рамках Совета могли бы быть сформированы единые многосторонние силы миграционной полиции.

Другой задачей Совета важно сделать конкретную работу по развитию Человека в самом широком смысле этого слова — как работника, как потребителя и как личности со своим культурным и цивилизационным наследием.

Финансирование работы Совета могло бы осуществляться за счет единого для стран СВА налога на ВВП: имеется в виду, что страны СВА выделяют согласованную долю ВВП на нужды работы данного Совета.

Основой интеграции в СВА, как уже отмечалось, является создание соответствующей ресурсной и транспортной инфраструктуры, в том числе с приоритетным развитием ресурсов российского Дальнего Востока. Субрегиональным институтом в этой сфере, работающим в координации с Банком развития СВА, мог бы стать межгосударственный *Совет по развитию транспорта и природных ресурсов СВА*. Поскольку финансирование проектов предполагается осуществлять за счет привлекаемых Банком средств, то финансирование работы секретариата этого Совета могло бы вестись за счет национальных бюджетных возможностей.

Аналогично мог бы быть сформирован *Совет СВА по субрегиональной научно-технической политике*, который занимался бы вопросами развития и координации научно-технической политики в странах СВА. Финансирование конкретных проектов — также за счет средств Банка, финансирование секретариата — за счет национальных бюджетных средств.

Еще один субрегиональный орган необходим для обеспечения координации макроэкономической и финансовой политики стран региона. Этот орган мог бы также осуществлять координацию политики стран СВА в отношении АТЭС и глобальных экономических организаций, например, ВТО, после вступления в эту организацию Китая и России. В перспективе из его финансовой составляющей мог бы быть образован центральный банк СВА. Развивая в последние год-два практику взаимного обмена депозитами в национальной валюте в целях обеспечения финансовой стабильности на случай обвала валютных рынков, центробанки стран СВА (за исключением России) уже начали накапливать опыт позитивного сотрудничества.

Еще раз повторим, что подключение России к подобным интеграционным начинаниям в СВА — с тем, чтобы не создавать противоречия между планами по интеграции нашей экономики в ЕС и в СВА — возможно, на первых порах, в рамках концепции «специальной таможенной территории», предоставляющей дальневосточной экономике России больше стратегической, тарифной и монетарной автономии. В глобальной перспективе интеграция двух частей российской экономики в ЕС и СВА соответственно создаст предпосылки для того, чтобы Россия стала связующим звеном между западноевропейским и восточноазиатским интеграционными пространствами.

Впоследствии указанные выше институты интеграции в СВА могли бы стать основой для формирования единого правительства экономико-интеграционного объединения в Северо-Восточной Азии — своего рода «Восточноазиатского Союза».

Что надо делать странам

Обеспечение регионального признания и тем более воплощение на практике концепции безопасности через соразвитие в СВА при опоре на интеграционную мотивацию поведения стран — дело долгое и очень-очень не простое. Здесь предстоит проделать большую работу.

Прежде всего, всем странам необходимо постепенно продвигать данную концепцию в сознание тех, кто разрабатывает внутреннюю и внешнюю политику страны, утверждает ее и исполняет. Всем странам необходимо увидеть в интеграционной мотивации новый импульс экономическим и политическим реформам ради экономического роста, демократии и развития личности в условиях экономического и политического плюрализма.

Могут возразить, что действия политиков не свободны на сто процентов, что они подчинены реализации национальных интересов и интересов групп влияния и что, даже захоти они изменить угол видения региональных проблем, приоритет национальных интересов над интеграционными начинаниями будет ограничивать их действия. В принципе, возражение правильное. Оно показывает, с какими трудностями сталкивается интеграционная логика в СВА.

Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что национальные интересы не существуют вне сферы человеческого сознания, что они не раз и навсегда заданы кем-то свыше, а *существуют в интерпретации Человека*, выполняющего в нашем случае функцию руководителя государства. Человека, имеющего свою структуру экономических, политических и иных потребностей, имеющего свою мировоззренческую базу и свой угол анализа проблем и принятия решений. А раз так, то через работу с Человеком, через изменение его мировосприятия, его структуры потребностей, мотивации его поведения можно, теоретически, добиться изменения концептуальной основы для формулирования национальных интересов, дополнив ее идеями интеграционной мотивации и, следовательно, можно добиться изменения самого понимания и формулирования национального интереса. То есть, можно перейти к формулированию национальных интересов, исходя из того, что «*направляемая интеграция*» в СВА больше отвечает национальным интересам находящихся здесь государств, чем поиск исключительно внутренних ресурсов роста и ориентация на решение региональных проблем исключительно в рамках двусторонних отношений.

Наряду с этими общими рекомендациями каждой из стран предстоит проделать свою «домашнюю работу».

США важно участвовать в банке развития СВА, ясно заявить о поддержке идеи создания экономического сообщества в этом регионе. Для снятия сомнений Вашингтона в том, что интеграция в СВА может вывести на траекторию закрытого регионализма, необходимо создание канала постоянного диалога США — СВА, в рамках которого происходила бы синхронизация их интересов.

Аналогичный диалог с аналогичными целями важно установить между СВА и Евросоюзом, отдельно или в рамках уже существующей формулы АСЕМ.

России и, возможно, Китаю важно решить задачу, как именно, т.е., всей ли своей экономикой или ее частью (Дальний Восток и, возможно, Восточная Сибирь России и северо-западные районы, и, возможно, вся прибрежная экономика Китая) участвовать в формировании единого экономического пространства в СВА. В последнем случае применима уже упоминавшаяся выше формула «специальной таможенной территории».

Кстати говоря, эта формула уже используется применительно к Гонконгу, она подсказывает выход из деликатного положения при приеме в ВТО Тайваня. А также может быть востребована и для определения статуса северо-корейской экономики в треугольнике сложных, с точки зрения принципов ВТО, взаимоотношений ВТО — Южная Корея — Северная Корея, когда южнокорейская сторона считает торговлю с КНДР, признанной мировым сообществом суверенным государством, своей внутренней торговлей.

Японии важно взять на себя роль финансового лидера интеграции в СВА. А Южной Корее — отдать приоритет восточноазиатским интеграционным целям по сравнению с политикой «вовлечения» Северной Кореи и перестать превращать Северную Корею в центр, вокруг которого как будто только и может развиваться субрегиональная интеграция в СВА.

Проблема России

Проблема России в том, что ее руководство, политически признавая, что Россия есть не только европейская, но и евразийская страна, в экономическом плане никак не учитывает эту особенность при разработке стратегии экономического развития или проведении монетарной политики. А без такой стратегии, которая учитывала бы задачи интеграции России и в западноевропейское и в восточно-азиатское экономическое пространство, крайне сложно ответить на многие практические вопросы, связанные с подключением России к финансовой интеграции в СВА.

Складывающаяся в СВА ситуация позволяет утверждать, что пока еще Россия «не опоздала на поезд» экономической интеграции. При этом, как представляется, участие России в развитии многостороннего регионального взаимодействия с этой частью Азиатско-Тихоокеанского региона имеет первостепенное значение для поднятия экономики российского Дальнего Востока и Восточной Сибири. России жизненно важно не остаться за бортом интеграционных начинаний в СВА, вблизи ее дальневосточных границ.

Отношение Японии, Китая и Южной Кореи к участию России в трехсторонней интеграции этих государств неоднозначное. С одной стороны, при обсуждении данного вопроса в принципе ни Токио, ни Пекин, ни Сеул не выступают против участия России, более того видят в России важного стратегического поставщика сырья и транспортных услуг. С другой стороны, при повышении степени конкретности обсуждения обнаруживается, что страны СВА слабо представляют, как именно Россия могла бы подключиться к трехстороннему сотрудничеству. Кроме того, на позицию Японии в неблагоприятном для России свете влияет нерешенность вопроса о мирном договоре с Россией, на позицию Южной Кореи — увлеченность Сеула «северокорейской проблематикой».

Неоднозначно и отношение США к идее образования экономической группировки в СВА без американского участия. Частный американский бизнес усматривает в этом новые возможности, тогда как государственные структуры опасаются ослабления политического влияния США на регион.

В этих условиях, если признать правильной постановку вопроса о необходимости превращения России в полноправного члена экономического сообщества в СВА, перед Россией и российской дипломатией встают новые сложные, но все же решаемые задачи. России, как представляется, необходимо предпринять следующие шаги:

- официально заявить о своем стремлении стать членом Восточноазиатского форума и предложить Японии, Южной Корее и Китаю начать переговоры о создании здесь зоны свободной торговли с, пусть и отдаленной, перспективой образования аналога ЕС в СВА;

- расширить тематику встреч на высшем уровне и на высоких уровнях с руководителями Японии, Китая и Южной Кореи, включив в нее проблематику многостороннего сотрудничества в СВА, вопросы координации экономической и финансовой политики и т.д.;

- в своей тихоокеанской дипломатии сместить акцент на цели обеспечения участия России в региональных интеграционных процессах по сравнению с задачами усиления политического или военно-политического влияния России в регионе, особенно в тех случаях, когда эти две цели приходят во взаимное противоречие;

- адаптировать экономическую стратегию России к решению двуединой задачи — интеграции России в западноевропейское и восточноазиатское экономическое пространство, проводя при этом в рамках единого федерального государства двухуровневую экономическую политику на основе концепции придания Дальнему Востоку статуса особой таможенной территории;

- поддержать идею создания Банка СВА;

- продолжить работу по продвижению в сознание разработчиков и исполнителей внешней политики стран СВА идей интеграционной мотивации и нового взгляда на безопасность и сотрудничество в СВА и на место здесь России.

Взгляд на региональные и национальные проблемы в СВА через логику интеграционной мотивации

Изменение понимания целей экономической стратегии и внешней политики на основе интеграционной мотивации дает возможность по-иному посмотреть на упомянутые в начале статьи региональные и национальные проблемы в СВА.

Противоречия между Россией и Китаем, с одной стороны, и США, и в определенной степени Японией и Южной Кореей, с другой, по вопросу о *НПРО и ПРО ТВД* снимаются через подключение военно-промышленных комплексов России и Китая к американским проектам ПРО в рамках создания глобальной ПРО. Политически такое подключение возможно, поскольку концепция ПРО рассматривает в качестве потенциального источника угрозы не Россию и Китай, а «страны-изгои». Экономически такое сотрудничество может быть полезно и как толчок совместным научным разработкам, и как вариант удовлетворения потребностей национальных военно-промышленных комплексов в выгодных государственных заказах, которые (ВПК) и в США, и в России, и в Китае сохраняют весомые политические позиции.

Реальное же противодействие гипотетически мыслимой американской угрозе, которую можно увидеть в факте отрыва США от других стран в области новейших вооружений и военном освоении космоса, возможно не на путях малоперспективной попытки догнать США или создать альтернативный стратегический полюс. А, исходя из логики интеграционной мотивации, посредством укрепления глобального демократического поля нашей планеты, которое удержало бы обладателей военной силы от использования ее против рыночно-демократических принципов и институтов.

Сценарий решения *корейской проблемы* выглядит следующим образом. Северокорейский режим со временем сам «упадет» в созданное в СВА интеграционное рыночно-демократическое поле. При этом политика вовлечения Пхеньяна в диалог со странами СВА по вопросам военной безопасности и экономических реформ может продолжаться своим чередом. И если она принесет плоды раньше, чем действия, основанные на интеграционной мотивации, тем лучше. А для отражения наиболее опасной угрозы, исходящей от Северной Кореи, угрозы гуманитарной катастрофы, интеграционная мотивация выводит на идею создания специального Фонда СВА по предотвращению социального

хаоса в Северной Корее, участниками которого наряду с Японией, Южной Кореей, Китаем и Россией могли бы стать США и ЕС.

Российско-японский территориальный спор также получает новый вариант «автоматического» решения — через создание в будущем единого социально-экономического и с перспективой политического пространства в СВА. При этом, если успех быстрее будет достигнут за счет использования дипломатии двусторонних российско-японских переговоров, на основе Декларации 1956 г. или иным путем, то это — как и в случае с корейской проблемой — только подтолкнет интеграционные процессы в СВА.

Аналогично видится и решение *тайваньской проблемы*. В начале 2001 г. Тайвань уже выдвинул схему образования с Китаем сначала таможенного союза, единой экономики, а потом решения вопроса об объединении.

Исторические споры *Китая и Южной Кореи с Японией* по поводу оценки колониального прошлого в рамках единого образовательного пространства в СВА решаются не только таким приемом, как «смотреть не в прошлое, а в будущее», но и признанием права новых поколений трех стран СВА на плюрализм оценок неоднозначно трактуемого прошлого. Мнение японских историков может и должно сосуществовать с альтернативными позициями историков китайских и корейских. И уж во всяком случае, расхождение во взглядах не должно создавать преград интеграционным начинаниям в регионе.

Конечно, острота соперничества между Китаем и Японией за региональное лидерство, в том числе и в вопросах интеграционного строительства в СВА, не исчезнет в одночасье, запусти лишь механизм интеграционной мотивации. Да и сам такой механизм не может быть в одночасье создан. Однако, с точки зрения региональной безопасности, соперничество по интеграционной логике безусловно предпочтительнее иного варианта соперничества — по логике так называемой «игры с нулевой суммой», столь популярной в политологических изысканиях времен «холодной войны». То есть, по той логике, когда одна сторона добивается успеха, только нанося ущерб позициям соперника, а не при том, что и соперник тоже добивается успеха.

Ясно также, что на практике предложенные схемы не станут работать столь безупречно, как это выглядит на бумаге. Смысл же научной разработки таких сценариев в том, чтобы предложить новый угол зрения на старые и не решаемые традиционным путем проблемы с тем, чтобы либо выработать совершенно новые подходы, либо трансформировать старые.

Что мешает?

Сегодня, кажется, что есть больше аргументов в пользу того, почему объективные тенденции интеграционного соразвития в СВА будут тормозиться, а не ускоренно развиваться. Можно упомянуть лишь несколько важнейших преград формированию в СВА того или иного варианта аналога Евросоюза.

Это и разные уровни экономического развития стран СВА, разные внутренние условия развития и разные первоочередные социально-экономические и финансовые задачи. Задачи, которые необходимо решать уже сегодня, исходя из тех средств, которые есть сейчас, при отсутствии явных выгод от интеграции. Это и исторические и политические препятствия, которые формируют общественное мнение в странах СВА, причем не всегда в пользу интеграционного творчества. Это и реальное, а не ожидаемое в будущем отношение США к интеграционным начинаниям в СВА без американского участия. Это и реальные, а не уже разрешенные, как на то дает надежду интеграционная мотивация, противоречия и столкновения политических интересов двух азиатских гигантов — Японии и Китая, конкурентных интересов юж-

нокорейского, японского и китайского бизнеса, традиционная, а отнюдь не двухуровневая, экономическая стратегия России, обращенная на Европу и т.д.

Отношение к этим преградам и объективным реальностям, отнюдь не добавляющим, скажем так, интеграционного оптимизма, может быть двояким. Причем не по принципу «или-или», а по принципу «и-и».

Можно ждать устранения этих преград естественным и постепенным путем. А можно — через пополнение мировоззренческой основы лидеров СВА идеями интеграционной мотивации — целенаправленно использовать уже существующие возможности там, где они уже по сути созданы в результате естественного и постепенного развития взаимодействия экономик СВА, для конкретного строительства системы «безопасности через соразвитие». Этот второй путь все же представляется более предпочтительным. Он позволяет дополнить теорию и практику догоняющего развития, примеры которого дали Япония, Южная Корея, Тайвань и продолжает давать Китай, теорией и практикой «догоняющей интеграции». Теорией и практикой, в которой столь остро нуждается СВА — единственный в мире столь развитый и значимый для глобальной экономики субрегион, не имеющий до сих пор не только аналогичных ЕС интеграционных институтов, но и соглашений о свободной торговле между составляющими его странами — своего рода пролога интеграции.

Как появляется и как действует интеграционная мотивация

Интеграционная мотивация возникает в том случае, когда та или иная экономика не может справиться со своими проблемами за счет собственных средств или за счет развития традиционных внешнеэкономических связей. Глобализация мировой экономики дает новые стимулы для появления интеграционной мотивации — неспособность той или иной страны справиться со своими проблемами негативно влияет на развитие других, тесно связанных с ней экономик.

Говоря иными словами, определенная проблема, не находящая решения внутри одной экономики, поднимается на региональный уровень видения и может быть решена только путем объединения усилий стран-партнеров. Наличие таких проблем и стремление их решить как раз и рождает интеграционную мотивацию развития и сотрудничества.

Например, Россия не имеет капитала и рабочей силы для освоения ресурсов своих дальневосточных территорий. Или Япония не может увеличить внутренний спрос и таким образом ускорить экономическое развитие. Другой пример: Япония, Южная Корея и Китай оказываются в весьма уязвимой ситуации вследствие их односторонней ориентации на ближневосточные рынки энергоносителей. И так далее. В этом случае развитие интеграции в СВА открывает России доступ к капиталам, Японии — к новым потребителям, Китаю и Южной Корее вместе с той же Японией — к альтернативным, российским источникам поставок нефти и газа.

Интеграционная мотивация, вырастающая из экономической необходимости, изменяет структуру региональных политических интересов. Происходит формирование *трансграничных интересов* у субъектов хозяйствования, социальных слоев, бюрократических групп. Трансграничных интересов, которые могут вступать в противоречие с интересами других «своих» национальных субъектов экономической, социальной и политической жизни. Наглядный пример — формирование совпадающих интересов у американского, российского и китайского военно-промышленных комплексов, как это на первый взгляд ни парадоксально звучит, в ограниченной дестабилизации региональной ситуации.

Механизм этого совпадения следующий. В условиях, когда США, Россия и Китай не рассматривают возможность ведения друг против друга то-

тальной войны, военно-промышленный комплекс США использует ограниченные, как это трактуют в Вашингтоне, ракетные угрозы со стороны «стран-изгоев» для получения государственных ассигнований на дорогостоящие системы ПРО. Российский и китайский ВПК, в свою очередь, уже ссылаясь на нарушение стратегической стабильности и угрозу своей безопасности, используют американские планы по ПРО как аргумент для вытягивания средств из своих национальных бюджетов. При этом, если Россия или Китай, да и те же США, пойдут на увеличение военных ассигнований, то это в первую очередь уменьшит их возможности финансировать экономическое развитие и решение социальных проблем. Таким образом, при совпадении между собой интересов ВПК трех стран эти интересы вступают в противоречие с интересами национальных производителей и потребителей невоенной продукции. В годы холодной войны подобного рода издержки оправдывались созданием щита, который бы защитил ущемленных в своих правах и возможностях потребителей и производителей от внешней угрозы. Сегодня такой аргумент работает все тяжелее. Интеграционная мотивация в данном случае, выводя, как уже отмечалось, на идеи партнерства США, Китая и России по совместному созданию глобальной ПРО, может помочь по крайней мере оптимизировать их совокупные военные расходы.

Интеграционная мотивация требует иного подхода и к проблеме социально-экономической эффективности развития СВА. Ее использование требует применения макроэкономических расчетов эффективности уже не только для одной страны, но и для субрегиона в целом. Подобные требования в корне меняют подходы к экономическому развитию и экономическому планированию в странах СВА, побуждая страны принимать в расчет не только свои возможности и проблемы, но возможности и проблемы стран-партнеров. Тем самым запускается новый механизм стратегического мышления, меняющий систему национальных приоритетов. Например, признание того, что без освоения российских ресурсов энергоносителей Япония, Китай и Южная Корея не смогут обеспечить собственной энергетической безопасности в будущем, не может не влиять на позиции сторон по отношению к оставшимся от прошлого политическим проблемам.

Ключевым, однако, остается вопрос о том, как на деле запустить механизмы интеграционной мотивации в СВА. Ответ, видимо, возможно сформулировать так: сделать это можно только через *многосторонний диалог* между учеными, политиками, чиновниками и бизнесменами с участием всех четырех главных стран СВА.

* * *

Теоретически возможен и иной взгляд на развитие ситуации в СВА. Взгляд, согласно которому в субрегионе происходит усиление позиций американского гегемонизма. По мере экономического роста Китай все больше превращается в державу, способную угрожать соседям или открытую для взаимодействия в целях сдерживания влияния США. Экономический потенциал Японии не находит адекватного военно-политического отражения, что делает Японию также потенциально опасной в обозримом будущем. А объединенная Корея скорее создает новые проблемы и вызовы соседям по региону, чем будет способствовать поддержанию здесь стабильности. И так далее - перечень в таком духе можно продолжить.

Однако заметим по этому поводу следующее. Наш сегодняшний мир, как, впрочем, и всегда, находится в состоянии вечного перехода. Сегодня — это переход от агрессивного политического мышления и компромиссного поли-

тического мышления, основанного на балансе сил, к компромиссному мышлению, в основе которого закон и его всеобщая обязательность. Это переход от разделенного на социализм и капитализм мира к миру, развивающемуся на принципах рыночной демократии.

Переход, только еще осуществляемый и далекий от завершения. Такому переходу сопутствуют *три логики* международного поведения. *Одна* логика — агрессивная, основанная на силе. Это логика борьбы с международным терроризмом и агрессивными режимами (например, с талибами, чеченскими сепаратистами и т.п.). Здесь сила и соответствующие «политические игры» (например, поддержка Северного альянса против Талибана) имеют право на существование. А, может быть, и являются наиболее эффективными средствами погасить конфликт. Цель здесь состоит в том, чтобы или подавить силой очаги нестабильности, или перевести конфликт в другую плоскость, где действует *вторая* логика.

Это логика компромисса на основе баланса силы. Этой логике соответствует перевод боевых действий в плоскость политических переговоров. В СВА примером такой логики может служить внутрикореянский диалог, российско-японский территориальный диспут или сохраняющееся статус-кво между Китаем и Тайванем. Задача здесь состоит в том, чтобы либо решить существующие проблемы в рамках этой, наиболее распространенной пока, логики международного поведения. Либо перевести проблему в плоскость действия *третьей* логики, логики, основанной на интеграционной мотивации.

Логика интеграционной мотивации имеет то преимущество, что позволяет ставить задачи экономического, социального, общечеловеческого соразвития и сопроцветания выше старых межгосударственных споров. И тем самым, ведя в далекой исторической перспективе к единому миру, позволяет рассчитывать на новые решения многих национальных и международных проблем в духе концепции «безопасности через соразвитие».

Конечно, жизнь сегодня такова, что не все проблемы и конфликты можно по одному лишь желанию Человека перевести в плоскость работы третьей логики интеграционной мотивации. С другой стороны, обнадеживает то, что в мире — во всяком случае, между наиболее мощными и значимыми странами — достигнут в целом консенсус по вопросу о предпочтительности применения, условно говоря, логики номер два по сравнению с логикой номер один. И этот консенсус определяет сегодня отношение мирового сообщества к ситуации во всех «горячих точках»: политический диалог признается эффективнее военных действий. Хотя, еще раз оговоримся, не везде переход от войны к диалогу реален.

Вопрос состоит в том, чтобы сделать, во всяком случае, в СВА, по тем проблемам, где это возможно, еще один шаг к преобладанию логики интеграционной мотивации. Задача эта трудная, но ставить ее надо, видя именно в *социально-экономическом и культурном соразвитии*, а не только и не столько в военном потенциале, стратегических полюсах, либо дипломатических играх наиболее надежные гарантии региональной и глобальной безопасности.

1. South China Morning Post. 12 July 2001.

2. Yomiuri Sinbun. 15 July 2001.

Северо-Восточная Азия как субрегион Азиатско-Тихоокеанского региона и Евразии

© 2002

М. Хейсканен

1. Северо-Восточная Азия как субрегион

Северо-Восточную Азию (СВА) как правило рассматривают как субрегион, входящий в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) и Восточную Азию. Согласно концепции, которая вошла в оборот со времен Корейской войны (1950-53 гг.), он включает Японию, Северную и Южную Корею, Монголию, Северо-Восточную часть Китая и Российский Дальний Восток. Иногда к этому субрегиону относят также Тайвань и Гонконг. С политической точки зрения США, будучи географически расположенными поблизости от его главных стран (Аляска), также являются одним из активных региональных игроков в Северо-Восточной Азии.

Хотя понятие Северо-Восточной Азии включает в себя Северную часть Тихого океана, с географической точки зрения это не одно и то же, так как последняя включает в себя также часть США (Аляска) и Канады (Британская Колумбия).

Понятие Евразии, в самом широком смысле, включает в себя все пространство Европы и Азии. В данной статье Евразия рассматривается в более узком смысле, как регион, связывающий Европу с Востоком и с Северо-Восточной Азией посредством Евразийских / Транс-Сибирских территорий.

С тех пор, как распался Советский Союз, политическая карта северной части Евразии сильно изменилась, на ней сразу же появились несколько новых независимых государств, ранее входивших в состав Советского Союза на правах его союзных республик. В контексте этих изменений евразийская принадлежность СВА и Северной части Тихого океана стала рассматриваться под другим углом зрения.

Евразийское измерение было фактической реальностью, в рамках Российской царской империи, которая с 1809 по 1917 г. включала в себя территорию, простиравшуюся от Аландских островов, вблизи восточного побережья Швеции до входившей в ее состав до 1867 г. Аляски, когда последняя была продана Россией Соединенным Штатам Америки.

Евразийское измерение обрело более «гибкое» содержание после Корейского саммита, состоявшегося в Пхеньяне в июне 2000 г., открывшего возможность в дальнейшем возобновить движение по Транскорейской железной дороге, которую планируется связать с Транссибирской магистралью и далее через трансевразийский коридор соединить с Европой и Европейским Союзом.

2. Политическое развитие Северо-Восточной Азии после окончания “холодной войны”

Региональными игроками в Северо-Восточной Азии являются ведущие военные державы Азиатско-Тихоокеанского региона – США, Россия и Китай. Япония может быть охарактеризована как полувоенная держава. Все вышеперечисленные четыре страны, даже при установившемся после окончания “холодной войны” новом мировом порядке, остаются ведущими державами.

Северо-Восточную Азию целесообразно считать особым субрегионом в составе Азиатско-Тихоокеанского региона не только потому, что там расположены ведущие мировые державы (три из них ядерные), но также и вследствие того, что с точки зрения дальнейшего развития регионализма и региональной интеграции, имеющиеся в Северо-Восточной Азии условия существенно отличаются от тех, которые сложились в других субрегионах Азии, например, в Юго-Восточной Азии.

В интересах углубления регионального сотрудничества, а в долгосрочном плане и интеграции Северо-Восточной Азии в этом субрегионе необходимо достичь политической стабильности. Хотя в СВА уже нет той американо-советской конфронтации, которая существовала в годы “холодной войны”, однако, период после нее характеризуется возникновением новой напряженности, теперь уже между Америкой и Китаем. В СВА все еще сохраняются пережитки послевоенных лет и периода “холодной войны”: разделение Корейского полуострова, тайваньская проблема и японо-российские территориальные противоречия. Успешная и ставшая исторически значимой межкорейская встреча на высшем уровне в Пхеньяне (июнь 2000 г.) явила собой начало новой эры разрядки в масштабе всей Северо-Восточной Азии. Однако до тех пор, пока существующие здесь политические проблемы будут разрешены окончательно, потребуется время, возможно, еще несколько десятков лет.

Северо-Восточную Азию нередко путают с Юго-Восточной Азией, географическое название которой стало всемирно известным вследствие войны во Вьетнаме, а также благодаря деятельности региональных организаций, особенно Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), активизация которой пришлась на 1990-е годы. Успешное развитие регионального и многостороннего сотрудничества в ЮВА поставило вопрос о том, сможет ли ее модель быть применена в СВА. Подобный вопрос уже возникал применительно к возможности использования европейского опыта интеграции и поддержания региональной безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии, которая на данный момент испытывает недостаток многосторонних межгосударственных инструментов.

Что касается моделей ЮВА, то государства СВА характеризуются по природе своей как «реалисты», в то время как государства Юго-Восточной Азии определяются как “более склонные к сотрудничеству” «неолиберальные-институционалисты». Основным препятствием, по-видимому, для активизации регионального сотрудничества, не говоря об интеграции, служит существующая здесь политическая и военная напряженность.

Субрегион Северо-Восточной Азии в геополитическом плане является ключевым для стабильности во всем АТР. Самая развитая в экономическом отношении страна Азии – Япония. Одной из важнейших проблем будущего является вопрос о возможной доминирующей роли Японии в Азии, особенно в случае принятия Америкой решения о своем военном и политическом уходе из СВА. Налицо имеются все признаки того, что после окончания “холодной войны” Япония стремится занять на мировой арене более серьезное место. Означает ли это, что она действительно способна играть роль лидера в Азии? И ес-

ли это так, то что думают по поводу этой перспективы ее азиатские соседи? Углубление политического и экономического кризиса в Японии в 2001 г. послужило поводом к развертыванию дискуссии относительно возможности изоляции Японии как неблагоприятного выбора с точки зрения дальнейшей региональной и глобальной политики на ближайшее будущее.

Северо-Восточная Азия имеет огромный потенциал для развития регионального сотрудничества как в плане экономики, так и контактов с внешним миром. Однако на пути к этой цели стоят существенные препятствия. СВА могла бы создать особый тип регионализма и стать полюсом или центром силы в многополярном мире, являясь связующим звеном между Евразией, Европой / Европейским Союзом, Юго-Восточной и Южной Азией, Центральной Азией и Северотихоокеанским регионом, включая США и Канаду. Кроме того, конкретной возможностью является и южное измерение, связанное с обеспечением транспортных торговых связей с Австралией и Новой Зеландией.

Главным препятствием на пути развития регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии, безусловно, выступают неурегулированные противоречия, способные привести к военным конфликтам. С другой стороны, вполне возможно, что в долгосрочной перспективе региональное сотрудничество может оказаться в тупике как в политическом, так и военном плане или быть отложено из-за продолжения существования этих конфликтных ситуаций в долгий ящик до более подходящего времени. В то же время, региональное сотрудничество способствовало бы расширению влияния других позитивных факторов в регионе и его взаимодействию с иными регионами. Возможно также, что региональные структуры, находящиеся за пределами СВА, например, такие как Европейский Союз, могли бы внести свой вклад в такое мирное развитие.

3. Дефицит региональных рычагов в Северо-Восточной Азии: пример Юго-Восточной Азии.

Концентрация военной мощи, включая ядерное оружие, перспективы появления «вакуума силы» и наличие исторической вражды – все это создает в Северо-Восточной Азии потенциально взрывоопасный «коктейль», который способен привести к вооруженному конфликту со всеми вытекающими отсюда глобальными последствиями в случае, если острые межгосударственные противоречия останутся неурегулированными. В СВА ощущается недостаток мер доверия во всех областях, практически отсутствуют многосторонние институты или структуры для их выработки и согласования. Межгосударственные отношения основываются главным образом на двусторонней основе, не обеспечивая реальных рамок для обсуждения проблем, касающихся СВА и региона в целом.

Напротив, в ЮВА так называемые страны – «неолиберальные институционалисты» сформировали в рамках АСЕАН свой форум регионального сотрудничества. Возможно, заметим с долей иронии что единственный всеохватывающий региональный форум, в состав которого сегодня входят и все государства Северо-Восточной Азии (недавно в эту организацию вступила Северная Корея) – это Региональный форум АСЕАН (АРФ). В действительности же АСЕАН находится на расстоянии почти в полконтинента от Северо-Восточной Азии. И хотя АРФ представляет собой «полезное место» встречи для неформального диалога, веских оснований для того, чтобы сделать АСЕАН ведущей организацией, координирующей происходящие в Северо-Восточной Азии региональные процессы, пока не существует.

В случае возникновения межгосударственных трений в ЮВА есть возможность урегулировать их в рамках АСЕАН путем консультации, поиска

консенсуса и сотрудничества, что исключает возникновение серьезных конфликтных ситуаций, могущих привести к открытой конфронтации.

Поэтому Юго-Восточная Азия и способна более эффективно использовать свой существенный экономический потенциал в масштабах региона.

В данной ситуации возникает вопрос, могут ли рамки регионального сотрудничества стран АСЕАН и Юго-Восточной Азии, включая сотрудничество в сфере безопасности, представлять собой подходящую модель для Северо-Восточной Азии. К сожалению, неодинаковый исторический опыт и политическая культура двух регионов дают основания для сомнений, годится ли «АСЕАНовская модель», работающая в ЮВА, для использования в СВА. Аналогичный вопрос и те же самые сомнения могут возникнуть и по поводу возможности использования в СВА европейских моделей экономической интеграции и обеспечения региональной безопасности и сотрудничества.

Одной из важнейших проблем в процессе становления нового мирового порядка в период после окончания «холодной войны» является создание многосторонних структур по обеспечению безопасности и регионального, особенно экономического, сотрудничества, главным образом в масштабах Азиатско-Тихоокеанского региона, но также и таких его субрегионов как СВА и ЮВА. Могут ли потенциальные интеграционные процессы там быть увязаны с интеграционными процессами, происходящими в других частях мира, прежде всего в Северной Америке и в Европе, или же мир будет разделен на экономически интегрированные или связанные между собой отдельные блоки, конкурирующие друг с другом? Останется ли Азиатско-Тихоокеанский регион однополярным, в котором будет доминировать одна единственная сверхдержава – США, или станет многополярным, либо же возникнет новая биполярная (либо «трехполярная») система, способная гарантировать баланс сил в АТР?

4. Теории управления разногласиями (конфликтными ситуациями)

Азиатско-Тихоокеанский регион далеко не однороден, впрочем, как и Азия и Европа, несмотря на существующий уровень интеграции и развития, скажем, в рамках европейского сотрудничества, примером которого является Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Каждый из трех упомянутых регионов представляет собой сложный комплекс, и нет ни одной теории, которая объясняла бы их феномен. Однако существует ряд теорий, которые предлагают практические рамки управления ситуациями и их развитием.

Развитие ситуации в этих регионах может быть рассмотрено с точки зрения двух теорий международных отношений. Одна из школ, придерживающаяся принципа баланса силы, утверждает, что для реализации национальных интересов государства стремятся максимально наращивать свою мощь. Это происходит потому, что мир находится в стадии анархии, где нет каких-либо властных структур, которые могли бы установить определенный порядок. Неореалисты уверены в том, что конфликты неизбежны.

Более оптимистичны в своих прогнозах «исолиберальные институционалисты» или представители так называемой «школы сотрудничества», которые уверены, что так как современные информационно-коммуникационные средства «сужают» мир и государства становятся все более взаимозависимыми экономически, они станут все теснее сотрудничать друг с другом ради собственной и взаимной выгоды. Создание в АТР таких многосторонних организаций, как АСЕАН и АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество), а так же Региональный форум АСЕАН (АРФ), ориентированный на

обеспечение безопасности, представляет собой позитивный механизм, который вносит определенный вклад в установление мира и стабильности как на региональном уровне, так и в глобальном масштабе. АСЕМ (саммит Азия-Европа) также дает позитивный пример развития в данном направлении и является особым рода инструментом этого типа. "Либералы" верят, что усиливающаяся демократизация региона будет способствовать установлению мира, на том основании, что «демократии никогда не воевали друг с другом».

Теоретические понятия "неореализма" и "неолиберального институционализма" являются полезными аналитическими инструментами для объяснения поведения государства на международной арене. Проблема, как впрочем и при объяснениях поведения человека вообще, состоит в том, что эти теории основываются на постулате о том, что все страны являются *рациональными игроками*. В чрезвычайно сложном Азиатско-Тихоокеанском регионе, и особенно в субрегионе Северо-Восточной Азии, не существует ни одной теории, которая бы адекватно объясняла сложившуюся ситуацию. С точки зрения моделей ЮВА государства США могут быть охарактеризованы как «реалисты» по природе, в то время как страны Юго-Восточной Азии следует считать более склонными к сотрудничеству «неолиберальными институционалистами».

5. "Стратегические культуры"

Одним из аналитических инструментов, предлагаемых для изучения региональных различий, является теория стратегических культур". На основе этого метода можно разделить Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию. Вероятно, метод "стратегических культур" предлагает дополнительную альтернативу, причем как для "неореалистов", так и для либералов, — альтернативу объяснения стратегического выбора государств. Новейшие теории "стратегической культуры" исходят из того, что последняя является результатом исторического опыта. Различный стратегический и социальный опыт в конечном итоге приводит к развитию различных типов стратегической культуры. Стратегическая культура как метод скорее делает акцент на значимости идей и убеждений у элиты государств, которая не может не искать способов в максимизации своей выгоды, нежели рассматривает государства как рациональных игроков. Метод стратегической культуры привносит изменение в теорию международных отношений. Он может помочь понять, почему стратегическая культура Юго-Восточной Азии так сильно отличается от стратегической культуры Северо-Восточной Азии. «Пессимистическая школа неореалистов», вероятно, будет более распространенной в Северо-Восточной Азии, чем в Юго-Восточной Азии.

Межгосударственные противоречия в наибольшей степени проявляются в Северо-Восточной Азии и менее заметны в Юго-Восточной Азии. Страны США в своем историческом развитии прошли через множество войн и агрессий как между собой, так и с внешними силами. Этот опыт оставил глубокий отпечаток на национальных психологиях народов США. Таким образом, их отношение к военной силе и их подходы к разрешению конфликтов обусловлены их собственным опытом войн и вторжений извне. Это привело к появлению своеобразной стратегической культуры, которая исходит из полезности военной мощи и важности поддержания баланса силы.

6. Региональный порядок в Северо-Восточной Азии после "холодной войны"

Ирония периода "холодной войны" заключалась в том, что, несмотря на то, что в тот период был расширен спектр военных конфликтов вплоть до

ядерной войны, в Азиатско-Тихоокеанский регион, в том числе Северо-Восточную Азию, были привнесены стратегический баланс сил и предсказуемость. Там существовала биполярная (или моментами трехполярная) стабильность, с четко обозначенными зонами китайского, американского или советского влияния. Результатом окончания периода "холодной войны" стал рост непредсказуемости ситуации в АТР. В зависимости от своего стратегического положения и понимания обстановки, некоторые страны рассматривают Восточную Азию периода «пост - холодной» войны» как "многополярную" или однопольярную структуру.

Китай считает, что в результате распада и стратегического ухода Советского Союза из АТР США де-факто стали единственной сверхдержавой в регионе. Он рассматривает США как доминирующую здесь державу, и обеспокоен тем, что в данном регионе нет другого государства, которое могло бы противостоять стремлению США навязать всем в Азии собственные демократические ценности и свой экономический порядок. В отличие от Китая, другие страны решительно настаивают на том, чтобы Соединенные Штаты оставались в регионе. Они опасаются, что устранение с повестки необходимости противостоять Советскому Союзу приведет к сокращению присутствия США в Азии, в результате чего образуется своеобразный «вакуум силы».

Япония озабочена тем, что активно наращивающий свою совокупную мощь Китай может попытаться заполнить образовавшийся вакуум и стать очередным региональным *гегмоном*. Пекин, в свою очередь, боится милитаризации Японии, которая может без помощи со стороны США превратиться в ядерную державу. В отличие от периода "холодной войны", сегодняшняя ситуация в АТР стала более непредсказуемой и неопределенной. Бесспорно, что "холодная война" в Северо-Восточной Азии еще не закончилась и не закончится до тех пор, пока не будут разрешены корейская, японо-российская и китайско-тайваньская проблемы.

7. Регионализм и глобализм

Есть множество разных ответов на вопрос, каким будет мировой порядок и кто станет управлять миром в новом тысячелетии. Но наряду с этим существуют две основные концепции, с помощью которых можно попытаться представить себе дальнейшее развитие нового мирового порядка. Суть первой заключается в признании существования региональных и глобальных условий, стимулирующих развитие мощных региональных блоков. Согласно ей, имеются значительные силы, работающие в интересах тенденции к регионализации. В свою очередь это побуждает к росту институциональной интеграции (или регионализма), с тем чтобы соответствовать процессу регионализации и управлять им.

Развитие Европейского Союза в первую очередь, а затем и НАФТА, как основных экономических группировок, позволяет выдвинуть точку зрения о том, что в мире доминируют три «глобальных региона», а именно: Азиатско-Тихоокеанский, Северо-Американский и Европейский. Регионализм рассматривается как одно из средств обеспечения безопасности в противовес перекосам глобальной экономики и той мощной базе соперничества, которая заключена в последней. «Трехполярный взгляд на мировое устройство» не берет в счет другие потенциальное мощные силы, такие как Россия и Латинская Америка. Тихоокеанской Азии может быть брошен вызов со стороны Евразии, где ведущее место принадлежит России, расположенной между Европой и Восточной Азией/Северо-Тихоокеанским регионом. Считается, что в новой геополитической и геоэкономической ситуации мог бы быть возрожден в той или иной форме древний "Шелковый путь". Южная Корея уже говорит о создании «железнодорожного шелкового пути» посредством восстановления движения на Транскорейской железной дороге.

Регионализм может иметь различные формы, и представляется заблуждением полагать, будто та модель, которая сложилась в Европе, является универсальной. Невозможно построить какую-то переходную модель, выстраивающую различные региональные группировки, находящиеся на разных стадиях на общее направление развития. Общие черты могут присутствовать, но развитие каждой такой группировки является результатом особой комбинации локальных и региональных факторов в более широком контексте исторического и мирового развития.

Создание Европейского Союза с 1957 г., так же как и ЕЭС, во многом было обусловлено соображениями политики и безопасности, а также задачей ускорения экономического развития стран Западной Европы. Политические причины заключались в необходимости предотвращения новой войны в Европе между Германией и Францией. Главной целью создания экономического содружества было стремление восстановить межгосударственные связи, расстроженные в результате Второй мировой войны, а главным побудительным моментом стала заинтересованность США в том, чтобы усилить Западную Европу в противовес Советскому Союзу.

НАФТА (экономический союз между США, Канадой и Мексикой — Ред.) была основана в 1993 г. под влиянием целого ряда обстоятельств. Эта организация задумывалась скорее как зона «свободной торговли», нежели как политическая организация, например, Европейский Союз, хотя, как и в последнем случае, для нее было характерно проявление торговой дискриминации по отношению к странам, не вошедшим в ее состав. В противоположность Европейскому Союзу, деятельность НАФТА определяется интересами одного государства — США, которое разработало различные типы организационных моделей для победителей и побежденных. В основе создания этой группировки также лежали как политические, так и экономические причины. Было видно, что США заинтересованы в создании в системе торгово-экономических отношений реального противовеса таким экономическим центрам силы как Европа и Япония, способного укрепить отношения между государствами, находящимися на «заднем дворе» США. Для Канады и Мексики НАФТА явилась формой гарантии на случай коллапса многосторонней торговли и усиления протекционализма Вашингтона.

С этих точек зрения какова же роль Азиатско-Тихоокеанского региона? Какой тип интеграции развивается в АТР и насколько сильны аргументы в пользу того, что мир разделится на три (или более) мощных региональных блока? В самом деле, насколько широк диапазон различных форм регионализма, существующих в мире, становящемся все более взаимосвязанным и взаимозависимым?

Иное видение проблемы предполагает возникновение глобальной системы, где от государств в возрастающей степени требуется расширять и делить ответственность за руководство с другими группами стран и таким образом оказывать влияние на процессы мирового развития. Комплекс политических мер (или международных режимов) иногда рассматривается как ранняя стадия в развитии такой глобальной системы управления. Эти мероприятия могут проводиться в различных формах и объемах и включать как международные неправительственные организации и субнациональные группы, так и межправительственные структуры. Многие из этих структур сформировались вокруг международных организаций, в то время как другие возникли как результат решений, принятых на международных конференциях, а также особых договоров и поддерживаются посредством серии последующих договоренностей и детализации уже реализованных предложений.

Соотношение регионализма и глобализма — это одна из ключевых проблем. Взаимоисключают ли они друг друга или же, может быть, наоборот, взаимодополняют?

8. Варианты региональной интеграции в СВА

Вопрос о возможности региональной интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе должен рассматриваться с большой осторожностью. Одна из причин такого подхода кроется в том, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе существует множество разных союзов. Государства названного региона имеют гораздо меньше общего в своей истории, чем страны Европы.

Что касается стран СВА, то в их истории много общего. Они в значительной степени имеют общее культурное наследие (китайское) и даже общую систему письменности, базирующуюся на китайской иероглифике. Проблема, однако, состоит в том, что их общая история — это главным образом, история межгосударственной (межнациональной) напряженности и военных конфликтов с тяжелыми последствиями для всех стран региона.

США — единственный западный политический игрок в Северо-Восточной Азии. Одна из (скрытых) причин напряженности в регионе заключается в сохранении восприятия Китаем западных империалистов, сложившегося в период правления Цинской династии. Китай считает тайваньскую проблему следствием такой империалистической политики и поэтому видит свой долг в том, чтобы вернуть Тайвань в лоно единого Китая.

Период японского империалистического господства в XIX и начале XX вв. также оставил после себя тяжелое наследие, которое по сей день все еще ощущается в Китае. Бывшие японские колонии, как, например, Корея с 1910 по 1945 гг., сильно пострадали в период правления японцев, особенно во время Второй мировой войны. Поэтому они опасаются, что Япония может начать новый раунд колониальных и милитаристских авантур. Весь этот опыт оставил глубокие отпечатки на национальной психологии народов Северо-Восточной Азии. В силу этих причин их отношение к военной силе и их подходы к разрешению конфликтов обусловлены негативным опытом войн и вторжений. Необходимо иметь в виду также и то, что в конце Второй мировой войны Япония была оккупирована США, но, похоже, ни эта оккупация, ни даже атомная бомбардировка, как кажется, не оставил слишком сильных психологических травм в японском обществе.

Опыт применения военной силы, проходящий через всю историю СВА (в XIII и XIV вв. этот регион находился под властью монголов), привел к возникновению стратегической культуры, которая исходит из предпочтительности применения военной силы и значения поддержания баланса сил.

Опираясь на такую основу, "неореалистическая" атмосфера СВА, вероятно, не может создать таких же условий для развития регионализма, и тем более интеграции, которые имелись в ЮВА (или в Европе), где государства в большей степени настроены на реализацию нелиберально-институционалистской модели сотрудничества.

Малайзийский исследователь Дж.Н.Мак защищает теорию стратегических культур, считая, ее весьма полезной для осознания того, что Северо-Восточная Азия сильно отличается от Юго-Восточной Азии, не говоря уже о различиях, которые существуют между Европой и Северной Америкой. Теория стратегических культур позволяет нам увидеть историческую перспективу, которая утеряна основными школами, существующими в теории международных отношений, — школой нелиберального институционализма и школой неореализма. Приспосабливая и используя теорию стратегических культур в качестве одного из средств для понимания того, почему государства АТР ведут

себя именно так, а не иначе, используя либо неолиберальный институционализм, либо неореализм в качестве второго инструмента анализа для того, чтобы прогнозировать их возможные действия в будущем в различных субрегионах. можно получить более широкую и многоаспектную картину развития стратегических и иных тенденций в регионе.

Можно констатировать, что сегодня АТР остается регионом повышенной напряженности. Имея в виду опыт конфронтации, который существовал между США и Советским Союзом во время "холодной войны", можно предвидеть перспективу столкновения интересов Китая и США. Китай будет одним из главных игроков в регионе. Внешняя и внутренняя политика Китая остаются не совсем понятными и закрытыми. Единственная оставшаяся в мире сверхдержава, США, возможно, не сумеет бесконечно долго сохранять свое военное превосходство. В начале 2001 г. в США начали появляться первые признаки экономической нестабильности. Главным предметом беспокойства для союзников Америки, особенно Японии, является то, что под давлением определенных обстоятельств или настроений США могут прибегнуть к политике изоляционизма. И тут многое будет зависеть от того, какова будет линия поведения администрации Дж.Буша младшего.

Китай, в отличие от США, географически является составной частью СВА. Он имеет общие сухопутные и морские границы почти со всеми азиатскими странами. *Следовательно, Китай является постоянной составляющей геополитической и геоэкономической ситуации в регионе, и он просто не может уйти из него.* Это обстоятельство побуждает многие страны Азиатско-Тихоокеанского региона осознавать, что гораздо лучше ладить с Китаем, чем вступать с ним в конфронтацию. Встроенность Китая в мировую экономику делает его «добропорядочным членом мирового сообщества». Многие убеждены, что США – это держава, вступившая в пору заката своей мощи. Поэтому надежды на использование «китайской карты» побуждают ряд азиатских соседей Китая расширять инвестиции в китайскую экономику, а также оказывать ему всестороннюю поддержку на большинстве международных форумов.

Более понятным теперь становится и новое развитие обстановки на Корейском полуострове. Китай стал оказывать сильное давление на Северную Корею с тем, чтобы последняя вступила в прямой диалог с Южной Кореей. Объединение двух корейских государств в какой-либо форме вряд ли возможно в ближайшие годы и даже десятилетия, однако их сотрудничество может стать реальностью уже в обозримой перспективе. В настоящее время чрезвычайно трудно предсказать политико-стратегические и даже экономические последствия улучшения отношений двух корейских государств.

Как уже неоднократно отмечалось выше, АТР, несмотря на фактическое окончание "холодной войны", остается регионом повышенной напряженности. Межгосударственные отношения имеют здесь сложный и многоаспектный характер, особенно в СВА, где главными игроками являются США и Китай. Япония, экономическая супердержава Северо-Восточной Азии, находится в процессе поиска своего пути. Российская Федерация является одним из региональных игроков СВА, постепенно утрачивая свою роль, по крайней мере на данный момент. Однако при президенте В.Путине она энергично пытается найти пути усиления этой роли. Влияние России в Северо-Восточной Азии, безусловно, будет возрастать в случае предполагаемого открытия Корейско-европейской железной дороги, которая пройдет по территории России.

Используемые в Юго-Восточной Азии модели обеспечения *совместной безопасности и многостороннего сотрудничества* вряд ли могут быть перенесены в Северо-Восточную Азию в своем первоначальном виде. Некоторые элементы опыта, полученного в ЮВА, а также в ходе использования моделей Ев-

ропы могут оказаться полезны, когда в СВА будет инициирован процесс поиска путей формирования системы безопасности и сотрудничества на основе совместных усилий.

Общее историческое прошлое Северо-Восточной Азии, взаимодополняющие экономики стран региона, его огромные природные ресурсы, включая российскую Сибирь, создают плодотворную основу для регионального сотрудничества. На суб-субрегиональном или микро-региональном уровне, каким являются приграничное сотрудничество и организация взаимодействия между районами СВА и северной части Тихого океана, входящими в зону холодного климата, довольно тесное экономическое и культурное взаимодействие, налаживается даже там, где сохраняется политическая напряженность.

Проект в дельте реки Туманная, включающий также Северную Корею, может стать одной из первых серьезных попыток налаживания регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Важным многосторонним форумом, куда также включается и Северная Корея, является Организация развития энергетики Корейского полуострова (KEDO). Европейский Союз выступает одним из доноров и членом правления указанной организации, через Евроатом. ЕС, вероятно, мог бы тоже стать активным участником ООНовской программы развития, спонсирующей Туманганский проект, и тем самым усилить процессы обмена информацией и опытом, а также интеграции и регионального сотрудничества. Интересным предложением на следующем этапе является образование специального Банка развития Северо-Восточной Азии для обеспечения международного финансирования реконструкции этого субрегиона с участием стран из других регионов.

Имеются основания утверждать, что в данный момент процесс регионализма в Северо-Восточной Азии переживает подъем в противоположность ситуации, которая имеет место в АТЭС. Ожидающие своего решения политические проблемы должны разрешаться заинтересованными правительствами при соответствующей поддержке мирового сообщества. Возможно, для этого потребуется время. Тем не менее, ключом для их урегулирования скорее всего станет суб-субрегиональное сотрудничество.

9. Евразийское измерение

Исторически Финляндия играет роль своеобразных ворот между Европой и Азией. После войны между Швецией и Россией в 1808-1809 гг. Финляндия, бывшая восточная провинция Швеции, стала автономной частью царской России. Это привело к тому, что царская империя в то время стала простираться от Аландских островов шведского побережья до Аляски, которая была собственностью России до 1867 г. — до тех пор, пока не была продана США.

Царская Россия была огромной не только евразийской, но даже Евразийско-североамериканской империей. В первые десятилетия XX в. Европейская часть России, в которую входила и Финляндия, была связана с Тихоокеанской Россией Транссибирской железной дорогой. В 1878-1879 гг. родившийся в Финляндии шведский исследователь Адольф Норденскёльд стал первым, кто проложил путь на северо-восток, пройдя вдоль побережья Арктического моря, от Северной Норвегии до Японии, откуда он продолжил свое путешествие через Суэцкий канал назад в Стокгольм.

Российская империя была во многих отношениях функциональным образованием: так на Аляске, например, были губернаторы финского происхождения, множество финских исследователей, включая Маннергейма, будущего маршала Финляндии, совершали частые путешествия в различные части Азии, до Тихого океана и Аляски.

В 1990-х годах, после окончания «холодной войны», несколько неправительственных форумов изучали возможности и перспективы открытия «Евразийского сухопутного моста» между Северо-Восточной Азией и Европой через «Транссибирское пространство». Высказывались гипотезы, что открытие действующего Евразийского моста на базе Транссибирской железной дороги может заложить основу для нового, но в то же время хорошо забытого старого «евразийского измерения», связывающего Северо-Восточную Азию и Европу, и особенно перспективен Европейский Союз, который в его расширенном составе может насчитывать 27 членов. Посредством этого измерения Европейский Союз сможет стать активным и в то же время нейтральным игроком в Северо-Восточной Азии, прежде всего в экономическом плане, и таким образом станет катализатором создания новой политической архитектуры для обеспечения безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии.

Следует признать, что Европейский Союз (ЕС) является далеко не пассивным фактором в Северо-Восточной Азии, хотя бы потому, что страны, входящие в его состав, имеют тесные отношения с Японией, Южной Кореей и США. ЕС развивает отношения и политический диалог с другими государствами Северо-Восточной Азии, а именно, с Китаем, в последнее время и с Северной Кореей. Все большее число государств-членов ЕС уже установило или установит в ближайшем будущем дипломатические отношения с КНДР после имевшей место в июне 2000 г. встречи в верхах в Пхеньяне. Даже Австралия и Новая Зеландия являются хотя и удаленными, но активными игроками в Северо-Восточной Азии. Обе страны традиционно связаны с Западной Европой и могут служить связующими звеньями между европейской и азиатской культурами.

Спустя полвека имеется реальная возможность вновь открыть Транскорейскую железную дорогу, что обретает большое символическое значение, а также конкретную значимость. Сообщение через весь Корейский полуостров до Транссибирской железнодорожной магистрали через Россию, Китай и Монголию даже на первом этапе создает конкретную и экономически выгодную альтернативу для перевозки грузов между Северо-Восточной Азией и Европой. Морской путь через Суэцкий канал, конечно, сохранит свою значимость, однако выгоды от использования Транссибирской магистрали, а в будущем возможно и от использования Северного морского пути являются очевидными.

Например, ощущающая острый дефицит финансовых ресурсов Северная Корея и, окруженная со всех сторон материком Монголия могли бы получать плату за транзит через свою территорию, а более активное использование Транссибирской железнодорожной магистрали открыло бы новые возможности для эксплуатации огромных энергетических и других природных ресурсов Российского Дальнего Востока.

Европейские страны связаны между собой густой сетью железных дорог, и даже Британия теперь имеет сообщение с континентальной Европой через туннель под проливом Ла-Манш. Идея связать Японию с Корейским полуостровом и континентальной Азией посредством туннеля больше уже не является мечтой или утопией. Возможно, когда-нибудь мы сможем совершать беспересадочное путешествие из Токио в Лондон. В будущем железные дороги сделают возможным возрождение забытых евразийских коммуникаций, к числу которых относится и древний «шелковый путь», проложенный за много сотен лет до появления автомобильного и железнодорожного транспорта.

Перевод с английского А.Шлындова, О.Железняк

Российско-китайские отношения в наступившем XXI веке поднимутся на качественно новый уровень

© 2002

Ли Чаншунь (КНР)

В конце 1991 г. начался и в течение десяти лет интенсивно идет процесс укрепления и развития российско-китайских отношений. Они непрерывно углубляются на базе равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. Вступая в новое столетие, руководители и народы Китая и России становятся участниками исторических перемен во взаимоотношениях между двумя странами. Двустороннее сотрудничество на основе стратегического партнерства как на высшем уровне, так и на других, дает хорошие результаты. Подписание Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, которое состоялось в Москве в июле 2001 г., и образование "Шанхайской организации сотрудничества" знаменуют новый подъем в российско-китайских связях. Складывание межгосударственных отношений нового типа между Китаем и Россией, имеющими большой авторитет и влияние во всем мире, играет важную роль в формировании многополярного мира, сохранении международной безопасности, способствует созданию нового международного политического и экономического порядка.

I. Краткий обзор новейшей истории российско-китайских отношений

На протяжении последнего десятилетия российско-китайские отношения совершили три исторических скачка: первый — признание друг друга дружественными государствами в 1992 г., второй — начало отношений конструктивного партнерства в 1994 г., третий — развитие обращенных в XXI век отношений равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия — и прошли четыре этапа, которые будут охарактеризованы ниже.

1. Переход от нормализации отношений между Китаем и СССР к дружественным межгосударственным отношениям между Китаем и Россией (1989-1992 гг.)

В мае 1989 г. президент СССР М.С.Горбачев посетил Китай с государственным визитом. По итогам визита и встреч руководителей двух стран было подписано совместное коммюнике о нормализации отношений между КНР и СССР.

В мае 1991 г. генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь совершил ответный визит в СССР, и стороны подписали тогда второе совместное коммю-

нике, в котором было подчеркнуто, что они будут развивать добрососедские и дружественные отношения на основе пяти принципов мирного сосуществования.

После распада СССР 27 декабря 1991 г. правительства Китая и России незамедлительно подписали Протокол о двусторонних отношениях. Правительство Китая признало, что Россия является государством-правопреемником СССР. Стороны также подтвердили, что основные принципы, изложенные в совместных коммюнике, подписанных ранее, остаются краеугольным камнем в китайско-российских межгосударственных отношениях, и все договоры и дипломатические документы, подписанные правительствами Китая и СССР, сохраняют свою силу.

В декабре 1992 г. президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин приехал с визитом в Китай. Состоялась первая российско-китайская встреча на высшем уровне. Стороны выступили с совместной декларацией об основах взаимоотношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией и стали рассматривать друг друга как дружественные государства. Правительства двух стран подписали меморандум о взаимопонимании по вопросам сокращения вооружений и укреплению доверия в военной области в приграничных районах. Было заключено также 24 межправительственных и межведомственных соглашения о сотрудничестве в области торговли, экономики, науки, техники и культуры. Российско-китайские отношения встали на путь добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества.

2. *Переход к отношениям конструктивного партнерства (1993-1994 гг.)*

С конца 1992 г. в российско-китайских отношениях начался период всестороннего развития. В январе 1994 г. Президент России Ельцин направил послание Председателю КНР Цзян Цзэминю, в котором изложил принципы построения отношений конструктивного партнерства нового типа, обращенных в XXI век, и это предложение получило положительный отклик у китайской стороны.

В сентябре 1994 г. во время официального визита в Россию Председателя КНР Цзян Цзэминя главы обоих государств приняли декларацию о перспективах отношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией и провозгласили, что Китай и Россия будут развивать долгосрочные, добрососедские, дружественные, взаимовыгодные отношения и конструктивное партнерство, обращенное в XXI век. Стороны решили более интенсивно развивать сотрудничество в политической, торгово-экономической, научно-технической, военной областях и в сфере международных отношений, поднимаемая межгосударственные отношения на качественно новый уровень. Кроме того, главами Китая и России было подписано совместное заявление о неприменении сторонами первыми друг против друга ядерного оружия и взаимном ненацеливании стратегических ядерных ракет. На уровне министерств и ведомств были подписаны соглашение о китайско-российской границе на ее западной части и другие важные документы. Можно сказать, что эта встреча на высшем уровне заложила прочную основу для дальнейшего развития долгосрочных и стабильных отношений между Китаем и Россией.

3. *Переход от отношений конструктивного сотрудничества к отношениям стратегического партнерства (1995-1996 гг.)*

8 мая 1995 г. по приглашению Президента Ельцина Председатель КНР Цзян Цзэминь прибыл в Россию на празднование пятидесятой годовщины победы над фашистской Германией. Во время встречи руководители Китая и России выразили уверенность в том, что межгосударственные отношения в дальнейшем поднимутся на более высокий уровень.

Во время визита премьера Госсовета Китая в Россию в июне 1995 г. правительства двух государств приняли решение ускорить развитие торгово-экономического и научно-технического сотрудничества.

В апреле 1996 г. президент Ельцин вновь посетил Китай с официальным визитом. По результатам встреч руководители двух государств подписали совместную декларацию, в которой подчеркивалась решимость развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие, регулярно проводить встречи глав двух государств. Они решили также образовать Китайско-российский комитет дружбы, мира и развития в составе представителей общественных кругов обеих стран.

26 апреля 1996 г. лидеры Китая, России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана подписали в Шанхае Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы.

Второй визит в Россию премьера Госсовета Китая Ли Пэна, состоявшийся в декабре 1996 г., ознаменовал вступление в действие договоренности о регулярных встречах премьеров обеих стран, что способствовало стабильному развитию китайско-российских отношений.

4. Непрерывное углубление, расширение и развитие отношений стратегического взаимодействия на практике (1997-1999 гг.)

В этот период встречи руководителей наших стран стали систематическими. На высшем уровне состоялись четыре встречи. В апреле 1997 г. в ходе визита в Россию Председателя КНР Цзян Цзэминя была подписана совместная декларация о многополярном мире и о формировании нового международного порядка. В ней были изложены единое мнение о мироустройстве после периода "холодной войны" и общая позиция по целому ряду важных международных вопросов. 24 апреля 1997 г. главы Китая, России, Казахстана, Таджикистана и Киргизии подписали новое соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы.

В ноябре 1997 г. президент Ельцин совершил свой третий визит в Китай, и в результате переговоров главы государств решили, что обе стороны будут всеми силами содействовать развитию и подъему на новый уровень отношений равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, обращенных в XXI век. Лидеры двух стран в своих выступлениях заявили о проведении работы по демаркации восточного участка границы Китая и России и о подписании пакета соглашений в области торгово-экономического сотрудничества.

В ноябре 1998 г. в Москве была проведена первая неформальная встреча на высшем уровне Президента России и Председателя КНР. По ее итогам Цзян Цзэминь и Б.Н.Ельцин подписали совместное заявление о российско-китайских пограничных вопросах и о российско-китайских отношениях на пороге XXI века. В декабре 1999 г. президент Ельцин совершил последний перед своей отставкой визит в Китай. Были приняты совместное коммюнике и совместное российско-китайское заявление, в котором подтверждались основные позиции сторон по вопросу глобальной стратегической стабильности. Стороны подписали соглашение о совместном хозяйственном использовании Китаем и Россией отдельных островов и прилегающих к ним акваторий пограничных рек.

В 1997-1999 гг. премьеры двух стран провели четыре встречи.

Быстрое развитие российско-китайских отношений на практике и углубление сотрудничества явились прочным фундаментом для дальнейшего укрепления связей между Россией и КНР.

II. Показатели углубления российско-китайских отношений в новом веке

После вступления В.В.Путина в должность президента Российской Федерации отношения между Китаем и Россией продолжают устойчиво развиваться по восходящей. В 2001 г. в них произошел новый исторический скачок, который показывает, что российско-китайские отношения имеют широкие перспективы. Показатели углубления российско-китайских отношений проявляются в следующем.

1. В результате подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой были заложены прочные основы для дальнейшего развития двусторонних отношений.

15-18 июля 2001 г. Председатель Китайской Народной Республики Цзян Цзэминь успешно совершил государственный визит в Российскую Федерацию. Этот визит стал первой встречей на высшем уровне лидеров двух наших стран после инаугурации Президента Путина. Подписание главами обоих государств Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой стало самым важным результатом этого визита. В Договоре, являющемся программным документом, определяющим развитие российско-китайских отношений в новом веке, на основе исторического опыта обобщены главные принципы и достижения российско-китайских отношений, в юридической форме закреплена мирная идеология двух государств и их народов: "Навеки друзья и никогда — враги".

В Договоре подтверждено, что стороны, основываясь на строгом соблюдении общепризнанных принципов и норм международного права, а также пяти принципов мирного сосуществования, обязуются строить и развивать долгосрочные отношения равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. В нем учтены общие интересы двух государств, положения международного права. Договор отражает особенности нового миропорядка, складывающегося после окончания "холодной войны": доверительные взаимовыгодные межгосударственные отношения нового типа не должны основываться на конфронтации и объединении государств в военные блоки, направленные против третьих стран.

Подписанный Договор стал важной вехой в истории российско-китайских отношений.

2. Образование международной "Шанхайской организации сотрудничества" стало результатом развития взаимодействия глав государств и правительств в Центральноазиатском регионе.

15 июня 2001 г. в Шанхае Китаем, Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном была подписана декларация, провозгласившая рождение "Шанхайской организации сотрудничества". Это объединение призвано не только сохранить весь тот позитивный опыт, который был наработан за пять лет "Шанхайской пятеркой", но и шагнуть дальше. Само создание "Шанхайской организации сотрудничества" является хорошим примером для других стран и показывает, как велика роль России и Китая на международной арене.

Новая организация была преобразована из объединения, призванного проводить регулярные встречи глав государств и правительств для обсуждения и решения вопросов демаркации границы, демилитаризации приграничных районов, в региональную организацию многостороннего сотрудничества в различных сферах. Ее создание наглядно свидетельствует, что во взаимоотношениях между нашими странами произошли коренные изменения. Дальнейше-

му сближению способствовало многостороннее сотрудничество всех стран-участниц "Шанхайской пятерки" в различных областях. Отношения между ее участниками строились на основе взаимного доверия, равноправия, уважения и взаимной выгоды. "Шанхайская организация сотрудничества" была создана не только для решения проблем безопасности, но и для многостороннего взаимодействия. Она открыта для принятия в свои ряды других государств-участников. Целями "Шанхайской организации сотрудничества" являются: укрепление между государствами-участниками взаимного доверия, дружбы и добрососедства; совместные усилия по поддержанию и обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе, построение нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка. Для нее приоритетными являются вопросы региональной безопасности, и ее участники готовы предпринимать все усилия для борьбы против распространения терроризма, сепаратизма и экстремизма.

Главами шести государств была подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которая заложила прочные основы для сотрудничества в деле пресечения незаконного оборота оружия и наркотиков, нелегальной миграции и других видов преступной деятельности.

Страны-участницы будут добиваться создания благоприятных условий для торговли и инвестиций, разработают программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества, а также будут проводить консультации по региональным и международным проблемам.

3. Регулярные встречи и укрепление связей на высшем уровне между Китаем и Россией, расширение и развитие российско-китайского сотрудничества в различных областях.

В 1996 г. Китай и Россия договорились о ежегодном проведении встреч в верхах, регулярных встречах премьеров и постоянных консультациях на уровне министров иностранных дел. Наши страны, следуя этой договоренности, шагнули далеко вперед в деле развития межгосударственных отношений, создания благоприятного климата в них, укрепления взаимопонимания и взаимного доверия. Факты убедительно подтверждают, что проведение регулярных встреч на высшем уровне действительно сыграло решающую роль в оздоровлении и развитии межгосударственных отношений. С тех пор, как В.В.Путин стал президентом России, за полтора года состоялось 6 встреч глав обеих стран. В июле 2000 г. во время государственного визита в Китай Президента Российской Федерации были подписаны Пекинская декларация и совместное заявление по вопросам ПРО. Эти документы придали новый импульс развитию отношений партнерства и стратегического взаимодействия в новом столетии.

В последнее время участились контакты между правительствами двух стран. В ноябре 2000 г. премьер правительства России М.Касьянов совершил свой первый визит в Китай. Недавно в Санкт-Петербурге была проведена уже шестая встреча премьеров двух наших стран.

Углубляется взаимодействие двух государств в сфере гуманитарного сотрудничества. 5 декабря 2000 г. состоялось первое заседание российско-китайской Комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. Оно прошло в Москве под председательством заместителя премьера Госсовета Ли Ланьцин и вице-премьера российского правительства Валентины Матвиенко. В августе 2001 г. в Пекине состоялось второе заседание этой комиссии. В октябре 2001 г. в России состоялось четвертое заседание Комитета дружбы, мира и развития; в конце сентября в Китае был проведен масштабный китайско-российский молодежный фестиваль. 11 июля 2001 г. усилиями Министерства иностранных дел и Министерства образования России, Российско-китайского общества дружбы и Российско-китайского коми-

тета дружбы, мира и развития был создан первый веб-сайт на русском и китайском языках. Сотрудничество и обмен информацией является важным шагом на пути построения долгосрочных добрососедских отношений. Это и обмен мнениями, и общение по душам, которые играют важную роль в укреплении взаимного доверия и взаимопонимания между народами наших стран.

4. Укрепляются связи между главами двух государств, повышается роль стратегического взаимодействия между нашими странами.

В 1996 г. по совместной инициативе руководителей Китая и России была установлена "горячая линия" связи между Москвой и Пекином для обмена мнениями, проведения обсуждений региональных и международных проблем. Она помогает оперативно согласовывать позиции, способствует созданию атмосферы политического доверия и стратегического взаимодействия руководителей обеих стран.

Вскоре после отставки первого Президента России Б.Ельцина по его инициативе состоялся телефонный разговор с Председателем КНР Цзян Цзэмином. В беседе Б.Ельцин выразил уверенность в том, что исполняющий обязанности Президента Российской Федерации В.В. Путин вместе с Председателем КНР Цзян Цзэмином смогут и дальше развивать дружественные российско-китайские отношения в XXI веке. Председатель КНР Цзян Цзэминь выразил пожелание, чтобы лидеры двух стран прилагали совместные усилия для углубления и расширения межгосударственных отношений. У нового президента России В.В. Путина наладились конструктивные деловые и крепкие дружественные связи с Председателем КНР Цзян Цзэмином. Руководители двух стран по "горячей линии" связи неоднократно обсуждали важнейшие вопросы, представляющие общий интерес, обменивались мнениями о российско-китайских отношениях и по многим другим проблемам. 12 июня 2001 г., поздравляя Президента Российской Федерации В.В. Путина с Днем провозглашения независимости России, Председатель Цзян Цзэминь подчеркнул, что продолжение отношений партнерства и стратегического взаимодействия отвечает общим интересам наших стран и народов. 20 июня 2001 г. после встречи в Любляне на высшем уровне между Россией и США Президент России сразу же проинформировал Цзян Цзэминя о ее результатах. 26 июля между Президентом Путиным и Председателем Цзян Цзэмином состоялся еще один телефонный разговор, в котором Председатель Цзян Цзэминь был проинформирован о саммите лидеров стран "Большой восьмерки", проведенном в Генуе, а также о результатах переговоров с Президентом США Джорджем Бушем по проблеме глобальной стратегической стабильности. В целом, регулярные контакты между руководителями двух стран по "горячей линии" связи являются результатом политики взаимного доверия и стратегического взаимодействия между Китаем и Россией.

III. Перспективы развития китайско-российских отношений

Большой шаг в развитии китайско-российских отношений, который был совершен в первый год XXI столетия, имеет огромное значение как для дальнейшего развития двусторонних отношений, так и для всего мира. Он оказывает значительное благотворное влияние на процесс становления многополярного мира, сохранения мира и стабильности и установления нового миропорядка.

1. Руководящими нормами в развитии двусторонних отношений между нашими странами стали пять принципов мирного сосуществования.

После окончания "холодной войны", учитывая пермены, происходящие на международной арене и основываясь на общем стремлении к миру, руководствуясь собственными государственными интересами, лидеры Китая и России решили строить межгосударственные отношения нового типа на основе пяти

принципов мирного сосуществования. Приверженность этим принципам была подтверждена в десяти опубликованных совместных заявлениях и декларациях, в развитии двусторонних отношений на базе пяти принципов мирного сосуществования за последнее десятилетие были достигнуты существенные результаты, созданы межгосударственные отношения нового типа.

В статье 1 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой было установлено, что "Договаривающиеся Стороны на долгосрочной основе всесторонне развивают отношения добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования".

В договоре нашли свое отражение все пять принципов мирного сосуществования: Договаривающиеся Стороны в своих взаимоотношениях не применяют силу или угрозу силы, не используют друг против друга экономические и иные способы давления и разрешают разногласия между собой исключительным мирными средствами в соответствии с положениями Устава ООН, другими общепризнанными принципами и нормами международного права. Россия и Китай уважают выбор пути политического, экономического, социального и культурного развития, сделанный каждой из стран в соответствии со своими внутренними условиями. Они поддерживают друг друга в проведении политики государственного единства и территориальной целостности. Российская сторона подтверждает неизменность своей принципиальной позиции по тайваньскому вопросу и выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме.

В договоре также было подчеркнуто, что стороны не участвуют в союзах и блоках, не предпринимают каких-либо действий, включая заключение договоров с третьими государствами, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой стороны. В случае возникновения угрозы агрессии против одной из сторон они незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы.

Договор не только определяет руководящие принципы в двусторонних отношениях, но и указывает возможные направления дальнейшего развития отношений между КНР и Российской Федерацией, углубляя равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие между нашими странами.

2. Мирная идеология "навсегда друзья и никогда — враги" как руководящая идея и стимул развития отношений в новом веке.

Китай и Россия — страны-соседи, имеющие самую протяженную в мире границу, длиной 4300 километров. В истории наших государств вопрос о границах всегда был и остается ключевым моментом для двусторонних отношений. После нормализации отношений Китая и СССР в последнее десятилетие руководители России и КНР уделяли самое пристальное внимание доставшимся им в наследство пограничным проблемам. Эти сложные вопросы международных отношений решились в процессе равноправных переговоров и консультаций, на основе взаимопонимания и взаимной уступчивости. Обе стороны провели сокращение вооруженных сил в приграничных районах с тем, чтобы граница стала полосой мира.

Решение пограничных вопросов, поддержание мира и укрепление дружбы в приграничных районах остаются решающим фактором в развитии двусторонних отношений. Поэтому в договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между двумя странами в юридической форме закреплена мирная идеология двух государств и их народов: "навсегда друзья и никогда — враги",

а также подтверждено, что между Россией и Китаем отсутствуют взаимные территориальные претензии. Договаривающиеся Стороны руководствуются международно-правовыми принципами территориальной неприкосновенности и нерушимости государственных границ, обязуются неукоснительно соблюдать государственную границу между ними. Наши страны продолжат переговоры для разрешения вопросов о прохождении линии российско-китайской границы на еще не согласованных ее участках. До разрешения этих вопросов Россия и Китай соблюдают статус-кво. Стороны осуществляют меры по укреплению доверия в военной области и на основе действующих соглашений проводят взаимное сокращение вооруженных сил в районе границы. Россия и Китай принимают усилия по обеспечению собственной безопасности, основываясь на принципе разумной достаточности вооружений и вооруженных сил; укрепляют свою безопасность и прилагают усилия для укрепления региональной и международной стабильности.

3. Углубление взаимовыгодного сотрудничества, направленного на развитие, упрочение и расширение основ двусторонних дружественных отношений.

Дальнейшее развитие российско-китайских отношений, их углубление и расширение связано с упрочением основ двустороннего сотрудничества в материальной и духовной сферах. Эта задача является общей для руководителей двух государств. Развивая и поддерживая прочные отношения в политической сфере, наши страны совершили прорыв в области торгово-экономического сотрудничества. По сравнению с 1999 г. объем торгового оборота между двумя государствами в 2000 г. вырос на 40% и достиг 8 млрд. долл. Несмотря на столь значительный рост, торгово-экономическое сотрудничество в целом, а также двусторонние отношения в области образования и культуры развиваются недостаточными темпами. Необходимо преодолеть негативные факторы и ускорить развитие российско-китайских связей в гуманитарной сфере.

Руководители двух стран понимают исключительную важность укрепления дружественных отношений между Китаем и Россией, поэтому в договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве было четко сказано об углублении взаимовыгодного сотрудничества, направленного на благо обеих сторон: стороны обязуются укреплять равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие, используя и совершенствуя механизм регулярных встреч на различных уровнях, проводя регулярный обмен мнениями и согласовывая позиции по вопросам двусторонних отношений, а также важным и актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

В то же время стороны должны уделять большое внимание расширению взаимовыгодного сотрудничества в торгово-экономической, научно-технической, энергетической, космической и информационной областях, способствовать полному освоению огромного потенциала двустороннего сотрудничества для совместного процветания, всемерно способствовать развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, туризма, спорта и в других сферах. С учетом вышеизложенного шестая встреча глав правительств Китая и России, которая прошла в Санкт-Петербурге в сентябре 2001 г., имела историческое значение. На ней были определены основные направления в развитии двусторонних торгово-экономических отношений между нашими странами.

4. Договор между КНР и Россией представляет мировому сообществу новую модель межгосударственных отношений.

Из договора следует, что дружественные отношения между КНР и Россией являются межгосударственными отношениями нового типа. При их построении была отброшена концепция "холодной войны", во время которой дву-

сторонние отношения основывались на старой модели: если страна не является союзником, то она — противник, и если она — не друг, то враг. В договоре отражена новая точка зрения на безопасность, ядром которой являются взаимное доверие, равноправие и сотрудничество. Эта новая модель стала образцом межгосударственных отношений, основанных на принципах взаимного доверия и взаимной выгоды.

Положение о “невступлении в союз, неконфронтационности и ненаправленности против третьих стран” родилось на основе обобщения опыта, накопленного в течение десятилетий китайско-советских и китайско-российских отношений. Двусторонние отношения между странами в разное время бывали и союзническими, и враждебными, но практика показывает: ни союз, ни конфронтация не отвечают коренным интересам народов двух стран. Поэтому после нормализации двусторонних отношений руководители наших государств, следуя велению времени, пропагандируют новую концепцию безопасности и строят принципиально новые межгосударственные отношения. Большие успехи, достигнутые за последнее десятилетие в отношениях между Китаем и Россией, и недавнее образование “Шанхайской организации сотрудничества” наглядно показывают, что равноправные, взаимовыгодные, добрососедские и дружественные межгосударственные отношения, строящиеся на пяти принципах мирного сосуществования, являются оптимальным выбором. Такие отношения соответствуют современным международным нормам и учитывают интересы каждой из сторон. В современных условиях мир не может быть установлен силой, в наши дни недопустимо создание и расширение военных блоков. Оформление политических блоков, образование новых военных союзов, расширение и укрепление прежних военных блоков наносят непоправимый вред международной безопасности. Межгосударственные отношения нового типа, установленные между Китаем и Россией, непременно благотворно повлияют на политическое положение во всем мире.

5. Углубление регионального сотрудничества и стратегического взаимодействия, содействие сохранению мира и стабильности на планете.

В нынешней международной ситуации отмечается развитие тенденций политической многополярности и экономической глобализации. В то же время появились и новые факторы, которые нарушают стратегическое равновесие и стабильность. Еще не ушли в прошлое из международных отношений менталитет “холодной войны” и гегемонизм, не утихают и региональные конфликты. На этом фоне очевидна все возрастающая роль стратегического взаимодействия между Китаем и Россией. Между нашими странами из года в год развивается и крепнет стратегическое сотрудничество, которое способствует построению многополярного мира, сохранению мира и стабильности, созданию нового справедливого международного порядка. Участие в “Шанхайской организации сотрудничества” и подписание Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией вновь подчеркивают стремление двух стран к сохранению мира и стабильности в каждом отдельном регионе и в целом на всей планете.

В договоре четко зафиксировано, что Китай и Россия имеют одинаковые подходы ко многим международным вопросам. Они, например, “выступают за строгое соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, против любых действий, направленных на оказание силового давления или на вмешательство под каким-либо предлогом во внутренние дела суверенных государств”, “прилагают совместные усилия по поддержанию глобального стратегического баланса и стабильности”, “укрепляют сотрудничество в Организации Объединенных Наций”, “предпринимают усилия по обеспечению главной ответственности Совета Безопасности ООН в области поддержания между-

народного мира и безопасности". И Россия, и Китай также придерживаются общей позиции относительно договора по ПРО, считая его краеугольным камнем стратегической стабильности и основой сокращения стратегических наступательных вооружений.

Установление долгосрочных добрососедских и дружественных отношений между Китаем и Россией, — влиятельными державами и постоянными членами Совета Безопасности ООН, — не только способствует укреплению безопасности и стабильности во всех регионах мира, но и активно содействует процессу многополярности, построению нового справедливого рационального международного порядка и поддержанию безопасности и стабильности в мире.

Китайцы — миролюбивый и дружелюбный народ. Целью нашей внешней политики является сохранение мира, содействие развитию и процветанию страны. Китай намерен на основе пяти принципов мирного сосуществования строить равноправные дружественные отношения со всеми государствами и способствовать прогрессу человеческой цивилизации. Китайский и русский народы — великие народы. Существует много хорошего, что, независимо от времени и пространства, объединяет нас. Дружба между двумя народами зиждется на прочной основе и уходит своими корнями в далекое прошлое. Подписание договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве подняло всестороннее сотрудничество между двумя государствами на качественно новую ступень. Договор как юридический документ, определяющий двусторонние отношения, указывает основные направления и перспективы в упрочении связей между Китаем и Россией. Какие бы ни происходили перемены во внутренней политике и международной обстановке, договор обеспечит развитие межгосударственных отношений в верном направлении. Руководствуясь духом и принципами договора, Китай и России, основывая свои взаимоотношения на принципах равноправия и доверительного стратегического партнерства, обязательно достигнут больших успехов. Народы двух государств должны навсегда стать добрыми соседями, хорошими партнерами и настоящими друзьями, и дружба между народами наших стран должна крепнуть и передаваться из поколения в поколение.

Япония: крупная реорганизация правительственной структуры

© 2002

А. Сенаторов

С 1994 г. в Японии были начаты структурные реформы, которые охватили многие сферы. Однако их наиболее важной составляющей явилась административная реформа. Она ставила целью пересмотр всей сформированной в первые послевоенные годы и оставшейся в основном неизменной системы государственного управления с тем, чтобы привести ее в соответствие с громадными переменами, имевшими место в ходе бурного полувекового развития японского общества, а также адаптировать страну к не менее глубоким изменениям, происходящим на мировой арене, включая процесс глобализации¹.

В рамках административной реформы сокращаются признанные чрезмерными масштабы государственного регулирования особенно в сфере экономики, принимаются меры с целью оздоровления общественных предприятий, в том числе посредством их приватизации, часть функций и полномочий центра передается органам местного самоуправления. Вполне естественно, что все это не могло не вызвать необходимости существенной реорганизации и правительственного аппарата, перестройки методов его деятельности.

В 1996 г. Р. Хасимото, возглавлявший тогда правительство Японии, провозгласил задачу «полного пересмотра роли государства», высказался за резкое сокращение числа министерств и управлений, объединение их в группы в соответствии с направлениями работы. Было заявлено о намерении искоренить недостатки «вертикального и раздробленного управления», при котором распоряжения одного ведомства не только не согласуются, но и часто входят в противоречие с указаниями другого, обеспечить исполнительной власти возможность действовать более оперативно и с «большой гибкостью».

Учрежденный в том же году Совет по административной реформе, который возглавил лично премьер-министр, к концу следующего года разработал концепцию реорганизации министерств и управлений, сделав при этом акцент на создание условий для усиления руководящей роли главы правительства. Этот новый момент, ставший частью замысла правительственной реформы, аргументировался недостаточностью полномочий и аппаратных возможностей премьер-министра для оперативного управления, особенно в критических обстоятельствах. В частности, ссылались на негативные примеры запаздывания правительственных решений во время крупного землетрясения произошедшего в префектуре Аити. Концепция Совета по административной реформе нашла полное отражение в правительственном законопроекте Основного закона о реформе центральных министерств и управлений, принятого парламентом в июне 1998 г.

Данный закон имел рамочный характер, в нем были определены лишь целевые установки, основные контуры и сроки проведения реформы, ориентированные на завершение главных ее задач к январю 2001 г. В соответствии с этим законом учреждался Штаб продвижения реформы, на который была воз-

ложена обязанность направлять и контролировать ее практическое осуществление. Установки Основного закона были закреплены и конкретизированы в 17 других законодательных актах, принятых в апреле 1999 г. Серьезные поправки внесены в Закон о кабинете министров и Закон об организации государственного управления, приняты обязательные по японским правилам законы, определяющие круг деятельности, обязанности и полномочия всех реорганизуемых звеньев правительственного аппарата. Затем еще почти два года ушло на подготовку правительственных указов, разнообразных инструкций, кадровых решений, с тем, чтобы с началом 2001 г. правительство смогло приступить к функционированию в измененной структуре и адаптироваться к другим нововведениям.

В декабре 2000 г. премьер-министр Ё. Мори провел реорганизацию кабинета министров уже с учетом новой схемы административных органов. Но по существу первым испытывать перестроенный механизм центральной исполнительной власти выпало на долю другого кабинета министров, который в апреле 2001 г. сформировал новый премьер Д. Коидзуми под девизом «структурные реформы без каких-либо исключений».

Рассмотрим, хотя бы в общих чертах, основные элементы правительственной реформы, к которым, согласно японским официальным комментариям, относятся: 1) усиление политического руководства (противопоставляемого «бюрократическому») путем повышения личной роли премьер-министра, расширения стратегических и координирующих функций кабинета министров и т.д.; 2) переход от организационной структуры правительства, представленной канцелярией премьер-министра и 22 министерствами и управлениями (имеются в виду управления, возглавляемые государственными министрами), к новой, сокращенной модели в составе канцелярии кабинета министров, центральную роль в которой призван играть секретариат кабинета, 12 министерств и управлений; 3) повышение ответственности каждого из административных органов, упрощение и рационализация всего правительственного аппарата².

Создание «сильного политического руководства»

Ранее в Законе о кабинете министров премьер-министр определялся в качестве «председательствующего» на заседаниях кабинета. Теперь полномочия премьер-министра на вершине исполнительной власти уточнены и расширены. За ним закреплено право самостоятельно предлагать кабинету «принципиальный курс по важным политическим делам» (основы внешней политики и обеспечения безопасности, финансовой политики, общего управления экономикой, принципиальный курс в составлении государственного бюджета, главные решения, касающиеся структуры и кадров административных органов). В этой же связи уточнено, что планирование и разработка предложений по «принципиальному курсу» возлагается на секретариат кабинета министров как орган непосредственно помогающий премьер-министру в его делах. Помимо того, секретариату кабинета министров поручена «комплексная координация планирования и подготовки предложений», готовящихся на уровне правительственных ведомств — министерств, управлений, комитетов. Расширение круга обязанностей секретариата кабинета министров потребовало увеличения ответственных должностей в его структуре, числа помощников премьер-министра. Наиболее важные работники секретариата должны отбираться и назначаться лично премьер-министром. Предусмотрена возможность отойти от обычной практики командирования в секретариат чиновников из различных министерств и назначать сюда «выдающихся лиц», в том числе извне, не являющихся государственными служащими.

Одним из элементов организационной перестройки, направленной на усиление руководящей роли премьер-министра, становится преобразование

канцелярии премьер-министра (сорифу) в канцелярию кабинета министров (найкакүфу). Главное предназначение этого административного органа определено как оказание помощи секретариату кабинета в планировании и подготовке предложений, а также комплексная координация и контроль работы всех других административных органов. Высокий статус канцелярии кабинета министров как органа комплексной стратегии правительства подчеркивается тем, что общее руководство ее делами и контроль за исполнением должностных обязанностей возложены непосредственно на премьер-министра, а помогать ему должны несколько должностных лиц в ранге государственных министров, а именно: генеральный секретарь кабинета (начальник секретариата кабинета) и министры по особым поручениям.

Институт министров по особым поручениям (токумэй тантосё) вводится впервые, открывая главе правительства возможность в случае необходимости назначать их ответственными за осуществление скоординированных совместных мероприятий разных административных органов по отдельным актуальным направлениям деятельности кабинета. Для выполнения роли координатора на вверенном направлении министр по особым поручениям наделяется правами получать от руководителей соответствующих ведомств необходимые материалы и разъяснения, делать предупреждения и требовать доклада о принятых по ним мерах, представлять собственные рекомендации премьер-министру. В нынешнем кабинете Д. Коидзуми имеется четыре министра по особым поручениям, которые ответственны за финансовую политику, за политику в области экономики, налогов и информационных технологий, за научно-техническую политику и дела, касающиеся Окинавы и «северных территорий», (имеется в виду сфера притязаний на российские Курильские острова), за осуществление административной реформы.

Важное место в составе канцелярии кабинета министров отводится совещательным органам по наиболее ответственным направлениям работы правительства, которые формируются из соответствующих министров, а также ученых и специалистов-практиков. Мнение последних, как ожидается, должно обеспечить опору на науку и практический опыт, а участие министров — способствовать оперативному принятию надлежащих правительственных решений. Работать эти высшие совещательные органы должны под председательством премьер-министра или генерального секретаря кабинета.

В настоящее время сформированы и начали работу Консультативное совещание по экономической и финансовой политике (Кэйдзай дзайсей симон кайги), Совет по комплексной научно-технической политике (Сого кагаку гидзюцу кайги), Центральный совет по предупреждению стихийных бедствий (Тюо босай кайги) и Совет по совместному участию мужчин и женщин в планировании (Дандзё кёдо санкаку кайги).

Создание Консультативного совещания по экономической и финансовой политике изначально замышлялось по аналогии с Экономическим советом при президенте США, но под непосредственным руководством премьер-министра, и определялось намерением обеспечить главе исполнительной власти условия для решающего личного участия в разработке и принятии среднесрочной экономической политики, а также в формировании основ государственного бюджета, которое до сих пор было по существу монополизировано министерством финансов. Имеющаяся практика работы Консультативного совещания по экономической и финансовой политике показывает, что премьер-министр Д. Коидзуми действительно сделал этот орган местом разработки под его руководством как всеобъемлющей программы структурных реформ, так и планов преодоления текущих экономических трудностей и определения общих контуров государственного бюджета. Именно здесь в июне 2001 г. подготовлен про-

ект Основного курса экономической и финансовой политики, положения которого утверждены кабинетом министров Японии в качестве среднесрочного плана его деятельности.

Учреждение Совета по комплексной научно-технической политике отражает большое внимание использованию достижений научно-технической революции как неотъемлемого элемента выживания страны в условиях глобализации. В создании Центрального совета по предупреждению стихийных бедствий проявляются забота о том, чтобы премьер-министр опирался на рекомендации ответственных лиц в правительстве и авторитетных специалистов. Что же касается Совета по совместному участию мужчин и женщин в планировании, то его учреждение вызвано не только признанием объективной необходимости повышения статуса женщин в жизни японского общества, но и в значительной степени определяется стремлением правящих кругов привлечь на свою сторону женскую часть электората.

В целом, как предполагается, использование рекомендаций новых совещательных органов премьер-министра, действующих в рамках Канцелярии кабинета министров, расширит возможности руководящей и инициативной роли премьер-министра в определении основ правительственной политики. Создается и соответствующий рабочий аппарат, который будет обслуживать совещательные органы премьер-министра. Внутренняя структура канцелярии кабинета министров дополняется новыми должностями начальников департаментов по следующей специализации: экономическая и финансовая политика, комплексное развитие науки и техники, предупреждение стихийных бедствий и т.д.

Сверх функций, относящихся к стратегии, комплексной координации, общему руководству и контролю за работой всего правительственного аппарата, канцелярия кабинета министров, как и ранее канцелярия кабинета премьер-министра, сохраняет ответственность и за некоторые участки обычной административной деятельности. В структуру канцелярии на правах ее внешних органов, обладающих большой самостоятельностью в исполнении своих функций, входит несколько административных учреждений. Однако следует отметить, что если к прежней канцелярии премьер-министра относилось три комитета и восемь управлений, то нынешняя канцелярия значительно разгружена. В ней сочтено необходимым оставить главным образом ведомства, которые по российским меркам называются «силовыми»: государственный комитет общественной безопасности, под общим руководством которого работает главное полицейское управление, и управление национальной обороны (дискутировавшееся предложение о его преобразовании в министерство обороны в конечном счете было отклонено).

В число внешних органов канцелярии кабинета министров включено управление по делам кредитно-финансовых учреждений. Оно учреждено на базе созданного годом ранее управления финансового надзора, в задачу которого входило урегулирование сложных проблем несостоятельности и банкротств банков и других кредитных учреждений, общее оздоровление японской финансовой системы.

Три вышеназванных внешних органа канцелярии кабинета министров возглавляются государственными министрами. На особом положении сохраняется управление императорского двора. Прочие комитеты и управления вливаются в реорганизованные министерства. Упразднено управление экономического планирования, но его функции будут фактически исполняться в рамках внутренней структуры канцелярии кабинета министров.

К числу мер, направленных на переход от «бюрократического» к политическому руководству, относится увеличение в правительственных ведомствах численности «политиков», иначе говоря, представителей законодательной

ветви власти, депутатов обеих палат парламента. По японскому законодательству большинство членов кабинета министров должно назначаться из депутатов парламента. Кроме того, из них же формировался институт парламентских заместителей министров, которые, однако, от практической работы министерств и управлений были фактически отстранены. В новой организационной структуре правительства «политики» теперь представлены министрами, их заместителями и политическими советниками (в большинстве случаев по два и даже по три в министерстве или управлении). Таким образом, правящие партии получили возможность иметь в исполнительной власти солидную часть своего депутатского корпуса (около 70 человек) в руководстве всех центральных ведомств. В качестве заместителей министров эти депутаты парламента получили право на широкое участие в принятии политических решений, они могут выступать в парламенте вместо министра, поддерживать контакты с правящими партиями. А политические советники, включаясь в специальные сферы ведомственной деятельности, становятся причастными непосредственно к планированию и подготовке правительственных законопроектов. Характерно, что законодательное оформление этой новации осуществлено в форме депутатской инициативы правящих партий (либерал-демократической и либеральной), причем особую активность в ее продвижении проявил лидер Либеральной партии И. Одзава, пропагандирующий идею слияния правящей партии и правительства в «единое целое».

Реорганизация министерств и управлений

Крупной перестройке подверглось большинство правительственных органов. Осуществлено беспрецедентно широкое слияние министерств и управлений, заново перераспределены или уточнены функции почти всех звеньев правительственного аппарата.

Возросшее внимание к проблеме координации различных ведомств послужило одной из причин образования *министерства общих дел*. Однако оно сформировано не путем изменения статуса прежнего управления общих дел и координации. Помимо структуры этого управления в новое министерство включены комитет по справедливым и честным сделкам (японский вариант антимонопольного органа) и комитет по урегулированию экологических и прочих конфликтов, которые ранее были подведомственны канцелярии премьер-министра. Министерству общих дел переданы также многочисленные функции упраздненного министерства по делам местного самоуправления, вплоть до входившего в структуру последнего управления пожарной охраны. Наконец, министерство общих дел становится наследником еще одного ведомства, министерства связи. Таким образом, министерство общих дел является сейчас самым крупным административным органом, в котором занято более 300 тысяч служащих.

В интересах комплексного решения разнообразных задач территориального развития и формирования общенациональной инфраструктуры создано *министерство национальных земель и транспорта*. К нему перешли функции прежних управления государственных земель и управления развития Хоккайдо (бывшие внешние органы канцелярии премьер-министра), министерства транспорта и министерства строительства.

Некоторые ведомства объединены по признаку близости решаемых социальных задач. На месте министерства здравоохранения и социального обеспечения и министерства труда возникло *министерство благосостояния и труда*. Министерство просвещения и управление по науке и технике (бывший внешний орган канцелярии премьер-министра) объединены в *министерство просвещения и науки*.

Часть дел, касающихся экологии, которые находились в ведении разных министерств, теперь почти полностью переданы *министерству по делам окружающей среды*, в которое преобразовано прежнее одноименное управление. Предполагается, что это расширит возможности комплексного решения сложных экологических проблем в масштабах всего государства.

Министерство финансов вместо прежнего архаического японского названия «окурасё» (от слова окура — большое хранилище) стало именоваться «дзаймусё» (в дословном переводе — министерство финансовых дел), а министерство внешней торговли и промышленности переименовано в *министерство экономики и промышленности*. Одновременно осуществлен серьезный пересмотр функций этих важнейших государственных органов с целью привести их деятельность в соответствие с новой обстановкой, в особенности в связи с развивающимся процессом экономической глобализации, пересматриваемыми ныне в Японии методами управления экономикой, сокращением сферы административного регулирования. В число первоочередных функций министерства экономики и промышленности названо «продвижение структурной реформы экономики и промышленности». Реорганизация обоих министерств, включая изменение их внутренней организации, является также следствием возрастания роли премьер-министра в принятии принципиальных решений в сфере экономики и финансов, которая подкреплена созданием соответствующего аппарата в канцелярии кабинета министров. Например, в связи с учреждением управления по делам кредитно-финансовых учреждений, подведомственного канцелярии кабинета министров, министерству финансов приходится разделять с этим новым административным органом ответственность за восстановление дееспособности финансовой системы, доверие японцев к которой за ряд последних лет было серьезно подорвано.

Под прежними названиями и в основном в неизменной внутренней структуре сохранены только три министерства: иностранных дел, юстиции, сельского, лесного и рыбного хозяйства. Однако это не означает, что они полностью остались в стороне от общих преобразований.

Сокращение числа министерств и управлений, возглавляемых государственными министрами, позволило уменьшить допустимое количество членов кабинета министров с прежних 20 до 17, включая тех, которые могут назначаться министрами по особым поручениям.

Меры по рационализации, улучшению качества работы правительственных учреждений

Одновременно с изменением организационной структуры министерств и управлений принимаются другие меры по совершенствованию государственного управления.

Прежде всего пересмотрены «обязанности» и «подведомственные дела» всех административных органов, чтобы предельно точно указать сферу ответственности каждого из них, не допуская дублирования функций, так и утраты важных направлений, а также осуществлять государственное управление комплексно и с учетом изменяющейся в ходе административной реформы роли центрального правительства в его отношениях с частным сектором и органами местного самоуправления.

Особое внимание уделяется внедрению единой системы координации деятельности всего механизма государственного управления. Непреложным принципом управления названо требование к каждому министерству согласовывать свои действия с другими заинтересованными ведомствами. Комплекс-

ной координацией должна заниматься канцелярия кабинета министров, а ее окончательная стадия поручена секретариату кабинета министров.

Новым элементом в государственном управлении становится введение на всех его ступенях порядка обязательной оценки административных мероприятий, причем не только предшествующей принятию решений, но также промежуточной и после выполнения решения, с тем чтобы выявить результативность осуществляемых мероприятий, их соответствие появляющимся изменениям в социальной и экономической обстановке и своевременно корректировать в случае необходимости ранее принятые решения, в том числе в части, касающейся финансирования в рамках государственного бюджета. В каждом министерстве и управлении созданы специальные подразделения, которые должны заниматься исключительно такого рода оценками. В министерстве общих дел создается «третейский» орган, призванный обеспечивать комплексность и строгую объективность ведомственных оценок. Результаты оценочной работы на обоих уровнях предполагается доводить до сведения общественности путем публикаций в соответствующих изданиях.

Кроме того, разработаны и внедряются ряд мер, имеющих своей целью сделать работу правительственных учреждений «прозрачной». Признано необходимым, сделать ее доступной для всех граждан. Однако переход от словопрений по этому важному вопросу к практическим шагам произошел не в результате какого-то «озарения» в верхах, а скорее под воздействием настойчивого и длительного напора «снизу», в первую очередь со стороны гражданских движений и организаций. Результатом стало принятие парламентом в 1999 г. Закона об открытости правительственной информации. Любое физическое или юридическое лицо, предприятие, или организация получали право требовать от административного органа для ознакомления находящиеся в его распоряжении документы или другую информацию. В том же законе установлен порядок предоставления этой информации. Закон содержит довольно пространный перечень оснований, по которым глава административного органа может отказать в предоставлении информации, но чтобы исключить необоснованных отказов, в правительстве учреждается надведомственный комитет по оценке открытости информации, которому поручено рассмотрение жалоб по этому вопросу. Закон допускает также обжалование действий главы административного органа в судебном порядке, причем рассмотрение такого рода дел предусмотрено осуществлять не только в столице, но и еще в семи судах высшей инстанции, расположенных в других городах страны.³

Наконец, упрощена и рационализирована внутриведомственная структура, а также система вспомогательных учреждений при министерствах и управлениях.

Общее число секретариатов и бюро в министерствах и управлениях сокращается со 128 до 96, а секторов — с 1200 до примерно 1000. Осуществляется оптимизация структуры и количества местных филиалов центральных учреждений, в частности путем их слияния.

Утвержден план сокращения и рационализации консультативных советов, которые созданы при министерствах для разработки рекомендаций по всем аспектам их деятельности. Существует мнение, что полезная в целом работа этих совещательных органов, формируемых с участием ученых, практиков и заинтересованных представителей общественных организаций, нередко используется правительственными чиновниками для прикрытия собственной безынициативности и ухода от ответственности. Общая численность консультативных советов, превышавшая две сотни, сокращается до 93. Разрабатываются более строгие инструкции, определяющие их состав и порядок работы.

Пересматривается состав подведомственных министерствам и управлениям многочисленных государственных учреждений — учебных, исследовательских, опытно-конструкторских, лечебно-профилактических и культурно-просветительных. С целью повышения эффективности их деятельности 83 учреждения с апреля 2001 г. переведены на положение «самостоятельных административных юридических лиц». Новый статус открывает им возможность автономного, гибкого управления, избавляет от повседневной опеки и необоснованного ведомственного контроля. Одновременно принято решение сделать деятельность этих учреждений открытой для общественности, а министерствам, отстраненным от текущего регулирования, оставлено право определять целевые показатели на среднесрочную перспективу и контролировать их выполнение. В японских официальных кругах учреждение «самостоятельных административных юридических лиц» называется «образцом реформы на основе одного из ее важнейших замыслов — отделить субъекты, разрабатывающие правила, от субъектов, эти правила исполняющие»⁴.

В процессе реформы предусматривается и сокращение общей численности государственных служащих, но не в качестве самоцели, а скорее средства достижения более высоких качественных показателей. Численность служащих государственных административных органов, составлявшую в начале реформы 850 тыс. человек, планируется в течение десятилетия сократить на 25%. При этом массовых увольнений не предполагается, сокращение должно произойти за счет придания части государственных учреждений статуса частных предприятий и ограничения приема новых государственных служащих.

* * *

Считается, что стабильность правительственных учреждений — является одним из существенных факторов высокой результативности системы государственного управления. Действовавшая до 2001 г. в Японии схема органов центральной исполнительной власти в основных чертах сложилась в первые послевоенные годы. В последующем она кардинально не перестраивалась, хотя ее определенная модификация осуществлялась в случае острой необходимости, на основе всестороннего изучения и неуклонного законодательного оформления. Закон об организации государственного управления (принят в 1948 г.) гласит, что структура и функции каждого из административных органов должны определяться юридическими нормами. Обо всех организационных изменениях внутри каждого из них следует докладывать очередной сессии парламента. Правительство обязано, как минимум, один раз в год публиковать схему организации органов государственного управления. Эти требования неуклонно соблюдались на практике, ставя преграду волюнтаристским решениям часто меняющихся глав правительства и министров.

Не удивительно, что на таком фоне нынешняя реорганизация правительственных органов нередко называется в Японии событием исторического значения, «третьей правительственной реформой», наряду с теми, которые были осуществлены в конце XIX и в середине XX веков, то есть во время «преобразований Мэйдзи» и послевоенных демократических реформ.

Весьма важно, что решения, касающиеся реорганизации правительственной структуры, как и прочие решения по нынешним реформам, принимаются в Японии по демократическим нормам. В данном случае от публикации замысла реформы до законодательного оформления предлагаемых перемен потребовалось почти два года. Дискуссии в правительстве и парламенте по этому вопросу не были закрытыми для общественности, они с самого начала широко освещались и комментировались средствами массовой информации.

В целом предложенные преобразования были восприняты в стране благожелательно, о чем свидетельствует и относительно гладкое прохождение правительственных законопроектов через парламент. Вместе с тем реакция общественности была далеко не однозначной.

Немалые сомнения высказывались по поводу тенденции наделить премьер-министра, ответственного перед парламентом, правами, приближающими его статус к президентскому. В этом плане показательно понимание существа «политического руководства» депутатами японского парламента. В ходе одного из опросов на вопрос о том, что «такое политическое руководство?» 51,4% опрошенных парламентариев ответили: «разработка и осуществление политики под личную ответственность политиков», 26,3% — «разработка и осуществление политики под ответственность правящей партии». И всего лишь 13,6% опрошенных депутатов «политическим руководством» назвали «разработку и осуществление политики под ответственность премьер-министра и его кабинета»⁵. Отсюда видно, что половина японских политиков не желает уклоняться от ответственности за собственное личное участие в определении политического курса страны, одна четверть склонна отдать бразды правления в государстве правящей партии. Одновременно явно просматривается боязнь полагаться исключительно на кабинет министров с усиливающимися в нем полномочиями и аппаратными возможностями премьер-министра, наделять ответственностью за судьбу страны очень узкий круг политиков, тем более передавать ее одной личности. Своеобразная реакция, свидетельствующая о сохранении в Японии сформировавшегося в процессе ее исторического развития иммунитета политических кругов и общественности против любых проявлений «вождизма», этот иммунитет гарантирует прочность демократических традиций, невозможность отхода от господствующего в стране признания необходимости стремиться к тому, чтобы важнейшие решения в государственном управлении по возможности принимались путем достижения консенсуса.

Заметно пристальное внимание общественности к созданию необходимых условий для того, чтобы правительственная реформа приносила позитивные результаты.

Переход от «бюрократического» к «политическому» руководству, как часто отмечается в Японии, не может быть обеспечен лишь простой перестройкой структуры правительства, введением новых методов его работы. Еще на стадии принятия рамочного закона о правительственной реформе в средствах массовой информации г.дчеркивалось, что эффективность политического руководства будет зависеть в первую очередь от качества самих «политиков», их политического сознания и ответственности, способности к лидерству. А этого нельзя добиться без освобождения от трудноискоренимой в правящей Либерально-демократической партии практики назначения на посты министров и их парламентских заместителей по соображениям внутривнутрипартийного баланса между фракциями парламентариев, причем нередко с учетом их возраста, числа избраний в парламент и степени лояльности к лидеру фракции, часто вопреки их деловым качествам и уровню компетентности. Кроме того, значительная часть политиков, направляемых правящей партией из парламента для руководства правительственными ведомствами, принадлежит к так называемым «кланам», в которые они сплываются для лоббирования тех или иных корпоративных интересов (разумеется, не без корыстной надежды на компенсацию собственных усилий, особенно во время парламентских выборов). А это означает, что таким политикам стать выше ведомственных и корпоративных интересов будет чрезвычайно трудно. Непременной предпосылкой эффективного политического руководства является, с одной стороны, готовность

политиков отвечать за результаты своей деятельности, а, с другой, «строгий народный контроль» и жесткая оценка избирателями на парламентских выборах.

Очевидно, что политическое руководство предполагает преодолеть распространённое в Японии тесное сращивание политиков с бюрократией, порождающее зависимость политиков от бюрократии, о чем много говорят, особенно в правящих кругах, и установить справедливые, честные, открытые и корректные отношения между теми и другими. Ведь не случайно прежние экономические успехи послевоенной Японии часто объясняют четкой, высокопрофессиональной и настойчивой работой правительственного аппарата, бюрократии в хорошем понимании этого слова. «Политическое руководство, — отмечается в редакционной статье газеты «Нихон кэйдзай», — это не возвышение политиков над чиновниками и не вмешательство правящей партии в деятельность кабинета министров... Политического руководства не будет, когда правящая партия цепляется за каждую фразу курса премьер-министра и кабинета. Требуется и изменение сознания политиков, входящих в правящие партии»⁶.

Что касается реорганизации министерств и управлений, то она была воспринята в стране без существенных возражений, но и без заметного энтузиазма. В отношении перспектив работы некоторых крупных объединённых министерств, пожалуй, преобладают пессимистические оценки. Высказываются опасения, что слияние целого ряда прежде самостоятельных административных органов, как это имеет место, например, в министерстве национальных земель и транспорта, не сможет помочь преодолению пороков ведомственного, «вертикального» управления, а напротив послужит их закреплению. Руководство огромного министерства просто не сможет обеспечить надлежащий контроль и координацию действий многочисленных департаментов, курирующих множество направлений. Вместе с тем существует мнение о возможности некоторой «разгрузки» вновь созданных министерств, а, следовательно, улучшения качества и согласованности работы их звеньев за счет дальнейшего сокращения численности подведомственных учреждений, приватизации общественных предприятий. Однако сама идея передачи в частные руки нынешних общественных предприятий, создававшихся по инициативе правительства и с участием государственного капитала для решения разнообразных актуальных задач, имеет немало противников как среди правительственных чиновников, так и в политических партиях, включая правящую, либерал-демократическую. Особенно острые споры развернулись вокруг судьбы трех почтовых предприятий с довольно обширными функциями. Они переданы в процессе реформы в министерство общих дел с условием их преобразования в 2003 г. в общественную корпорацию, но одновременно обсуждается возможность их приватизации.

Позитивно восприняты нововведения, направленные на усиление координации работы всех правительственных учреждений и на внедрение всеохватывающей системы оценок административной деятельности. Однако отмечается незавершенность формирования оценочного механизма: неразработанность методики, стандартов оценок эффективности различных политических решений, отсутствие пока цельного представления, каким образом конкретно будет решаться проблема исправления выявленных ошибочных решений.

Большие надежды возлагаются на меры по обеспечению прозрачности процесса принятия политических решений и открытию правительственной информации. Считается, что они будут способствовать повышению ответственности политиков и чиновников, активизации гражданского контроля в сфере государственного управления, хотя для этого потребуются еще многие годы.

Послужит ли правительственная реформа преодолению немалых экономических трудностей, с которыми Япония столкнулась на нынешнем этапе ее развития? По замыслу разработчиков реформы ее результатом должно стать

создание системы государственного управления, «отвечающей формированию свободного и справедливого общества». Ожидается, что государственное управление по новой схеме будет «комплексным и стратегическим», «мобильным», «прозрачным», «простым и эффективным» и поможет «выживанию» Японии в XXI веке.

Нынешнее правительство Японии во главе с Д. Коидзуми, используя открывшиеся вследствие данной реформы возможности для усиления политического руководства, стремится форсировать и другие структурные реформы, рассчитывая, что именно глубокое, основательное и ускоренное реформирование позволит стране сохранить завоеванные ею ранее передовые позиции в мировой экономике.

Независимо от того, насколько плодотворными окажутся на практике последствия реорганизации японского правительственного механизма, опыт ее подготовки и проведения, принципы перестройки и конкретные новации, а особенно последствия реформирования заслуживают пристального внимания и в Российской Федерации, где по-прежнему задача поиска оптимальной модели организации центральной исполнительной власти остается актуальной.

1. О причинах и начальных планах японских реформ см.: Сенаторов А. Япония: курс на структурные реформы // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 2. С. 37-49.
2. Токи-но угоки. 1999, сентябрь. С. 6.
3. Более детально о данном законе см.: Сенаторов А. Открытость — условие доверия граждан к власти // Япония сегодня. 2000, октябрь. С. 10-11.
4. Токи-но угоки. 1999, сентябрь. С. 15.
5. Нихон кэйдзай симбун. 2000. 26 декабря. Опрос осуществлен «Народным советом за создание новой Японии».
6. Нихон кэйдзай симбун. 2000. 26 декабря.

Выборы 2001-2002 гг. на Тайване

© 2002

Л. Гудошников, В. Ганшин

1 декабря 2001 г. тайваньские избиратели проголосовали за новый состав парламента — Законодательной палаты, одновременно были избраны главы администраций уездного уровня — начальники уездов и мэры городов провинциального подчинения, а 26 января 2002г. состоялись выборы глав администраций городов уездного подчинения и собраний городов и уездов. Наибольшее внимание, как на самом Тайване, так и за его пределами, привлекли парламентские выборы, проходившие при существенных переменах в политическом ландшафте острова. К этим переменам следует, прежде всего, отнести дальнейший раскол Гоминьдана (ГМД), правившего на острове более половины столетия. Вслед за выходом из партии группы видных ее членов, образовавших Новую партию (Синьдан) еще в 1993 г., в 2000 г. на политической арене Тайваня появляется Партия народа Циньминьдан (ЦМД), которую создали сторонники Сун Чуюя (Джеймса Суна), бывшего видного деятеля ГМД и единственного губернатора провинции Тайвань, избранного голосованием всего ее электората (напомним, что Сун Чуюй участвовал в президентских выборах 2000 г. как независимый кандидат и по количеству набранных голосов существенно обогнал кандидата ГМД Лянь Чжэня и лишь немного уступил выигравшему выборы кандидату ДПП Чэнь Шуйбяню)¹. На этом раскол ГМД не прекратился — в августе 2001 г. при поддержке бывшего председателя ГМД и экс-президента Китайской Республики на Тайване Ли Дэньхуэя, организовался в качестве политической партии Тайваньский союз солидарности (Тайвань туаньцзе лянъмэн, сокращенно Тайлянь), ориентированный на взаимодействие с ДПП. Образование партии официально приветствовалось нынешним президентом Тайваня Чэнь Шуйбянем, усмотревшим в программном заявлении Тайляня многое приемлемое для него. Председателем партии был избран видный в прошлом деятель ГМД, бывший министр юстиции Хуан Чжувэнь.

Таким образом, вместо трех соперничавших на прошлых выборах Законодательной палаты (октябрь 1998 г.) основных политических партий — ГМД, ДПП и Новой партии, в выборах 2001 г. участвовали пять. Напомним, что в выборах Законодательной палаты в 1998 г. безусловным фаворитом был ГМД, получивший 123 из 225 мест (с выходом из ГМД сторонников Сун Чуюя, образовавших ЦМД, ГМД стал обладать в палате 115 мандатами, т.е., все равно оставался партией парламентского большинства). ДПП получила тогда 70 мандатов, увеличив свое представительство по сравнению с выборами 1995 г. на 15 мандатов. В то же время почти вдвое сократилось представительство Новой партии, завоевавшей 11 против 21 мандата на предыдущих выборах. Остальные мандаты достались независимым (13 мест), временным избирательным

Гудошников Леонид Моисеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

Ганшин Владимир Георгиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

альянсам — демократическому² и беспартийному (4 и 3 места) и по одному месту двум раскольническим группировкам — отколовшейся от ДПП Партии независимости Тайваня и от Новой партии — Альянсу Новой партии³.

Итак, на выборах 2001 г. за голоса избирателей боролись пять основных партий. ДПП, представитель которой занимает президентский пост, в предвыборной кампании обещала главным образом улучшение экономической ситуации на острове, реформирование парламента, борьбу против коррупции и защиту окружающей среды. Партия заявила, что приложит усилия, направленные на подъем ключевых отраслей промышленности и дальнейшую либерализацию рынка. ДПП выступила и за уменьшение количества мест в парламенте с современных 225 до 115. Она высказывалась также за систему голосования на выборах двумя бюллетенями, один из которых подается персонально за кандидата, другой — за политическую партию (при действующей избирательной системе партии получают дополнительные мандаты по так называемому общенациональному округу в зависимости от их успеха на выборах по территориальным округам).

Следует отметить, что предвыборные программы всех основных участвующих в выборах партий по внутривыборным вопросам особым разнообразием не отличались. Отколовшийся от ГМД Тайлянь, высказался также за сокращение числа выборов (очевидно, путем дальнейшего совмещения выборов в различные органы власти или различных должностных лиц).

Новая партия, почувствовавшая ослабление своих позиций, старалась заблокироваться с другими партиями, прежде всего с ГМД и ЦМД. Это ей удалось только на выборах главы администрации уезда Тайбэй. Нужно сказать, что были заявления о блокировании ГМД и ЦМД с Новой партией и на парламентских выборах. Однако этот блок не состоялся, и все ограничилось разговорами о будущем сотрудничестве на президентских выборах. Так или иначе, все главные партии Тайваня выступили с примерно одинаковыми программами по внутренним проблемам острова⁴.

Определенные межпартийные различия выявились в подходе к перспективе отношений между двумя сторонами Тайваньского пролива, т.е., между Тайванем и материковым Китаем. Новая партия, известная своей неизменной позицией за объединение с материковым Китаем, поставила эту проблему в центр своей предвыборной политической платформы. Ратую за более тесные экономические и политические связи с континентальной частью страны, Новая партия выдвинула формулу “одна страна, три системы”, в которой второй системой являются Сянган (Гонконг) и Аомынь (Макао), а Тайвань — третьей.

В этом вопросе противоположна позиция ДПП, которая активно сопротивляется гонконгской модели территориальной интеграции Китая, заявляя, что Тайвань скорее суверенное государство, чем мятежная провинция Китайской Народной Республики.

Тайваньский союз солидарности также прокламирует идею абсолютного неприятия формулы “одна страна, две системы”. Тайлянь считает, что Китайская Республика, включающая остров Тайвань и архипелаги Пэнху, Цзиньмэнь и Мацзу, является суверенным государством.

Что касается ЦМД, то ее позиция по вопросу об отношениях двух берегов Тайваньского пролива практически не отличается от позиции ГМД, откуда она вышла. Обе партии поддерживают основополагающие принципы национального объединения 1992 г., разработанные Советом национального объединения при Президенте Тайваня, и одобренные Исполнительной палатой, которые предусматривают поэтапное объединение острова с континентальной частью страны. Отличие позиции ЦМД от позиции партии-матери ГМД в том, что ЦМД в предвыборных изданиях предлагает отложить противостояние идей объединения и независимости и обсуждать, прежде всего, вопросы экономической интеграции с материком.

Такая позиция совпадает с предложениями по вопросу о национальном объединении, впервые прозвучавшими в новогоднем обращении 2001 г. Президента Чэнь Шуйбяня, которые легли в основу соответствующего направления политики ДПП. В этой речи Чэнь Шуйбянь говорил о развитии торговых и культурных обменов между двумя сторонами пролива, которые помогут создать предпосылки для постепенной политической интеграции. Призывая Пекин к переговорам с правительством, ведомым ДПП, подчеркивал важность открытого диалога и обмена мнениями.

Сравнивая программные заявления конкурирующих партий, аналитики предсказывали, что ни одна из них не станет партией большинства в парламенте. Так и получилось. ДПП выступила наиболее удачно, собрав 33,38% голосов избирателей и получив 87 мест в новом составе Законодательной палаты, таким образом, увеличив свое представительство там на 17 мандатов по сравнению с предыдущими выборами. Следует, однако, отметить, что число голосовавших за ДПП избирателей возросло несущественно против 29,56% в 1998 г., и рост числа ее мандатов в легислатуре острова произошел за счет мест по общенациональному округу и представительстве от зарубежных китайцев, которое также зависит от успеха партий на выборах по территориальным округам. ГМД потерпел явное поражение, получив 28,56% голосов против 46,43% на прошлых выборах, и проведя в высший законодательный орган лишь 68 своих кандидатов. Основная причина резкого сокращения голосовавших и парламентских мандатов — раскол партии. Вышедшие из ГМД партии считаются выступившими успешно. ЦМД поддержали 18,57% избирателей и партия получила 46 мест в парламенте. Тайлянь собрал 7,76% голосов избирателей и стал обладателем 13 мандатов. Участие Новой партии в выборах на этот раз обернулось жестоким поражением. За партию проголосовало всего 2,61% избирателей и она сумела провести лишь одного своего кандидата в Законодательную палату. Уменьшилось и число парламентариев, выдвинутых малыми партиями и временными избирательными блоками, а также независимых: они заняли 10 мест против 21 после прошлых выборов.

Несколько иными оказались результаты выборов глав администраций уездов и городов провинциального подчинения. Выборы проводились в 23 территориальных единицах. Здесь число прошедших на исполнительные посты кандидатов от ДПП уменьшилось (9 вместо 12), а от ГМД увеличилось (9 вместо 8). ЦМД одержал победу в двух единицах, а Новая партия — в одной. Два местных поста оказались занятыми независимыми кандидатами (на прошлых выборах этого уровня, состоявшихся в ноябре 1997 г., победили три независимых кандидата и не прошел ни один кандидат от мелких партий)³. Как уже отмечалось выше, на местных выборах 2001 г. создавался блок ГМД, ЦМД и Новой партии против кандидата ДПП. В уезде Тайбэй ГМД и ЦМД поддержали выдвиженца Новой партии. Блоку удалось собрать 47,62% голосов избирателей, но этого оказалось недостаточно для победы. На посту начальника уезда остался действующий глава исполнительной власти, избранный от ДПП, которая побеждает в уезде уже в четвертый раз. Характерно, что кандидаты Новой партии как на исполнительный пост, так и в парламент победили в уезде Цзиньмэнь, расположенном на одноименном архипелаге близ материка.⁴

Ощутимая разница в результатах местных выборов, по сравнению с парламентскими, объясняется главным образом тем, что при выборах местных администраторов избиратели обращаются в большей мере к суждениям о личности кандидатов, а не к партийным пристрастиям. Кроме того, имеют значение и созданные прежде всего ГМД механизмы для сбора голосов, связанные с различными местными структурами. Это подтвердили состоявшиеся 26 января 2002 г. выборы глав администраций городов уездного подчинения и волостей и собраний городов и уездов. Из 319 административных постов указанного уровня ГМД завоевал 225 (71%), превысив прежнее число избранных от этой пар-

тии глав исполнительной власти на 6 мест. Кандидаты от ДПП получили всего 28 мест, т.е. столько же, сколько на прошлых выборах, а 60 мест отошло независимым кандидатам. Несколько меньшим был успех ГМД на выборах представительных органов: из 897 мест членов собраний ГМД получил 424 места вместо 477 на прошлых выборах, тогда как ДПП увеличила свое представительство на 32 мандата, получив всего 147 мест. Комментируя результаты выборов указанного уровня, председатель ДПП Се Чжантин призвал партию усилить работу на низовых уровнях, чтобы получить большую поддержку на следующих выборах.⁷

Вскоре после оглашения результатов выборов Чэнь Шуйбянь представил пресс-релиз, в котором заявил, что окончание выборов, независимо от их исхода, должно означать начало сотрудничества. Он обещал учитывать высказанные каждой партией мнения по таким неотложным вопросам как парламентская реформа, улучшение состояния экономики, отношения между двумя сторонами Тайваньского пролива, социальное благосостояние.

Выразив благодарность официальным функционерам избирательных комиссий, полиции и расследователям заявлений о подкупе избирателей, Президент поздравил всех заново избранных представителей и похвалил усилия и "демократический дух" тех, кто не преуспел на выборах.

Не менее теплые слова нашел президент и для ушедшего с поста главы кабинета Чжан Цзюньсюня. Высоко оценив усилия премьера и его команды, Чэнь Шуйбянь объявил о назначении нового главы Исполнительной палаты, которым стал бывший генеральный секретарь ДПП Ю Шикунь, до этого руководивший администрацией президента.⁸

Президент воздержался от высказываний по поводу формирования внутрипарламентских союзов с другими политическими силами. Однако на эту тему высказался председатель ДПП Се Чжантин (Франк Се), связав необходимость таких союзов прежде всего с усилением законодательной деятельности партии, расширения базы для этой деятельности. Успех партии на выборах он приписал ее центристской позиции, в том числе и в вопросе о независимости Тайваня. Смягчение позиции ДПП усматривается им в отказе от идеи референдума за учреждение Республики Тайвань. Се Чжантин предположил, что 87 мандатов ДПП могут быть объединены с 13-ю мандатами Тайляня и, таким образом, возможно создание влиятельной политической силы. Он подчеркнул, что ДПП и Тайлянь находятся в одном политическом спектре, не соглашаясь признавать пекинскую формулу "одно государство, две системы".

С нерадостным настроением восприняли итоги избирательной кампании лидеры ГМД, несмотря на успех партии на местных выборах. Председатель ГМД Лянь Чжань заявил, что провалившаяся в своих ожиданиях партия тем не менее сохраняет положение ведущей оппозиционной партии в законодательном органе.

Лидер ЦМД Сун Чуюй заявил во время празднования успеха партии на выборах ночью 1 декабря 2001 г., что его партия будет продолжать играть роль лояльной оппозиции и выполнять свои обещания избирателям. Он добавил, что ЦМД не имеет намерения присоединиться к какой-либо правительственной коалиции и советует не делать этого и ГМД.

Новая партия объявила, что, несмотря на нынешнее свое положение, она не будет сливаться ни с одной из других партий.

Что касается Тайляня, созданного всего за 4 месяца до выборов, то его успех, позволивший этой партии потеснить как Новую партию, так и независимых кандидатов, связывается главным образом с поддержкой экс-президента Ли Дэньхуэя. Лидер партии Хуан Чжувэнь, выступая после выборов, ее ограниченный успех представил как неприятие избирателями формулы "одно государство, две системы" и требование ими более самостоятельной тайваньской политики. Аналитики считают, что Тайлянь в ближайшем будущем

будет в той или иной форме взаимодействовать с правительством. Было обращено внимание на то, что буквально через два дня после выборов Ли Дэнхуэй создал мозговой центр Защитники Тайваня, который будет главным образом действовать как дискуссионный форум проправительственных и оппозиционных партий, публичных политиков, где будут обсуждаться вызовы острову и способы его объединения перед лицом этих вызовов. На церемонии открытия Центра присутствовали высокопоставленные деятели ГМД⁹.

* * *

Надо отметить, что средства массовой информации КНР не уделили чрезмерного внимания событиям на Тайване. Зарубежные обозреватели, которые освещали выборы на острове, лишь вскользь упомянули о том, что в Пекине "обеспокоены" усилением позиций Чэнь Шуйбяня и не скрывают "озабоченности" в связи с его дальнейшими шагами. Зато накануне выборов центральная "Жэньминь жибао" подвергла резкой критике высказанные президентом Тайваня соображения относительно будущих отношений между двумя сторонами пролива¹⁰.

В интервью тайваньской радиостанции, пишет газета, Чэнь Шуйбянь заявил, что его "величайшей мечтой" является, чтобы лидеры двух сторон Тайваньского пролива смогли бы "пожать друг другу руки", чтобы Тайвань и Китай "больше торговали, чем занимались политикой; чтобы было больше контактов и меньше взаимного непонимания; чтобы было больше доверия, чем нападков и давления друг на друга". Ему бы также очень хотелось иметь возможность прибыть на материк, "чтобы найти корни своих предков".

Когда такие вещи говорит лицо, ответственное за отношения между Тайванем и Китаем, продолжала газета, это следует, видимо, понимать, так, что лидер Тайваня вновь "выражает добрую волю" по отношению к КНР. Однако эта так называемая "добрая воля" призвана лишь ввести общественность в заблуждение. Он уклоняется от сути проблемы: признает ли он принцип "одного Китая". Хотелось бы знать: на какой "основе", на каких "условиях" все, о чем говорит Чэнь Шуйбянь, может быть реализовано? Являются ли отношения между сторонами пролива внутренним делом одной страны, или это отношения между "двумя китайскими государствами"? Другими словами, можно ли считать, что это "внутрисемейные дела" или в деле участвуют "соседи" и "дальние родственники"? Все это фантазии и иллюзии, напоминающие отражение Луны в озере или букета цветов в зеркале, и предназначены они лишь для одного: избежать реального обсуждения принципа "одного Китая", отвергнуть формулу "консенсуса 1992 года", ради чего президент даже готов отказаться от своей принадлежности к китайской нации.

Все попытки видоизменить принцип "одного Китая", говорится далее в "Жэньминь жибао", не приведут ни к чему хорошему, а лишь могут обострить отношения между Пекином и Тайбэем. Очевидно, что подобные предложения "доброй воли" не имеют ничего общего с действительной заботой об улучшении отношений между двумя сторонами пролива, они являются всего лишь "предвыборной фразеологией" и преследуют цель завоевать голоса избирателей.

5-го и 6-го декабря в столичной "Жэньминь жибао" были опубликованы еще два материала, содержащие оценки высших китайских должностных лиц по поводу новой ситуации, сложившейся на Тайване. Так, заместитель премьера Госсовета КНР Цянь Цичэнь на встрече с американской делегацией отметил: "...осуществление полного воссоединения страны является общим чаянием всех китайцев. Достижение этой цели возможно только при условии поддержания принципа одного Китая. Только после признания тайваньскими властями принципа одного Китая можно будет возобновить переговоры между двумя берегами Тайваньского пролива. Мы выступаем за скорейшее осуществ-

ление прямых почтовых, транспортных и торговых связей между двумя сторонами Тайваньского пролива в целях содействия обменам в различных областях между сторонами"¹¹ Днем позже официальный представитель Канцелярии Госсовета КНР по делам Тайваня Чжан Минцин, комментируя итоги прошедших на острове выборов, подчеркнул: "Материковая часть Китая не откажется от проводимой в отношении Тайваня политики. Китай будет продолжать придерживаться курса на мирное воссоединение Родины на основе концепции "одно государство — два строя", действовать в соответствии с комплексом предложений председателя Цзян Цзэминя, касающихся развития отношений между двумя берегами Тайваньского пролива на нынешнем этапе, а также продолжит политику стимулирования экономических обменов и сотрудничества между ними", — сказал Чжан Минцин. По его мнению, заявления о якобы наращивании сил, выступающих за "независимость" острова лишь на основании того факта, что по итогам выборов Демократическая партия стала первой по числу мест в Законодательной палате Тайваня, являются однобокими. Общая политическая архитектура острова не изменилась, надо принять во внимание то, что, как свидетельствуют опросы общественного мнения, растет число жителей острова, высказывающихся в поддержку концепции "одно государство — два строя". Чжан Минцин подчеркнул также, что в общественном мнении Тайваня доминирует стремление к улучшению и развитию отношений с материковым Китаем и противодействие идее "независимости".

Представитель Госсовета КНР указал также, что Пекин готов иметь дело со всеми партиями, общественными организациями и частными лицами Тайваня, признающими принцип одного Китая и выступающими за улучшение и развитие отношений между двумя сторонами пролива¹².

Таким образом вопрос о путях воссоединения Китая, а не внутренние проблемы Тайваня оказались в связи с парламентскими выборами на острове в центре внимания как тайваньских политиков и журналистов, так и политиков КНР. Этот чрезвычайно острый вопрос в сложившихся между странами пролива отношениях пока не находит решения, устраивающего обе страны. Но как бы долго этот вопрос не находил своего решения, будущее несомненно за единым Китаем.

1. Подробнее о президентских выборах 2000 г. на Тайване см. статьи в ПДВ, N 4, 2000, с.46-57.
2. В качестве кандидатов в Демократическом альянсе обычно выступают члены ГМД, не получившие для участия в выборах официальной поддержки своих кандидатур руководством партии.
3. Подробнее о результатах выборов Законодательной палаты в 1998 г. см. Э.О. Батчаев. Второе дыхание Гоминьдана: старейшая политическая партия снова празднует победу. Тайвань. Краткие справочные сведения. Вып.IX.ИДВ РАН. М.,1999, с.12-13.
4. См. Platforms of disparate parties not so different. "Taipei Journal". 2001. No.46, November 30. P.1-2.
5. Подробнее о местных выборах 1997 г. см. Э.О. Батчаев. Сдвиги в расстановке политических сил на Тайване (К итогам местных выборов в ноябре 1997 г. и январе 1998 г.). Тайвань. Краткие справочные сведения. Вып.VIII. ИДВ РАН. М.,1998. с.60-64.
6. Краткие итоги выборов 2001 г. см. "Taipei Journal", No.47, December 7, 2001, p.1-2.
7. Central News Agency. 2002. Jan.27.
8. Там же.
9. Краткие итоги выборов 2001 г. см. "Taipei Journal". 2001. No.47, December 7. P.1-2.
10. Жэньминь жибао.2001. 29 ноября.
11. Жэньминь жибао.2001. 5 декабря.
12. Жэньминь жибао.2001. 6 декабря.

Выходцы из КНДР в Южной Корее: проблемы и перспективы

© 2002

А. Ланьков

Одним из интересных феноменов корейской истории последних лет стал рост числа бывших граждан КНДР, которым удается покинуть страну и так или иначе добраться до Южной Кореи, где они получают убежище. В результате в Республике Корея сформировалась небольшая община выходцев с Севера, которая в настоящее время насчитывает около полутора тысяч человек и очень быстро растет. Судьбе оказавшихся на Юге северян, а также отношению к ним со стороны властей и жителей Республики Корея и посвящена настоящая статья. В ней прослеживаются история "проблемы перебежчиков", изменения южнокорейского законодательства и практики работы с беглецами с Севера и нынешнее положение северян в южнокорейском обществе.

Статья основана преимущественно на публикациях южнокорейской прессы. Несмотря на свою относительную немногочисленность, добравшиеся до Республики Корея северокорейцы привлекают немалое внимание местной прессы. В свое время (примерно до 1990 г.) главные мотивы этого интереса были отчетливо связаны с пропагандой, но в последние годы южнокорейских журналистов и ученых волнуют совсем другие вопросы. Судьбы оказавшихся на Юге граждан КНДР воспринимаются как некий индикатор тех процессов, которые, скорее всего, развернутся в будущем, когда движение людей между Севером и Югом станет куда более интенсивным, чем сейчас.

Помимо газетных публикаций, при работе над статьей автор также опирался на свои личные впечатления от встреч и бесед с перебежчиками, многих из которых он знает лично.

По данным южнокорейского Министерства объединения, за период с 1953 г. до 1 января 2001 г. на территорию Республики Корея тем или иным способом перешли 1406 северокорейцев. 186 из них к настоящему времени скончались, а 33 выехали на постоянное место жительства в третьи страны (главным образом, в США), так что к началу 2001 г. в Южной Корее проживало 1187 перебежчиков из КНДР (см. Табл. 1). Статистика эта, вероятно, не полна. Так, можно предположить, что на сторону Юга наверняка переходили и получали там убежище сотрудники северокорейских спецслужб, но эти переходы по понятным причинам достоянием гласности не становились. Не исключено, что по сходным соображениям остались тайной и случаи переходов высокопоставленных северокорейских чиновников или военных на сторону Юга. Таким образом, истинное число бывших северокорейцев, находящихся на Юге, по-видимому, может несколько превышать официально признанную цифру в 1406 человек, хотя разница между реальными и официальными данными едва ли очень велика.

Таблица 1

Количество северокорейских перебежчиков, прибывших в Южную Корею

До 1970 года	1970-1979	1980-1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
485	59	63	9	9	8	8	52	41	56	85	71	148	312

По данным официального веб-сайта Министерства объединения (www.unikorea.go.kr).

В любом случае, 1187 перебежчиков — это ничтожно малая часть 47-миллионного населения Южной Кореи. Интерес к проблемам этой, по сути, очень небольшой группы людей вызван тем, что перебежчики являются представителями “другой Кореи” и проблемы их адаптации в южнокорейском обществе, скорее всего, помогут предсказать, с какими сложностями столкнется Север в том случае, если тоненький ручеек беженцев превратится в многотысячный поток, и уж тем более — в случае объединения страны, когда бывшие “южане” и бывшие “северяне” начнут жить в одном государстве и работать в одной экономике.

Для обозначения тех жителей КНДР, которые так или иначе перебрались в Республику Корея, в Южной Корее используются три различных термина, каждый из которых имеет свою семантическую (или, скорее, “семантико-политическую”) окраску. Первый и самый распространенный из них — “тхальбукчжа” состоит из трех иероглифов “покинуть”, “Север” и “лицо”. Таким образом, его можно перевести как “лица, покинувшие Северную Корею”. Под эту категорию попадают все эмигранты из КНДР, в том числе и те из них, кто не находится в Южной Корее — например, северокорейские беженцы в Китае. Второй термин, “вольбукчжа”, используется несколько реже. Он состоит из иероглифов со значениями “прибыть”, “Север” и “лицо”, так что его можно перевести как “лица, прибывшие на Юг”. Третий термин — “квисунчжа” — состоит из иероглифов “вернуться”, “повиноваться закону/законной власти”, “лицо”, и может быть переведен как “лицо, вернувшееся к повиновению законной власти”. Этот термин отражает исторически важные претензии Сеула на роль единственно законной власти на всей территории Корейского полуострова, а не только южной его части. С точки зрения Сеула, КНДР является “самопровозглашенным” государством, а все его жители, по определению, — гражданами Республики Корея (в Пхеньяне придерживаются прямо противоположной точки зрения).

Первые два термина (“тхальбукчжа” и “вольбукчжа”) нейтральны, в то время как “квисунчжа” имеет явную идеологическую окраску и у большинства жителей Юга сейчас ассоциируется с неистовой антикоммунистической пропагандой времен военных правительств. В настоящее время “квисунчжа”, похоже, именно из-за своей излишней идеологизации и вызванных этим ассоциаций постепенно выходит из употребления. В настоящей статье мы будем называть переселенцев из Северной Кореи русским словом “перебежчик”. Слово это не совсем адекватно, ибо в современном русском языке оно имеет четко выраженную негативную окраску, в то время как соответствующие корейские термины либо нейтральны либо официозно-положительны.

Беглецы с Севера появились в Южной Корее давно, с первых лет ее истории. Движение через 38-ю параллель началось в первые же месяцы после раздела страны. Оно было двусторонним: хотя в настоящей статье речь идет только о движении с Севера на Юг, не следует забывать и о существовании встречного потока, который в отдельные периоды был вполне сравним по интенсивности. В первые годы после Освобождения 38-я параллель сохраняла определенную прозрачность: хотя и советские, и американские военные власти

пытались прекратить движение через границу, до 1950 г. в полной мере им этого добиться так и не удалось — для этого не было ни сил, ни средств, ни знания местной ситуации. С другой стороны, проходившие в 1945-1950 гг. в Северной Корее преобразования: земельная реформа, национализация промышленности, разгром некоммунистических партий и христианских организаций неизбежно порождали множество недовольных, которые в массовом порядке уходили в другую половину страны. Корейская война 1950-1953 гг. также привела к массовым миграциям. Сотни тысяч корейцев в силу самых разных обстоятельств покинули свои родные места, которые для многих из них после 1953 г. стали недоступными: военно-демаркационная линия колючей проволокой и минными полями разделила страну и на долгие десятилетия сделала невозможными любые контакты между Севером и Югом. Поскольку война (особенно ее первый, хаотический период) привела к параличу и без того не особо эффективного государственного аппарата Юга, не существует точных оценок числа прибывших туда беженцев из северокорейских провинций, но ясно, что речь идет о сотнях тысяч человек.

Таким образом, в 1945-1951 гг. миграции носили достаточно массовый характер, но после 1953 г. граница между Севером и Югом оказалась закрыта наглухо. К началу 1960-х гг. правительство КНДР создало крайне эффективную систему охраны границы, которая была направлена как “вовне” (против проникновения в страну южнокорейских агентов), так и “вовнутрь” (против несанкционированных попыток покинуть Северную Корею). Несколько километров минных полей, контрольно-следовых полос, проволочных заграждений превратили переход военно-демаркационной линии в исключительно опасное мероприятие, по сути — в почти гарантированное самоубийство. Перебраться на Юг морем со временем стало также непросто. Доступ на прибрежные пляжи для обычных граждан в КНДР закрыт, а само морское побережье отгорожено несколькими рядами колючей проволоки и контрольно-следовыми полосами, протянувшимися вдоль моря на сотни километров. Выход к побережью разрешен только на некоторых тщательно охраняемых участках. Относительно свободный доступ к морю имеют рыбаки, но именно поэтому они находятся под особо пристальным наблюдением властей. Вдобавок после 1957-1960 гг. власти КНДР, действуя в соответствии с “Постановлением Кабинета Министров №149” провели выселение всех социально ненадежных элементов из приграничной зоны (расстояние до 20 км от 38-й параллели). Свой вклад в предотвращение побегов вносил и контроль над передвижением: после 1953 г. для поездки за пределы своего уезда северокорейцы должны были получать специальное разрешение от органов внутренних дел. В целом система контроля над населением работала весьма эффективно, однако малочисленность перебежчиков была вызвана и другими обстоятельствами — в первую очередь тем, что до 1965-1970 гг. Южная Корея отнюдь не превосходила Северную по уровню жизни. Немалую роль играла и эффективная пропаганда: в шестидесятые и семидесятые годы революционный энтузиазм был еще свеж, и основная масса жителей Северной Кореи поддерживала существующий режим. Поэтому перебежчиков было немного.

Понятно, что власти Сеула изо всех сил старались увеличить их количество. Помимо желания вносить разброд в стан противника и получать разведывательную информацию, в Сеуле руководствовались и внутрисполитическими соображениями: в те времена властям приходилось всерьез думать об антикоммунистической пропаганде внутри страны, и перебежчики широко использовались в этой “идейно-воспитательной работе”. Написанные ими (и отредактированные правительственными идеологами) книги об ужасах северокорейского коммунизма издавались большими тиражами, а сами перебежчики должны были регулярно выступать с разоблачительными антикоммунистическими лекциями в учебных заведениях и на предприятиях. Фактически эти

выступления были для большинства перебежчиков их основной работой, которая, вдобавок, неплохо оплачивалась из средств официальных пропагандистских ведомств. Само существование перебежчиков должно было служить живым подтверждением социально-экономического превосходства Юга. Эта система сохранялась до начала 1990-х гг., когда вся структура учреждений, занятых пропагандой антикоммунизма в Южной Корее, лишилась правительственных дотаций и вскоре прекратила свое существование.

В 1960-1990 гг. подавляющее большинство перебежчиков было выходцами из северокорейской элиты. Оно и понятно: только представители немногих привилегированных групп имели тогда физическую возможность покинуть КНДР. Среди перебежчиков того времени были военные летчики, угнавшие на Юг свои самолеты, дипломаты и сотрудники внешнеторговых организаций, перешедшие на Юг через третьи страны, военнослужащие частей, расположенных вдоль военно-демаркационной линии, и поэтому знакомые с тем, как она охраняется, а также рыбаки, которым удалось обмануть бдительность многочисленных контролеров и надсмотрщиков.

Неудивительно, что в таких условиях перебежчики могли рассчитывать на щедрую помощь со стороны властей. В 1962 г., вскоре после прихода к власти военного правительства Пак Чжон Хи, в Южной Корее был принят первый законодательный акт, который определял отношение к перебежчикам — “Специальный закон о защите выходцев с Севера” (закон №1053). В 1978 г. парламент принял новый “Закон о защите перебежчиков”, который с небольшими изменениями действовал до 1993 г. (закон №3156). Оба закона предусматривали весьма разнообразные меры, направленные на помощь перебежчикам. После перехода на Юг перебежчики получали пожизненное денежное пособие по одной из пяти категорий. Принадлежность перебежчика к той или иной категории определялась его заслугами перед новой родиной, то есть зависела от важности предоставленной им разведывательной информации и от его потенциальной пропагандистской ценности. Кроме этого, перебежчикам, доставившим в распоряжение Сеула особо ценные сведения или боевую технику, выплачивалось дополнительное вознаграждение, которое могло быть очень большим. Например, Ли Унь-пхён¹, угнавший в 1983 г. свой МИГ-19, получил вознаграждение в 120 миллионов вон.¹ По тем временам это была астрономическая сумма, что-то около 8 тысяч (!) среднемесячных зарплат! Впрочем, и без таких наград довольствия, регулярно получаемого рядовыми перебежчиками, вполне хватало для безбедной жизни. Государство обеспечивало их неплохими квартирами в Сеуле, которые бесплатно передавались им в собственность, а также помогало желающим поступить на учебу в любой, по их выбору, вуз (немаловажная привилегия в условиях Южной Кореи, где диплом престижного университета практически гарантирует жизненный успех). Военнослужащие при желании могли продолжить службу в армии Республики Корея, причем за ними сохранялось их северокорейское звание. Наконец, в течение некоторого времени после прибытия на Юг полагалась перебежчикам и личная охрана.² Правда, накладывались на перебежчиков и ограничения — в частности, почти полный запрет на выезд за пределы страны (впрочем, и для рядовых южнокорейских граждан выезд за границу был до 1988 г. существенно ограничен).

Ситуация радикально изменилась в начале девяностых годов после краха социалистической системы и развала СССР. С одной стороны, коммунистическая идеология перестала быть серьезной опасностью для Сеула, да и Север, пусть и сохранявший немалый военный потенциал, все больше казался пресловутым “бумажным тигром”. С другой стороны, поток перебежчиков стал

¹ Здесь и далее написание корейских имен дается автором в южнокорейской транскрипции

возрастать — как раз тогда, когда политическая надобность в них если не исчезла, то, во всяком случае, резко снизилась. Снизилось и “социальное качество” перебежчиков: помимо представителей северокорейской элиты, среди них все больше было выходцев из простолюдинов, информационная и пропагандистская ценность которых была невелика. Эти перемены отражали процессы, происходившие в КНДР: снижение эффективности пропаганды, нарастание экономических трудностей, ослабление контроля над населением. Немалую роль сыграли и перемены в Китае, который — пусть и с немалыми оговорками — превратился в перевалочную базу на пути беглецов. Подавляющее большинство перебежчиков в последние годы добиралось до Южной Кореи в два этапа: сначала они пересекают слабо охраняемую границу с Китаем и в течение некоторого времени скрываются в Манчжурии среди местных корейцев, а потом тем или иным путем добираются в Республику Корея (как мы увидим, последний этап путешествия связан с немалыми сложностями и доступен немногим).

Первым признаком перемен стало прибытие в Южную Корею бывших северокорейских лесорубов, работавших на территории российского Дальнего Востока. Некоторые из лесорубов смогли бежать из своих лагерей и тем или иным путем добрались до Южной Кореи, составив в 1994-1995 гг. более трети всех перебежчиков.³ В отличие от своих предшественников, эти люди не отличались образованием и не могли предоставить властям ценной разведывательной информации. В скором времени именно такие люди стали преобладать среди перебежчиков.

Хотя статистика доступна нам не в полном объеме, серьезные изменения в составе перебежчиков очевидны из справки, которая была подготовлена канцелярией премьер-министра по парламентскому запросу в октябре 2000 г. и рассматривала состав северокорейцев, прибывших на Юг в 1996-2000 гг.⁴ Среди них велика доля женщин, которые составляют примерно треть — 34,3%. По своему социальному происхождению 46,3% “новых” перебежчиков — это рабочие и крестьяне, то есть люди, не имеющие высшего (а часто — даже и полного среднего) образования. Еще 34,1% перебежчиков — это учащиеся (в основном школьники) и “лица без определенных занятий” (преимущественно женщины-домохозяйки). Служащие всех видов, в том числе партийные работники и учителя, составляют лишь 9,1% перебежчиков. Еще 6,7% перебежчиков 1996-2000 гг. — это дипломаты и работники заграничных учреждений КНДР, а 3,6% — военнослужащие. Таким образом, среди перебежчиков последних лет доля тех, кого можно считать представителями элиты или даже средних слоев северокорейского общества едва достигает 15-20%. Подавляющее большинство бывших жителей КНДР, прибывших в Республику Корея после 1995 гг. — это выходцы из северокорейских низов.

В изменившихся условиях Сеул не видел ни возможности, ни, главное, необходимости предоставлять перебежчикам прежние привилегии, и Закон 1962/1979 гг. был радикально пересмотрен. Новый Закон №4568 (июнь 1993 г.) и принятый в июле 1997 г. его уточненный вариант — Закон №5259 — предусматривают радикальное сокращение помощи перебежчикам. В частности, отменена система личной охраны, прекращено предоставление в собственность жилья, уменьшены привилегии в области образования и медицинского обеспечения. Резко сокращены и размеры денежных пособий. Времена, когда рядовой перебежчик мог вести вполне обеспеченную жизнь, при этом ничего особо не делая, канули в прошлое. В соответствии с Законом 1993/1997 г., перебежчики по прибытии в Южную Корею имеют право на три вида выплат. Во-первых, государство берет на себя выплату залога (только залога, а не собственно арендной платы!) за аренду жилого помещения общей площадью 7-10 пхён (25-35 кв.м, по нынешним южнокорейским меркам — крайне скромное жилище). Во-вторых, им выплачивается единовременное пособие в размере от

30 до 100 минимальных среднемесячных зарплат (корейский вариант российского МРОТа). Размер пособия, как и раньше, зависит от информационной и пропагандистской ценности перебежчика и в 2000-2001 гг. в среднем составлял 20 миллионов вон (15 тыс. долларов) на человека. Сумма эта сейчас примерно соответствует средней зарплате за год, и при умелом подходе она может стать некоторым подспорьем в новой жизни, но не освобождает человека от необходимости добывать хлеб насущный. В-третьих, как и раньше, особо ценным перебежчикам полагаются специальные премии. Они могут быть весьма значительными. Так, капитан северокорейских ВВС Ли Чхоль-су, угнавший в 1996 г. в Сеул свой МИГ-19, получил вознаграждение в размере 420 миллионов вон (несколько более полумиллиона долларов по тогдашнему курсу).⁵ Бывший секретарь ЦК ТПК Хвань Чань-об получил после своего побега из КНДР заметно меньшую, но все равно значительную сумму — 250 миллионов вон.⁶ Однако эти цифры не слишком типичны: 95% перебежчиков никаких специальных премий не получают вообще, так что для них все ограничивается разовым пособием и помощью с жильем.⁷

Подтверждением радикального изменения политики Сеула в отношении северокорейских беженцев стала ситуация, сложившаяся в последние годы в Северо-Восточном Китае. После 1995 года, когда катастрофические наводнения в Северной Корее вызвали неурожай, за которым последовал голод, значительное количество северокорейцев перешло на территорию КНР (благо, корейско-китайская граница охраняется не в пример слабее 38-й параллели). Оценки их количества в прессе очень разнятся, что связано как с отсутствием надежной статистики, так и с постоянными колебаниями числа беженцев, но ясно, что это число измеряется многими десятками тысяч. По данным наиболее серьезного из известных мне исследований, численность беженцев весной 1999 года составляла от 143 тысяч (минимальная оценка) до 195 тысяч (максимальная оценка) человек.⁸ В своем большинстве беженцы сосредоточены в Манчжурии и зарабатывают себе на жизнь случайными заработками.

На первый взгляд, наиболее логичным решением проблем для многих беженцев была бы миграция в Южную Корею. Однако такие случаи носят единичный, исключительный характер. Вызвано это рядом причин, самой важной (но не единственной) из которых является открытое нежелание Южной Кореи видеть беженцев у себя. Поскольку беженцы находятся на территории КНР нелегально, то выехать в Южную Корею официальным путем, с надлежащим образом оформленными документами, они не могут. В тех случаях, когда беженцу удается каким-то образом установить контакт с южнокорейским посольством или консульством, его встречают там отнюдь не с распростертыми объятиями и, как правило, решительно отказывают в помощи.⁹ Понятно, что подобная осторожная позиция во многом вызвана желанием избежать проблем в отношениях с Китаем, который, во-первых, тщательно оберегает свой нейтралитет во внутрикорейском конфликте, а во-вторых не стремится превращаться в перевалочный пункт для пестрой и небезопасной толпы рвущихся на Юг беженцев. Однако у пассивности Сеула есть и более серьезные причины: ясно, что беженцы — в своей массе малообразованные крестьяне — почти не имеют шансов успешно интегрироваться в южнокорейское общество. Оказавшись в Южной Корее, они, скорее всего, станут дополнительным источником социальных проблем, да и расходов потребуют немалых. Кроме того, в последние годы Юг больше не стремится к полной и окончательной победе над Севером и, соответственно, к его дестабилизации — сохранение статус-кво устраивает Сеул куда больше. Поэтому беженцы, пытающиеся перебраться из Китая в Южную Корею, не находят поддержки у официальных представителей Республики Корея в КНР. До некоторой степени относится это и к странам ЮВА, до которых порой через Китай добираются беглецы,¹⁰ хотя

в большинстве случаев путь через Таиланд или Бирму является наиболее надежным, и посольство в Бангкоке оказывает перебежчикам содействие.¹¹

Исключением являются те немногие беженцы, которые представляют разведывательно-информационную или пропагандистскую ценность. Бывшие высокопоставленные военные, беглые сотрудники спецслужб или партийные работники могут рассчитывать на поддержку со стороны аппарата южнокорейских представительств, которые найдут способ вывезти их из Китая и доставить в Сеул. Легче попасть в Сеул и тем беженцам, которые каким-то образом смогли связаться со своими родственниками в Южной Корее и получить от них необходимое содействие в организации выезда, но таких счастливых немного. Наконец, некоторым удается и просто нелегально добраться до Южной Кореи на китайском корабле (если учитывать строгость пограничного контроля в КНР — непростая задача), а там сдать властям. Столкнувшись с подобной ситуацией, южнокорейские власти волей-неволей принимают самостоятельно проникшего на их территорию перебежчика. Еще одной группой, которая пользуется определенными привилегиями, являются бывшие жители Юга, не по своей воле оказавшиеся на Севере, в основном — военнопленные времен Корейской войны или же рыбаки, захваченные северокорейскими патрульными кораблями. В южнокорейской прессе широко освещаются периодические побегии на Юг бывших солдат и офицеров южнокорейской армии, которые не были возвращены КНДР после подписания перемирия в 1953 г. Впрочем, даже здесь бывают исключения. Можно упомянуть историю с Ли Чэ-гыном, бывшим южнокорейским рыбаком, корабль которого был захвачен ВМФ КНДР в апреле 1970 г. Ли в свое время добровольно согласился остаться в КНДР, но в конце концов был выслан в провинцию и 25 лет проработал на заводе в пров. Ю.Хамгён. В 1998 г. он бежал в Китай, но разрешения Сеула на въезд в Корею ему пришлось ждать целых два года, несмотря на активную поддержку религиозных организаций.¹²

Разумеется, подобная сдержанность по отношению к беженцам не афишируется. Наоборот, время от времени в Сеуле декларируют свое желание помочь находящимся в Китае беженцам из КНДР. Так, в октябре 1999 года тогдашний Министр объединения Лим Тонъ-вон, выступая в южнокорейском парламенте, торжественно провозгласил, что Южная Корея готова принять “всех” беженцев с Севера. Тут же, однако, чиновники Министерства объединения поспешили разъяснить: министр, дескать, в своем заявлении имел в виду “тех беженцев, которые прошли все необходимые иммиграционные процедуры в южнокорейских представительствах за рубежом”.¹³ Понятно, что такое “разъяснение” фактически перечеркнуло само заявление, ибо беженцы из Китая, не имеющие никаких загранпаспортов (а часто — никаких документов вообще) пройти эти самые “необходимые иммиграционные процедуры” никак не могут.

Тем не менее, поток перебежчиков продолжает быстро возрастать. В 1998 г. на Юг перешел 71 бывший житель КНДР, в 1999 г. — 148, а в 2000 г. — 312. Это стало столь обычным явлением, что корейские газеты в последние 1-2 года больше не сообщают о рядовых перебежчиках. Какое-то внимание прессы сейчас привлекают либо групповые побегии, когда на Юг одновременно прибывают по 10-15 бывших жителей КНДР, либо же побегии людей, занимавших на Севере относительно высокое положение или чем-то еще примечательных. Времена, когда любой побег представлял из себя сенсацию, давно прошли, и информацию о рядовых перебежчиках теперь можно найти только в кратких пресс-релизах Национального управления разведки.

По прибытии в Корею перебежчики попадают в распоряжение южнокорейских “компетентных органов” (кор. квангыё кигван), в первую очередь — Национального управления разведки (бывш. южнокорейское ЦРУ) и Министерства объединения. В течение нескольких недель или месяцев их допрашивают, пытаясь выжать из них всю потенциально полезную информацию. В те-

чение этого времени беглецы полностью изолированы от внешнего мира — фактически, они находятся под арестом, хотя и комфортабельным.

После окончания допросов в “компетентных органах” рядовые перебежчики направляются на специальные курсы, цель которых — подготовить их к жизни в Южной Корее. С августа 1999 г. специально созданный учебный центр для перебежчиков действует в Ансоне — уездном городе примерно в 70 км к югу от Сеула (центр известен под сокращенным названием “Ханавон”). Программа центра рассчитана на три месяца и включает в себя 520 учебных часов, из которых примерно половина (268 часов) отводится на изучение особенностей южнокорейской культуры. Остальное время занимают практические занятия: основы компьютерной грамотности, ускоренные водительские курсы, даже основы кулинарии по-южнокорейски (большинство продуктов, которые встречаются на полках сеульских магазинов, северокорейцам неизвестно). На начало марта 2001 г. курсы в Ансоне окончили 248 человек, или примерно четверть всех находящихся в Южной Корее перебежчиков. Лекции в “Ханавоне” читают как штатные преподаватели, так и специально приглашенные профессора сеульских вузов. Однако по признанию большинства выпускников центра, эффективность обучения там оставляет желать лучшего. Преподаватели не могут приспособиться ни к специфическому словарю слушателей, ни к их слишком высокому культурному уровню. Как заметил бывший выпускник центра в разговоре с корреспондентом журнала “Чосон чуган” весной 2001 г.: “Знаменитые профессора читали нам какие-то лекции, но, честно говоря, я совсем ничего не понимал”. Впрочем, выпускники с благодарностью вспоминают занятия по основам компьютерной грамотности (30 часов) и, реже, основам вождения. Печальную известность получили часто происходящие в центре драки учащихся, а также нападения на сотрудников администрации и акты вандализма. Вообще работавшие в центре достаточно единодушно отмечают, что в случае конфликтов перебежчики прибегают к физическому насилию с легкостью, удивляющей мирных южан (обстоятельство, которое, впрочем, не вызывает удивление у автора, имевшего дело и с южанами, и с северянами).¹⁴

После окончания курсов перебежчик получает полагающееся ему единовременное пособие и отбывает на новое место жительства, которое на первых порах определяется властями. В последнее время северян стараются расселять на некотором удалении от столицы, в провинции, что зачастую вызывает у самих перебежчиков, рассчитывавших жить в Сеуле, немалое недовольство.¹⁵ В любом случае, с этого момента бывший гражданин КНДР оказывается предоставлен сам себе. Начинается новая жизнь, которая для большинства оказывается полной трудностей и разочарований.

Большее внимание к проблемам оказавшихся на Юге северян привлек инцидент, произошедший в феврале 1996 г. Главным его героем стал Ким Хён-док, бежавший из Северной Кореи в Китай в октябре 1993 г. После разговора в южнокорейском посольстве в Пекине, которое, как и следовало ожидать, решительно отказало в содействии молодому (ему не было и 20 лет) кандидату в перебежчики, Ким Хён-док отправился во Вьетнам и в сентябре 1994 г. через Гонконг все-таки добрался до Сеула. Там жизнь его складывалась не слишком удачно: выданных в качестве разового пособия денег хватило лишь на крохотную комнатку в Сеуле, а постоянную работу найти никак не удавалось. В феврале 1996 г., полностью разочаровавшись в “новой жизни”, Ким Хён-док вместе со своим старшим другом предпринял неудачную попытку побега — на этот раз уже из Южной Кореи, но был арестован и некоторое время провел в тюрьме. Инцидент этот привлек широкое внимание корейской прессы — пожалуй, это был первый повод для того, чтобы всерьез задуматься о проблемах культурной адаптации северокорейских беженцев, количество которых как раз тогда стало быстро расти. В 2001 г., размышляя о причинах своей неудавшейся попытки к бегству, Ким Хён-док, который к то-

му времени окончил университет и стал сотрудником аппарата парламента, сказал: "Разочарование было большим. В первую очередь, было трудно выносить общественную атмосферу, в которой человека оценивают только по его деньгам".¹⁶ В другом интервью повзрослевший (28 лет) Ким Хён-док заметил: "Я больше не буду убегать никуда. Утопии нет нигде".¹⁷ Увы, осознание этого очевидного факта проходит для большинства перебежчиков весьма болезненно.

С редким единодушием и сами перебежчики, и работавшие с ними специалисты отмечают одну любопытную закономерность: чем более высокое общественное положение занимал человек в КНДР, тем, как правило, больше у него шансов на успех на Юге.¹⁸ Бывшие северокорейские дипломаты, чиновники, офицеры, как правило, смогли приспособиться к реальностям южнокорейского общества и занять в нем неплохое положение. С другой стороны, бывшие лесорубы, крестьяне или рыбаки и в Южной Корее оказываются на низших ступенях общественной лестницы: как правило, им не удается получить образование (обычно они и не пытаются этого сделать), а их адаптация к новым условиям протекает с большим трудом. Именно с выходцами из северокорейской элиты связаны почти все примеры удачных карьер перебежчиков. Ли Чонъ-гук, бывший повар элитарного пхеньянского ресторана "Чхонрюгван" (по статусу — нечто вроде "Метрополя" в Москве советских времен) создал в Южной Корее сеть ресторанов.¹⁹ Син Ёнь-хи, бывшая танцовщица ведущей северокорейской танцевальной труппы "Мансудэ", на Юге стала актрисой, с некоторым успехом играющей в телесериалах.²⁰ Ее муж Чхве Се-ёнъ, сын заведующего финансовым отделом ЦК ТПК, руководит собственной фирмой, которая занята валютными операциями.²¹ Даже Ё Ман-чхоль, бывший капитан Министерства общественной безопасности (северокорейской полиции) смог открыть небольшой ресторан в Сеуле (вообще общепит по каким-то причинам пользуется особой популярностью среди перебежчиков, многие из которых заняты в этом бизнесе).²² Список преуспевших перебежчиков из числа представителей элиты можно продолжать и продолжать. Некоторым удалось устроиться в исследовательские центры, занимающиеся проблемами Севера, но эта — в целом неплохо оплачиваемая — работа доступна только образованным перебежчикам. Например, Чанъ Хэ-сонъ, который в свою бытность на Севере специализировался на радиопьесах о страданиях южнокорейского народа под гнетом американских империалистов и их марионеток, ныне работает в Институте политики объединения и продолжает свою литературную деятельность, переключившись теперь на северокорейские темы.²³ Многие северокорейские военные продолжили службу в южнокорейской армии, главным образом — в органах разведки или спецпропаганды. Например, упоминавшийся выше летчик-истребитель Ли Унь-пхёнъ, который в 1983 г. угнал в Сеул свой МИГ-19, стал полковником и преподавателем военной академии.²⁴

Большинство бывших северокорейских студентов воспользовалось своим правом на льготное поступление в вузы и после их окончания также устроилось относительно неплохо. Так, недавно журнал "Чосон вольган" проследил судьбы 11 северокорейских студентов, которые в 1989-1990 гг. учились в СССР и странах Восточной Европы и оттуда перешли в Южную Корею. Кем они стали после 10 лет жизни на Юге? Среди них сейчас есть два директора ресторанов, владелец ресторанной сети, сотрудник корпорации LG, писатель, зубной врач и два предпринимателя-программиста (вместе управляют успешной компанией, действующей преимущественно на американском рынке). Трое из 11 постоянно живут за пределами Кореи: два человека торгуют автомобилями в СНГ, а один владеет фирмой в Польше.²⁵ Еще один (хорошо известный российской колонии в Сеуле талантливый программист и предприниматель Ким Чи-иль) также фактически постоянно живет в Америке, бывая в Корее лишь наездами.²⁶

Однако все эти примеры относятся только к представителям северо-корейской политической и интеллектуальной элиты, доля которых в общей массе перебежчиков теперь невелика и, как мы уже говорили, снижается. В своем большинстве перебежчики отнюдь не преуспевают материально — наоборот, большинство из них живет в бедности. По данным корейских социологов, в 2000 г. из 924 обследованных перебежчиков 55,8% (больше половины!) были безработными — и это в стране, где уровень безработицы составил лишь 4%! 16,5% работали по найму в фирмах, 9,1% были независимыми предпринимателями, и 1,7% работали в научно-исследовательских центрах и вузах. Остальные были нетрудоспособны по возрасту или по состоянию здоровья.²⁷ Неудивительно, что и доходы перебежчиков очень невелики. В начале 2001 г. среднемесячный доход среди них составлял 960 тысяч вон (770\$) на семью.²⁸ Для сравнения: по данным Национального управления статистики, среднемесячный доход южнокорейской городской семьи в первом квартале 2001 г. составил 2 миллиона 560 тысяч вон (2000\$).²⁹ Таким образом, средний доход семей перебежчиков был почти в три раза ниже дохода средней южнокорейской городской семьи — огромный разрыв, особенно если принимать во внимание довольно эгалитарный характер южнокорейского общества, где различие между бедностью и богатством не слишком велико. Не удивительно, что в ходе опроса 82,9% семей перебежчиков заявили, что “сильно не удовлетворены” своими доходами.³⁰

Впрочем, материальные трудности перебежчиков не следует и преувеличивать. Речь идет о бедности относительной, по сравнению с окружающими, но никак не абсолютной. В абсолютных показателях перебежчики — даже самые неудачливые из них — живут заметно лучше, чем жили бы на Севере. Относится это даже к тем, кто по северо-корейским меркам входил в состав элиты. На часто задаваемый перебежчиком из пхеньянской верхушки вопрос “А почему Вы, будучи выходцем их привилегированных слоев Севера, перешли на Юг?”, Чо Сынъ-гун ответил “Если бы я бы сыном Ким Ир Сена, то действительно не знаю, бежал ли бы я в Южную Корею. Однако если говорить о тех, кто ниже такого уровня, то даже северо-корейский министр или зам.министра живут хуже простого южнокорейца”.³¹ Основные проблемы бывших северян связаны не с абсолютной, а с относительной бедностью, с контрастом между преувеличенными ожиданиями и реальностью, а также с трудностями психологического характера.

Одной из главных психологических проблем, с которыми приходится иметь дело перебежчику, остается беспокойство за оставшихся на Севере родных. Хотя надежных сведений о судьбах семей перебежчиков нет, не остается сомнений, что побег ведет к серьезным репрессиям. Беспокойство за семью и чувство вины перед ней характерно для большинства беглецов. Как пишет корреспондент журнала “Тонъя чуган”: “Перебежчики, которые покинули Север тайно, без ведома большинства членов семьи, испытывают серьезные психологические трудности из-за чувства вины перед семьей и проблем адаптации к южнокорейскому обществу”.³² Многие стремятся организовать побег своих родных и близких, и некоторым это удается. Сейчас, когда для граждан Южной Кореи въезд в Китай стал практически свободным, и когда граница КНДР и КНР ежедневно пересекается сотнями беженцев, организация подобного побега с помощью посредников вполне реальна, хотя и требует немалых денег и усилий. В декабре 2000 г. южнокорейская полиция раскрыла целую организацию, специализирующуюся на вывозе родственников беглецов. За организацию побега эти посредники просили от 10 миллионов вон (от 8 тыс. долларов). На эти деньги они изготавливали поддельные паспорта и иные документы, а также давали взятки китайским чиновникам. Группа успела вывести из Манчжурии в Южную Корею 11 граждан КНДР, которые были освобождены от ответственности.³³ Другая организация, также занимающаяся изготовлени-

ем фальшивых документов (не только для беглецов из КНДР, но и для других желающих нелегально проникнуть в Южную Корею) была раскрыта полицией в апреле 2001 г.³⁴ Нет сомнений, что существуют и иные подобные группы: если есть спрос, будет и предложение. По словам перебежчиков, более трети из которых пытаются вывезти в Южную Корею свои семьи, нелегальная доставка северокорейца из Китая кораблем стоит около 5 млн. вон, самолетом — в 2-3 раза дороже.³⁵

Не оставляет перебежчиков и страх за свою собственную жизнь. По данным проведенного в 1999 г. исследования, 65% их них боятся стать жертвой покушения.³⁶ В действительности эти страхи, скорее всего, сильно преувеличены. Пока достоверно известен только один случай убийства перебежчика северокорейскими агентами — причем случай весьма специфический. В феврале 1997 г. в Сеуле был убит Ли Хан-ёнъ, племянник первой жены Ким Чен Ира, который бежал на Юг еще в 1982 г. Судя по всему, этот акт был направлен на устрашение другого перебежчика из рядов правящего клана — бывшего секретаря ЦК ТПК Хванъ Чан-оба, который незадолго до этого отказался возвращаться в Пхеньян и укрылся в Южной Корее. Нельзя исключать, что были и другие покушения, которые по тем или иным причинам было решено не предавать огласке, но в любом случае вероятность пасть от пули северокорейского киллера для большинства перебежчиков пренебрежимо мала (лихие сеульские водители представляют из себя куда большую угрозу). Однако страхи, пусть и необоснованные, иррациональные, существуют и не могут не влиять на жизнь перебежчиков.

Испытывают северяне и языковые проблемы. Само по себе различие между северным и южным вариантами корейского литературного языка невелико, однако северяне сбивают с толку два обстоятельства, обычные для современной южнокорейской языковой практики: широкое употребление английских заимствований (часто в оригинальном латинском написании) и эпизодическое использование иероглифической письменности. В особой степени это относится к специальным текстам и всяческой технической документации, в которой и английские заимствования, и иероглифические написания встречаются очень часто. Хотя на Севере основы иероглифики и входят в школьную программу, но преподается этот предмет крайне поверхностно, и на практике иероглифы в КНДР не используется, так что подавляющее большинство северян владеет только алфавитной формой корейского письма.³⁷ Преподавание английского также поставлено в Северной Корее не лучшим образом — особенно по сравнению с Югом.

Дети перебежчиков испытывают немалые проблемы в школе. Работающие с ними добровольцы из числа южнокорейских студентов говорят по этому поводу: "Поначалу они (дети северян-А.Л.) понимают не более 50% урока, структура контрольных и содержание учебников для них непривычны, поэтому первые оценки вызывают большое разочарование. Трудности вызывает и то обстоятельство, что во время побега они пропустили от одного до трех лет учебы и не могут заниматься со сверстниками, а вынуждены учиться вместе с детьми младшего возраста".³⁸ Во время опроса детей перебежчиков, который был проведен летом 1999 г., 34% школьников оценили свои отношения с одноклассниками как "плохие".³⁹

Однако главные проблемы — это психологические или, скорее, социально-психологические. По понятным причинам, перебежчики менее откровенны в своих интервью с представителями южнокорейской прессы, чем, скажем, в беседах с автором этих строк, но общая картина хорошо ощущается и из опубликованных материалов. Даже человек с образованием и немалым жизненным опытом, оказавшись в совершенно чуждом ему обществе, неизбежно теряет. Первые сложности вызваны неизвестными традициями, странным укладом жизни. Привыкание к внешней стороне рано или поздно, но происхо-

дит, и тогда на первый план выступают иные отличия. Северянин быстро обнаруживает, что стиль отношений в южнокорейском обществе во многом отличается от того, к которому он привык. Южнокорейский левый журналист отмечает: “Северокорейцы, не привыкшие к капитализму, удивлены индивидуалистическим стилем отношений между жителями Юга”.⁴⁰ Действительно, автору не раз приходилось слышать от живущих на Юге северян, что южане “эгоцентричны”, “корыстны”, “холодны”, и, главное, “высокомерны к бедным и неудачливым” — а именно бедными и неудачливыми не без оснований ощущает себя большинство перебежчиков. Как сказал по этому поводу один из самых, казалось бы, удачливых беглецы (владелец большой сети ресторанов) Чон Чхоль-у: “Север живет бедно. Но насколько он беден, настолько же и внимательны его люди друг к другу. Там нет здешнего бессердечия [...] Здесь общество, в котором все решают деньги”.⁴¹ Некоторые интервью настолько критичны, что их переиздают на Севере для использования в качестве пропагандистских материалов (разумеется, несколько отредактировав).⁴²

В последние годы беженцы все активнее вовлекаются в преступную деятельность. Так, в 1996 г. сенсацию в корейской прессе вызвал побег на Юг Чонъ Сун-ёнъ, дальней родственницы основателя концерна “Хёндэ”, и ее двух детей. Встретили их с редкостной помпой, но летом 2000 г. у этой истории появился неожиданный эпилог: сын Чонъ Сун-ёнъ был осужден за вторичную кражу мотоцикла и вовлечение малолетних в проституцию, а сама она — за мошенничество.⁴³ На начало 1999 г. было зарегистрировано 66 преступлений, совершенных выходцами из Северной Кореи, причем большинство правонарушений совершили те, кто прибыл на Юг в течение последнего десятилетия. 414 перебежчиков 1953-1990 гг. совершили за все время своего пребывания в Южной Корее 23 преступления, в то время как 308 перебежчиков 1990-1998 гг. за куда более краткий срок совершили 43 преступления.⁴⁴ Эта статистика, как представляется, может быть объяснена двумя связанными друг с другом обстоятельствами; резким снижением финансовой помощи перебежчикам после 1993 г. и существенным изменением их социального состава.

Как уже говорилось неоднократно, перебежчики представляют из себя ничтожную в статистическом отношении группу. Однако опыт их ассимиляции на Юге исключительно важен для будущего Корейского полуострова. Какие же выводы можно сделать из событий последних лет? Не претендуя на точность прогнозов, мы все-таки решимся подвести некоторые итоги и сделать некоторые предсказания относительно дальнейших судеб миграции между Югом и Севером.

Притягательность Юга для жителей Севера, скорее всего, сохранится надолго. Разрыв в уровне жизни между Севером и Югом огромен, ВВП на душу населения равняется 10 тыс. долларов на Юге и 500 дол. на Севере. Даже при самых благоприятных сценариях развития ситуации на Корейском полуострове ликвидация этого разрыва займет не одно десятилетие. Огромная разница в уровне жизни сама по себе, вне зависимости от политических и культурных факторов (тоже достаточно важных), делает Южную Корею исключительно притягательной для северян. В настоящее время, однако, приток беженцев относительно невелик — несколько сотен человек в год. Массовым миграциям пока препятствует несколько обстоятельств. Во-первых, власти КНДР, которые сейчас довольно терпимо относятся к побегам своих голодных подданных в Китай, по-прежнему рассматривают побег в Южную Корею как тяжкое политическое преступление, 38-я параллель тщательно охраняется, а семьи перебежчиков ждет суровое наказание. Во-вторых, власти Республики Корея, несмотря на все свои официальные декларации, в последние годы не слишком-то стремятся принимать у себя северокорейских беженцев и фактически препятствуют их проникновению в страну. В-третьих, уже много десятилетий Пхеньян проводит эффективную политику информационной самоизо-

ляции, лишая свое население доступа к зарубежной информации и, в особенности, к информации о Южной Корее. В результате лишь сравнительно небольшая часть жителей КНДР имеет адекватное представление о том, насколько велик разрыв в уровне жизни между Севером и Югом.

В ближайшем будущем поток перебежчиков, скорее всего, будет нарастать. В силу острого экономического и финансового кризиса власти КНДР вынуждены были существенно ослабить контроль над населением. Вдобавок, информация о реальном положении дел в Южной Корее продолжает постепенно распространяться в КНДР. С другой стороны, власти Сеула едва ли пойдут на то, чтобы выдавать тех перебежчиков, которым так или иначе удалось добраться до территории Южной Кореи. Прямой отказ от приема попавших в Южную Корею бывших граждан КНДР означал бы разрыв с едва ли не важнейшей составной частью официальной южнокорейской государственной мифологии — с претензией Сеула на роль законного правительства всей Кореи. Вдобавок, подобный отказ вызвал бы резкие протесты со стороны южнокорейских общественных организаций всех направлений — от левонационалистических до традиционно-антикоммунистических. С другой стороны, возможно и даже вероятно дальнейшее сокращение всяческих льгот и пособий рядовым перебежчикам (вплоть до полной их отмены).

Нельзя исключать, что в ближайшие годы могут произойти радикальные изменения ситуации в Корее. Ясно, например, что серьезные реформы в КНДР, по крайней мере на первых порах, приведут к дальнейшему увеличению числа перебежчиков. Нельзя исключать и обострения кризиса в КНДР, который может закончиться крахом нынешней системы и, возможно, (но не обязательно) последующим объединением страны по германскому образцу. Этот вариант означает еще более резкий рост числа перебежчиков. Наконец, даже при сохранении нынешних «темпов роста» ежегодное удвоение количества беженцев через несколько лет приведет к тому, что «северокорейская община» на Юге превратится в заметный фактор социальной, экономической и политической жизни. Вероятнее всего, не за горами времена, когда количество бывших северян на Юге будет измеряться десятками тысяч.

Судя по всему, для большинства переселенцев с Севера приспособление к новому стилю жизни будет непростым. Проблемами станут незнание английского и иероглифики, неумение обращаться с южнокорейским оборудованием любого вида, отсутствие требуемого в условиях Юга образования и, особенно, культурно-психологическое отчуждение от «местных». Практически это означает, что подавляющее большинство бывших жителей КНДР может на Юге рассчитывать только на самую неквалифицированную и, соответственно, плохо оплачиваемую работу. Главным конкурентным преимуществом северян (поскольку речь идет о неквалифицированном физическом труде) является, конечно, низкий уровень потребностей и готовность работать за минимальную и неприемлемую для большинства южан зарплату. В этом отношении северяне, если они начнут появляться на Юге в заметных количествах, вполне готовы занять ту «социальную нишу», которая в настоящий момент принадлежит многочисленным «гастарбайтерам» — иностранным рабочим из Китая, государств Южной и Юго-Восточной Азии. В конце 2000 г. в Южной Корее находилось не менее 260 тысяч таких рабочих.⁴⁵ По-видимому, практически все они могут при необходимости быть заменены северокорейскими иммигрантами, так как представители южнокорейских низов крайне неохотно идут на выполняемые иностранцами работы «3D» (Difficult, Dirty, Dangerous — «тяжелые, грязные, опасные»).

Однако непонятно, до какой степени согласятся северокорейцы на те «правила игры», которые приняты сейчас иностранными рабочими. «Гастарбайтеры» из Китая и ЮВА изолированы от южнокорейского общества и воспринимают свое пребывание в Корее как временное, их главная цель — тяже-

лым трудом заработать побольше денег и через несколько лет вернуться на родину, где их скромные по корейским меркам сбережения часто превращаются в настоящие состояния. С этим, а также и с крайней шаткостью их юридического положения (большинство "гастарбайтеров" находится в Южной Корее нелегально), связана нынешняя "покладистость" иностранных рабочих, отсутствие забастовок и иных серьезных конфликтов. Они — люди чужие и временные, они знают, на что идут, и не без оснований надеются, что после нескольких лет тяжелого труда их ждет достаток и уважение дома. Положение северокорейских мигрантов будет совсем иным...

С другой ситуацией, скорее всего, столкнутся представители северококорейской элиты — как верхушки номенклатуры, так и определенных секторов интеллигенции. Нынешний немалый спрос на их услуги в Южной Корее связан с тем, что они могут выступать в качестве интерпретаторов северокорейских событий, а также во многом определяется интересом к "северокорейской экзотике". В случае массового притока выходцев из северокорейской верхушки на Юг шансов найти приличное место у них, скорее всего, будет гораздо меньше, чем сейчас. Многим северокорейским инженерам, учителям, врачам, если они смогут и захотят мигрировать на Юг, придется осваивать специальности посудомойки, грузчика и чистильщика сапог. Однако и после окончания нынешнего "повышенного спроса" на северокорейскую тематику у многих представителей северокорейской элиты в силу их лучшего образования и связей будут шансы успешно приспособиться к новым условиям. Наиболее удачливые из них, скорее всего, и далее будут играть роль своеобразных "компрадоров" — посредников и консультантов, обеспечивающих взаимодействие между экономической и политической верхушкой Юга и Северной Кореей (вне зависимости от того, будет ли та представлять из себя независимое государство или нет). Как показывает опыт перебежчиков, культурные и социально-психологические различия между двумя корейскими обществами настолько велики, что потребность в таких консультантах и посредниках, скорее всего, сохранится на многие годы.

В любом случае, при любом повороте событий, "северокорейская община" в ближайшие десятилетия будет расти и неизбежно превратится в важный фактор жизни Республики Корея.

1. Чосон ильбо. 1996. 24 мая.
2. Подробный обзор истории южнокорейской законодательной практики по этому вопросу см.: Со Тонъ-ик. Тхальбук квисунтонъпхо оттокхе чхорихаёя хана. (Как следует принимать бежавших с Севера соотечественников?) // "Пухан. 1996. №5. Сс.50-57.
3. Korea Times. August 1, 1995; September 24, 1995; Januarj 16, 1991.
4. Изложение справки см.: Сегиё ильбо. 2000. 23 октября. С.2.
5. Мунхва ильбо, 1997. 27 января. С.31.
6. Мунхва ильбо, 1997. 1 октября С.2.
7. Ким Тонъ-бо. Тхальбукчжы-дыль-ый чокынъ-ыль вихан минганчхавон-ый тэчхэк (Политика неправительственных организаций по адаптации перебежчиков). Тхальбукча-ый сальм". Сеул //Орым. 1996, С.71.
8. Туманганъ-ыль конноон сарамдыль. Сеул //Чонъдо чхульпхан. 1999. С.27.
9. К чести южнокорейских дипломатов надо отметить, что из этого правила иногда бывают и исключения. Так, Пэк Ханъ-мок (псевдоним), добравшись до южнокорейского консульства в Шанхае, получила от его сотрудников 500 юаней и карту китайско-бирманской границы, которая немало помогла ей в дальнейших странствиях по ЮВА. См.: Ким Ён-сам. Моксум кон тхальбук ачдикдо кёусоктвего итта (Опасный побег из Северной Кореи еще продолжается) //Чосон Чуган. 2001. 22 марта. №1646.

10. Ежедневник "News+" в январе 1999 г. опубликовал интервью с северокорейским беженцем, который, получив категорический отказ в посольстве РК в КНР, нелегально перешел корейско-лаосскую и лаосско-тайландскую границы и добрался до Бангкока. Однако и там никто из южнокорейских представителей не согласился помочь ему. См.: Ким Хва-сонъ. Хангук тосогван Соульхэнь антовачуво. (Корейское посольство не помогает с выездом в Сеул) // "News +". 7 Januarj 1999. №166.
11. По словам Ли Донъ-сопа, который сам добрался в Южную Корею через Китай, Бирму и Таиланд, "бирманским вариантом" к началу 2001 г. воспользовалось не менее 30 человек (Ким Ён-сам. Моксум кон тхальбук ачжикдо кёсоктвего итта (Опасный побег из Северной Кореи еще продолжается) //- Чосон Чуган, 2001. 22 марта. №1646).
12. Ким Хён-ми. Моксум кон тхальбук. (Опасный побег из Северной Кореи) //Тонъа чуган", 2000. 15 июня. №238.
13. Korea Times. October18, 1999. В этом номере газеты содержатся две статьи: одна сообщает о заявлении министра объединения, а другая - о фактическом дезавуировании этого заявления подчиненными министра.
14. Подробный критический разбор деятельности центра и его нынешних проблем см.: Ким Ёнъ-сам. Тхальбукчжа чонъчхак кёюк.(Обучение перебежчиков с Севера после их прибытия) //Чосон Чуган. 2001. 1 марта. №1643. Менее детальный, но также весьма критический разбор см.: "Ханавон: тхальбукчжа кёюк 'ханамани'.(Ханавон: трата средств на образование перебежчиков) //Тонъа чуган. 2000. 14 декабря. №263). К неутешительным выводам о нынешней ситуации в центре (низкая эффективность большинства занятий, недостаточная "пропускная способность") пришел и депутат парламента от Демократической партии Ким Сонъ-хо, который специально посетил центр весной 2001 г. //Хангере синмун. 2001. 14 мая. С.4. Ким Сонъ-хо вообще активно занимается проблемами перебежчиков, постоянно поднимая их в парламенте и иных государственных учреждениях.
15. Именно проблемы с расселением в провинции стали причиной столкновения в ансонском "Ханавоне", сотрудникам которого в итоге пришлось обратиться за помощью в полицию. Ким Ёнъ-сам. Тхальбукчжа чонъчхак кёюк.(Обучение перебежчиков с Севера после их прибытия) // -Чосон Чуган. 2001. 1 марта. №1643). Об этом же инциденте и дальнейшей судьбе главного "возмутителя спокойствия" Ли Донъ-сопа см.: Ким Ён-сам-. Моксум кон тхальбук ачжикдо кёсоктвего итта (Опасный побег из Северной Кореи еще продолжается) //Чосон Чуган. 2001. 22 марта. №1646. Возможно, стремление перебежчиков жить обязательно в Сеуле связано с влиянием северокорейских реалий - в КНДР Пхеньян находится на совершенно особом положении, и право жить там является важной и ценимой привилегией.
16. Пак Пёнъ-су. Тхальбуктэхаксэнъ кукхве-ро касста (Бежавший с Севера студент работает в парламенте) //Хангере 21. 2001. 3 апреля. №353.
17. Кёнъхьянь синмун. 2001. 9 апреля. С.29.
18. Трудно перечислить все публикации, в которых констатируется этот факт - настолько они многочисленны. См., например: Пак Сонъ-вон. Тхальбукчжа 65% синбён вихёп ныккинда (65% перебежчиков чувствуют физическую угрозу). //Син Тонъа. 1999. №11; Хангере синмун. 1999. 11 октября. С. 17.
19. Сегйе ильбо. 2000.12 мая. С.31.
20. Сегйе ильбо. 2000. 31 марта. С.16.
21. Хангук ильбо. 2001. 3 февраля. С.7.
22. Сегуе ильбо. 2000. 18 февраля. С.16.
23. Сегйе ильбо. 2000. 25 апреля. С.16.
24. Сегйе ильбо. 2000. 24 декабря. С.16.
25. Сон Чи-ён. Тонъгу конъсанъ гвон понъгвеси 11 мёнъ-ый пукхан юхаксэнъю кы ху 10 нён (11 северокорейских студентов, прибывших на Юг во время краха восточноевропейского коммунизма: 10 лет спустя) -//Чосон вольган. 2000. №1.
26. Так как автор этих строк лично знает большинство студентов, о которых идет речь, их явное стремление жить за границей его не удивляет. Они не раз говорили мне о том, что они не слишком комфортно чувствуют себя в южнокорейском обществе с его ограничениями, жесткой иерархией и групповщиной. Им, людям талантливым и незаурядным, не просто смириться с положением рядового корейского "сэлэримэна" и его достаточно рутинным существованием.

27. Хангук ильбо. 2001. 2 июня. С.26. Есть и другие данные о доле безработных среди перебежчиков - в сентябре 2000 г. Министерство объединения оценило долю безработных среди перебежчиков заметно ниже - в 27% (Сегье ильбо. 2000. 8 ноября. С.2). Разница эта может быть объяснена тем, что в исследовании социологов "безработными" считались те, кто не имел постоянной работы, и само исследование отмечает, что около половины безработных в действительности заняты на поденных или иных временных работах. По-видимому, в статистике Министерства объединения эти люди не считаются "безработными" - отсюда и разница.
28. Мунхва ильбо. 2001. 16 июня. С.22.
29. Сегье ильбо. 2001. 1 июня. С.14.
30. Мунхва ильбо. 2001. 16 июня. С.22.
31. Сон Чи-ён. Тонъгу конъсанъ гвон понъгвеси 11 мёнъ-ый пукхан юхаксэнъю кы ху 10 нён. (11 северокорейских студентов, прибывших на Юг во время краха восточно-европейского коммунизма: 10 лет спустя) // Чосон вольган. 2000. №1.
32. Сонъ Ки-мёнъ. Ветхури тхальбукчжа-дыль-ый хомнанхан чокынъ. (Тяжелая адаптация перебежчиков) // Тонъа чуган. 1999. 14 октября. №204.
33. Кёнъханъ синмун. 2001. 5 января. С.19.
34. Чунъанъ ильбо. 2001. 21 апреля. С.31.
35. Ким Ён-сам. Моксум кон тхальбук ачжикдо кёсоктвего итта (Опасный побег из Северной Кореи еще продолжается) // Чосон Чуган. 2001. 22 марта. №1646.
36. Пак Сонъ-вон. Тхальбукчжа 65% синбён вихёп ныккинда (65% перебежчиков чувствуют физическую угрозу) // Син Тонъа. 1999. №11.
37. Соответствующие жалобы северян являются почти что общим местом в их интервью. См., например: Мунхва ильбо. 1997. 21 января. С.5 (перебежчик жалуется на неспособность понять вывески и объявления); Хангук ильбо. 1997. 20 февраля. С.18 (перебежчица жалуется на то, что не может даже прочесть имени на визитной карточке - имена обычно пишутся иероглифами); Сегье ильбо. 1998. 22 октября. С.22 (перебежчик считает проблемы с английскими и заимствованиями и иероглификой главным препятствием в привыкании к новой жизни); Тэхан мэиль. 2001. 3 мая. Список этот можно легко продолжить.
38. Ли Мён-хва. Кочханъхан тхонъиль ирон пода чакын сильчхон чунъё. (Малые реальные дела важнее больших разговоров о теории объединения) // "Чосон Чуган. 2001. 28 июня. №1659
39. Сегье ильбо. 2000. 30 июня. С.16.
40. Хангере синмун. 2000. 23 августа. С.3.
41. Тонъа ильбо. 1999. 24 ноября. С.5.
42. Так, в КНДР специальной брошюрой была переиздана статья о проблемах перебежчиков из декабрьского (1995) номера "Син Тонъа" (См: Кукмин ильбо. 1999. 28 июня. С.5)
43. Сегье ильбо. 2000. 30 июня. С.21.
44. Пак Сонъ-вон. Тхальбукчжа 65% синбён вихёп ныккинда (65% перебежчиков чувствуют физическую угрозу) // Син Тонъа. 1999. №11.
45. Korea Herald. 17November, 2000.

Социальная поддержка пожилых людей в современном Китае

© 2002

Я. Бергер

(Окончание. Начало в ПДВ № 1, 2002)

3. Семейная поддержка пожилых людей в городе.

Пенсионная реформа в городе стимулируется также изменениями, происходящими на уровне семьи. Тысячелетиями одним из важнейших устоев китайского общества была передававшаяся из поколения в поколение традиция семейной поддержки родителей детьми.

Выдающийся китайский социолог Пань Гуандань, проводя социологическое исследование в 20-х годах прошлого века, ставил своей целью выяснить отношение китайского общества к традиционной большой семье и к семье малой, европейско-американского типа, а также к семейной поддержке пожилых людей. В полученных им ответах большинство респондентов высказалось как против сохранения в неизменном виде большой семьи, так и против безусловного заимствования у Запада семьи малой, одобрив семейную поддержку пожилых и при совместном, и при раздельном проживании.¹

Урбанизация общества и нуклеаризация семьи — неизбежные спутники экономического развития подтачивают традицию. Индустриализация стимулирует вертикальную и горизонтальную мобильность населения, что в свою очередь нередко территориально разделяет родителей и взрослых детей, затрудняет межпоколенческие связи и соответственно ослабляет семейную поддержку пожилых. Состоящая из нескольких поколений большая семья постепенно отступает на задний план — сначала в городе, а потом и в деревне. Пожилые люди все чаще живут отдельно от детей. Такова общемировая тенденция.

И все же социо-культурные феномены, включая и семейные связи пожилых людей, не находятся в прямой зависимости от экономического развития. В значительно большей мере они регулируются целенаправленной политикой государства. Семейная поддержка пожилых далеко еще не утратила свое значение во многих странах мира и региона Восточной и Юго-Восточной

Бергер Яков Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

Азии, не исключая и Китай. Напротив, судя по всему, она еще надолго останется важным источником их жизнеобеспечения — и в материальном плане, и особенно в отношении повседневного ухода.

Это обстоятельство хорошо иллюстрируется сравнительным анализом ситуации в четырех странах и районах Восточной и Юго-Восточной Азии, проведенным группой исследователей, в составе которой работали демографы из Мичиганского университета и Нанкинского института управления народонаселением². По их данным, в таких высоко развитых странах и районах, как Сингапур, Тайвань, Япония, совместно с детьми проживают свыше 70% пожилых людей, а в Сингапуре — 85%. Но примерно та же ситуация характерна и для значительно менее развитых стран — Вьетнам (73,7%), Таиланд (71%), Филиппины (77%). В этом же ряду находится и Китай.

Согласно данным выборочного социологического исследования, проведенного в конце декабря 1986 г. и охватившего 1 промилле пожилого населения Пекина, Шанхая, провинций Хубэй, Цзилинь и Ляонин, доля пожилых людей, проживающих совместно со своими супругами, составляет 22,5%, с супругами и состоящими в браке детьми — 31,5%, с супругами и не состоящими в браке детьми — 14,8%, с женатыми сыновьями — 10,7%, с замужними дочерьми — 4%, с не состоящими в браке детьми — 3,6%, проживающих отдельно — 7%, меняющих поочередно место проживания — 0,4%³. Итого удельный вес пожилых людей, в той или иной степени пользующихся семейной поддержкой, составляет 94,5%, тогда как в различных видах домов для престарелых (“янлаоюань”, “фулиюань”, “цзинлаоюань”) проживает всего 5,5%. По данным выборочного исследования, проведенного в августе-сентябре 1996 г. в Пекине, доля пожилых людей, проживающих вместе с детьми, составляет не менее 75%. Результаты исследований, проведенных в Пекине и Тяньцзине, близки к приведенным выше: около трех четвертей пожилых людей живут совместно со своими детьми.

В Тяньцзиньском опросе от августа 1997 г. на вопрос о том, от кого они ожидают помощи в случае болезни или угасания физических сил, 94,3% респондентов ответили: “от членов семьи”, 10,4% — “от уличных и домовых комитетов” (при выборе из двух вариантов ответа). На вопрос о том, кто лучше всего мог бы о них заботиться, 92,9% выбрали супругов и состоящих в браке детей.

Прежде совместное проживание родителей с взрослыми и создавшим свою семью детьми было нередко вынужденным — из-за серьезной нехватки жилья многие новобрачные не могли себе позволить жить отдельно от родителей. С реформой жилищной системы стало развиваться жилищное строительство. Жилая площадь в расчете на душу городского населения увеличилась с 3,6 кв. м в 1978 г. до 8,8 кв.м в 1997 г. Это обстоятельство существенно расширило для молодых семей возможности расселения и большего или меньшего удаления от мест первоначального проживания. Тем не менее, как показывают факты, процесс этот проходит пока в очень еще ограниченных территориальных рамках. 95% пожилых горожан живут в одном городе со своими детьми, и 90% пожилых крестьян живут в той же деревне, что и их дети. Таким образом, территориальная разобщенность никак не препятствует семейной заботе о пожилых. Эта ситуация, скорее всего, в основном сохранится и в обозримом будущем. Тем более, что обязанность семьи, ее членов и в первую очередь — детей заботиться о пожилых людях закреплена в Китае законодательно (“Закон КНР об обеспечении прав пожилых”).

Таблица 9

**Территориальная отдаленность проживания родителей
и взрослых детей в Китае (%)**

Возраст	Город			Деревня		
	Та же улица	Тот же район	Тот же город	Та же деревня	Та же волость	Тот же уезд
<i>Мужчины</i>						
60-64	46,45	74,19	96,26	92,76	96,12	98,97
65-69	44,79	73,84	96,99	93,10	95,66	98,47
70-74	43,09	69,72	97,56	91,89	94,73	97,57
75-79	39,80	68,71	95,92	90,23	93,61	98,12
80-84	40,83	71,67	94,17	86,60	90,72	94,85
85+	36,59	70,73	97,56	87,50	90,63	100,00
Итого	44,05	72,35	96,62	92,10	95,13	98,28
<i>Женщины</i>						
60-64	45,05	74,07	96,70	93,83	96,52	98,54
65-69	45,32	72,66	97,55	94,26	96,08	98,32
70-74	43,17	69,93	96,68	92,83	95,00	98,70
75-79	39,10	67,29	92,11	88,38	95,00	98,70
80-84	43,48	71,30	94,78	88,60	93,86	97,37
85+	45,16	54,84	100,00	86,79	90,57	94,34
Итого	44,04	71,75	96,40	92,77	95,35	98,13

Источник: Чжунго лаолин кэнь чжунсинь (1994) Чжунго лаоньяньжэнь гунъян тиси дяоча. (Китайский центр по изучению пожилых людей. Исследование систем поддержки пожилых людей в Китае). Цит. по: Линь Гэ, Бао Шумин, Сунь Сяомин. Цзяньли и цзятин тэ шэцзюй фую сян цзехэды лаоньянь лаоньяньжэнь шэцзюй баочжан тиси (Создать комбинированную семейно-коммунальную систему социального обеспечения пожилых людей). — Жэнькю яньцзю // Пекин, 1999. — № 2 — С. 55-60

Приведенные выше данные свидетельствуют о поразительно однородной ситуации в местожительстве родителей и их взрослых детей, почти не зависящей от пола и возраста пожилых людей — как в городе, так и в деревне. Как показывают результаты всекитайского исследования, проведенного в 1991 г. совместно Институтом социологии Тяньцзиньской Академии общественных наук и гуандунским журналом "Цзятин" ("Семья"), родители и взрослые дети стремятся жить отдельно, если только позволяют жилищные условия, но предпочитают при этом селиться неподалеку друг от друга.

Таблица 10

**Предпочтения родителей относительно совместного
или раздельного проживания с взрослыми детьми**

	Число респондентов	%
Хочу жить в своей семье с сыном	119	10,0
Хочу переехать в семью сына	10	0,8
Хочу жить в своей семье с дочерью	94	7,9
Хочу переехать в семью дочери	2	0,2
Лучше всего жить раздельно	302	25,3
Хочу жить вместе со всеми детьми	31	2,6
Хочу жить раздельно, но неподалеку	637	53,3
Итого	1195	100,1

Источник: Пань Юнькан, Лю Мин (отв.ред.) "Дандай Чжунго цзятин да бяньдун" (Огромные изменения в современной китайской семье). // Гуанчжоу, 1994 - с.208-209

Таблица 11

**Предпочтения взрослых детей относительно совместного
или раздельного проживания с родителями**

	Число респондентов	%
Хочу жить в семье своих родителей	118	9,3
Хочу жить в семье родителей жены (мужа)	30	2,4
Хочу, чтобы мои родители переехали ко мне	121	9,5
Хочу, чтобы родители жены (мужа) переехали ко мне	31	2,4
Лучше всего жить раздельно	194	15,2
Лучше всего жить раздельно, но неподалеку друг от друга	779	61,2
Итого	1273	100,0

Источник: Пань Юнькан, Лю Мин, указ соч.

Приведенные выше данные подтверждают тенденцию к распаду сложных семей, состоящих из двух и более супружеских пар разных поколений. Взрослые, образовавшие свою семью дети стремятся покинуть родительский дом. О том же говорит и сокращение численности домохозяйств.

Таблица 12

**Состав домохозяйств с пожилыми людьми
в г. Ханчжоу в 1991 и 1995 гг. (в %)**

Год	Один человек	Два человека	Три и более человек
1991	13,54	29,64	56,82
1995	14,41	31,43	54,16

Источник: Цуй Чжицзюнь. Чэнши лаоняньжэнь цзянькан чжуанкуан цянъси (Предварительный анализ состояния здоровья пожилых людей в городе). 9-й Всекитайский симпозиум по населению среднего и молодого возраста, 1998. Цит. по Бо Пин, указ. соч., с. 46

В приведенной выше таблице домохозяйства, состоящие из одного человека, представляют одиноких пожилых людей, домохозяйства из двух человек — пожилую супружескую пару, из трех и более человек — пожилых людей, проживающих совместно с детьми.

Пожилые люди в китайских городах сталкиваются с проблемами, справиться с которыми им помогают дети. Согласно данным исследования, проведенного Пекинским Центром по изучению проблем старости, где средний возраст респондентов был относительно невысок — 62,5 года, свыше 90% респондентов сообщили, что без проблем питаются, одеваются, ходят в туалет, в то же время 10% испытывают трудности при стирке одежды, 9,8% — при покупке товаров повседневного спроса, по 8,6% — при уборке жилья и приготовлении пищи, а 23,5% — при посещении медицинских учреждений.⁴

Как показывают анкетные опросы, стремление пожилых людей жить вместе со своими взрослыми детьми или поблизости от них объясняется, конечно, в первую очередь потребностью в повседневной заботе, но немаловажное значение имеют также тяга к общению, желание наслаждаться традиционным "сяо" — почтительностью детей, тяга к более насыщенной событиями жизни. Наименьшее значение имеют соображения экономии расходов.

Общение с детьми позволяет пожилым людям преодолеть растущее чувство одиночества. По данным указанного выше пекинского опроса, 46,2% респондентов общаются со своими детьми более четырех раз в неделю, а примерно 80% встречаются с детьми не реже одного раза в неделю.³

Вместе с тем чаяния пожилых людей далеко не всегда встречаются у взрослых детей готовность и возможность их удовлетворить. Указанное выше исследование показало, что 52% опрошенных в ходе исследования людей среднего возраста выразили озабоченность или "чрезвычайную озабоченность" в связи с необходимостью ухода за пожилыми людьми, 45,1% признали наличие некоторых трудностей, а 7,9% — чрезвычайных трудностей. При этом 47,2% респондентов ссылались на недостаток времени, 36% — на нехватку физических сил, 27,2 — на трудное материальное положение, 20,4% — на загруженность работой.⁶

Совместное проживание детей с родителями не обязательно предполагает, что материальная поддержка первых служит главным источником существования для вторых. В этом отношении в регионе Восточной и Юго-Восточной Азии наблюдаются значительно более существенные различия, чем в отношении совместного или раздельного проживания. Так, в Сингапуре доля пожилых людей, для которых главным источником средств является помощь, оказываемая детьми, достигает 73%, что примерно совпадает с удельным весом проживающих совместно, тогда как на Тайване, который по уровню экономического развития немногим уступает Сингапuru, этот показатель составляет всего 36%. Континентальный Китай далеко отстает еще от Тайваня в экономическом отношении, но удельный вес лиц, живущих главным образом на пенсию, примерно одинаков.

Тип проживания и главный источник средств существования в значительно большей степени зависят от стимулирующей роли государственной социальной политики и планирования. В Сингапуре и Японии совместно проживающие с пожилыми людьми семьи пользуются большими привилегиями, в частности, в налогообложении и дотациях на квартирную плату.

Таблица 13

Главные источники средств существования пожилых людей (%)

Источник средств	Континентальный Китай	Тайвань	Филиппины	Сингапур
Собственный труд, сбережения	16,8	18,5	26,5	17,6
Пособие по старости	26,3	29,4	7,7	1,3
Супруг	9,0	5,9	—	2,0
Дети	46,2	36,3	36,4	73,3
Прочее	1,7	9,8	29,4	4,8
Итого	100,0	99,9	100,0	100,0

Источники:

1. Чжунго 1987 нянь 60 суй ишан лаонянь жэнькоу чоусян дяоча (статья "прочее" включает поступления от родственников, правительства и коллектива).
2. 1996 Survey of Health and Living Status of the Elderly in Taiwan ("Прочее" включает 3,9%, получающих доходы от ферм).
3. 1996 Philippine Elderly Survey (в статью "дети" включены также родственники, статья "прочее" включает 22%, получающих доходы от ферм).
4. 1995 National Survey of Senior Citizens (Singapore). Цит. по: Линь Гэ, Бао Шумин, Сунь Сяомин, указ. соч., с.59.

Несмотря на уравнилельный характер прежней и отчасти существующей пенсионной системы наличие разных источников существования, а также другие факторы способствует тому, что реально материальное положение пожилых людей весьма неодинаково. Социологическое исследование, проведенное в 1998 г. в г. Гуанчжоу и охватившее 2000 человек в возрасте 60 лет и старше, обнаружило, что в этой возрастной группе степень дифференциации выше, чем в обществе в целом. Так, в 1997 г. среднедушевой доход у 10% жителей г. Гуанчжоу с наиболее высокими доходами превосходил соответствующий показатель у 10% горожан с наиболее низкими доходами в 4,1 раза, а соответствующее соотношение среди пожилых людей в том же городе, по данным настоящего исследования, 10,5-кратное.⁷ Такая ситуация особенно присуща как раз китайским мегаполисам с наиболее высокими в целом доходами населения, каким и является Гуанчжоу. В группе пожилых людей с низкими доходами преобладают престарелые, больше женщин, высок удельный вес неграмотных, более значительна доля бывших "синих воротничков", бездетных, вдовых и одиноких.

Пожилые люди с низкими доходами живут в основном на пенсию и тратят ее преимущественно на питание. За вычетом расходов у них остается лишь 25 юаней (против 301,2 юаня у лиц со средними и высокими доходами), причем у 25,4% денег не хватает. Часть этой группы вообще не имеет постоянного дохода, у них нет сбережений, они испытывают материальные затруднения и плохо обеспечены медицинским обслуживанием. Более высокий доход у пожилых людей обычно связан с большей материальной поддержкой, получаемой от детей. У лиц с низкими доходами последняя от каждого ребенка составляет в среднем 17,52 юаня в месяц, а у лиц со средними и высокими доходами — 71,00 юань.

Примечателен вывод, к которому приходит автор гуанчжоуского исследования: "Из сказанного выше следует, что некоторые пожилые люди, особенно с низкими доходами, настроены не лучшим образом. Этой ситуацией нельзя пренебрегать, ибо пожилые люди часто добиваются обеспечения своих интересов действием. На Западе политики уделяют немало внимания электоральному поведению пожилых людей, добиваются их поддержки. Поэтому правительство должно по-настоящему гарантировать жизненные потребности пожилых людей, обеспечить им основные медицинские услуги, дать пожилым людям больше чувства безопасности и понизить обеспокоенность в обществе"⁸.

Муниципальное обслуживание пожилых людей в китайских городах пока еще развито недостаточно. Муниципальные службы предоставляют пожилым услуги по уборке жилья, по уходу за больными, по чтению газет и книг, по закупке товаров повседневного спроса, по доставке продуктов питания.

В пекинском исследовании более половины опрошенных пожилых людей не считают необходимыми обычные муниципальные услуги. Иная ситуация с медицинским обслуживанием. До 70% опрошенных считают коммунальное медицинское обслуживание чрезвычайно важным и до 30% — сравнительно важным. Весьма большое значение придают пожилые люди содействию муниципальными службами их приобщению к культурной жизни, образованию, туризму, созданию групп по интересам, использованию их профессионального опыта.

4. Пожилые люди в деревне.

В традиционном крестьянском обществе пожилой человек оставался важным членом семьи во всех ее функциях, не исключая и трудовые. Он никогда не прекращал трудиться, лишь сменяя по мере убывания физических сил тя-

желые виды труда на более легкие. И сегодня пожилой крестьянин остается одним из основным тружеников деревни, особенно в собственно аграрном секторе, хотя все прочие его социальные функции и социальный статус претерпели существенные изменения. Этому способствует прежде всего сохранение, а в ряде случаев и усугубление основных характеристик основанного на ручном труде мелкокрестьянского сельского хозяйства, а также социальная политика государства.

Земледелие в лучшем случае дает возможность трудоспособным пожилым людям сводить концы с концами, но не позволяет делать сбережений — на случай свадьбы детей, постройки дома и, главное, на случай болезни и утраты трудоспособности. Социологическое исследование, проведенное в Хэнани и охватившее 2381 человек в возрасте 60 лет и старше, дает достаточно типичную картину основных характеристик этой группы сельского населения². 70,1% респондентов неграмотны или малограмотны, 21,5% имеют начальное образование, 8,4% — неполное среднее или более высокое. 37,1% респондентов вдовствуют. Средний размер семьи с сельскими пожилыми людьми — 3,7 человека, при этом 40,3% живут в семьях, где более 5 членов, 13,6% — одиночки, 30% — в семьях, образованных двумя членами. 46% пожилых людей живут в семьях, представленных одним поколением, 43,3% — в семьях, где представлены три поколения.

Средний годовой доход пожилого человека составил в 1999 г. 1085,3 юаня, что намного ниже чистого дохода хэнаньского крестьянина, который достигал 1864,05 юаня. При этом 50,8% респондентов получили менее 100 юаней, и лишь 13,9% — более 2000 юаней. Свыше половины пожилых испытывают материальные трудности, и соответственно их главным опасением является утрата в будущем источника средств к существованию.

Таблица 14

**Наибольшие трудности, испытываемые
пожилыми людьми в хэнаньской деревне.**

Наибольшие трудности	%
Отсутствие ухода	6,0
Материальные трудности	50,3
Жилищные трудности	1,8
Трудности с передвижением	15,5
Тяжелый домашний труд	2,7
Трудноизлечимые болезни	7,5
Моральное одиночество	3,3
Беспокойство о потомках	7,0
Прочие	5,8

Источник: Чжан Юаньчжэнь. Чжунбу цяньфада дицзюй нунцзунь лаоняньжэнь янлао сяньчжуан ды дяоча юй сыкао. (Исследование и осмысление современного положения с поддержкой пожилых людей в сельской местности слабообразованных районов центрального Китая) — Жэнькоу яньцзю//Пекин, 2000. — N 5 — С. 41-44

38,9% респондентов существуют главным образом на доходы от своей трудовой деятельности, 55% — преимущественно благодаря поддержку детей, 2,9% — в основном на сбережения. Материальную помощь от детей получают 75,9% пожилых людей, в 1992 г. соответствующие данные по стране в целом составляли 72,9%.

Таблица 15

**Наибольшие опасения, испытываемые
пожилыми людьми в хэнаньской деревне.**

Наибольшие опасения	%
Отсутствие средств к существованию	27,6
Утрата возможности самостоятельного существования	18,2
Болезни	21,1
Отсутствие ухода	16,8
Утрата спутника жизни	4,9
Непочтительность и непослушание детей	8,4
Прочие	2,9

Источник: Там же.

В отличие от горожанина, работавшего в государственном секторе и находившегося на попечении государства, пусть и делегированном во многих случаях на уровень предприятий, судьба крестьянина в КНР находилась в руках коллектива, предоставлявшего ему и принадлежавшую коллективу землю для обработки и различные услуги — образовательные, медицинские, бытовые и пр. Сегодня пожилому крестьянину приходится полагаться в основном на свои собственные силы или в случае нужды — на поддержку семьи, поскольку социальное обеспечение в деревне — как на общегосударственном, так и на местном уровне практически отсутствует. Социальное обеспечение, включая различного рода пособия, пенсии и дотации военным-отставникам и военнослужащим, получившим ранения и инвалидность, старым сельским кадровым работникам и государственным служащим, касается лишь очень небольшой части сельского населения. Согласно выборочному исследованию пожилого населения в возрасте 60 лет и старше, проведенному Академией общественных наук Китая в 1987 г., среди опрошенных 18 936 сельских пожилых людей пенсия была главным источником существования только для 2,71%, второстепенным источником существования — для 0,55%, а не имели пенсии 96,74%.¹⁰

Поддержка пожилых людей коллективным хозяйством осуществляется в двух формах. Первая — система пяти обеспечений, введенная в 50-е годы (она включала обеспечение питанием, жильем, лечением, поддержкой в старости и погребением) и сегодня во многих местах переставшая существовать, предусматривает выделение денежного и зернового довольствия отдельно проживающим бездетным пожилым семьям. Во второй форме специально нанятые коллективным хозяйством люди обслуживают семьи пяти обеспечений, проживающие совместно в т.н. домах почитания старости (“цзинлаоюань”) (обычно в волости или поселке имеется один такой дом).

Уровень и качество жизни опекаемых зависит от экономического положения соответствующих коллективных хозяйств. С введением семейного подряда отчисления в коллективные фонды в большей части сельских районов (за исключением ряда восточных районов с развитой волостно-поселковой промышленностью) стали минимальными. Местные органы власти, как правило, не располагают сколько-нибудь серьезными средствами для социальных расходов. Отсюда понятна и судьба благотворительных учреждений на сельском уровне. В одном из обследованных в 1996 г. “домов почитания старости” затраты на проживание одного человека в месяц составляли только 24 юаня¹¹. По данным Чэнь Цайся, исследовательницы из Института демографии Сычуаньского университета, обследовавшей в 1991 г. волость Гаоцуньсян в уезде Инь-

ян провинции Хэнань, в одном из таких домов на питание одного человека в день выделялось лишь 0,30 юаня.¹²

В 90-х годах появились зачатки некоторых новых форм социального обеспечения на селе, которые призваны повысить способность пожилых людей к самообеспечению. С начала 90-х годов Министерство гражданской администрации стало вводить в деревне накопительный порядок обеспечения по старости, в котором принимали участие государство, предприятия и сами люди. С 1992 г. по 1996 г. сеть сельского социального страхования была создана в 15 571 волостях и поселках.¹³ Перспективы развития этой сети, однако, как отмечают китайские исследователи, омрачаются наличием связанных с ней серьезных проблем. Главная из них состоит в несанкционированном разбазаривании чиновниками фондов поддержки пожилых, в результате чего средства не только не прирастают, но и не сохраняются, вплоть до того, что крестьянам отказывают в выплате пенсий. Такая ситуация питает сомнения крестьян в надежности этой системы и не стимулирует их деятельного участия в ее развитии. Но даже при нормальном ее функционировании для людей, которые будут вступать в пожилой возраст в предстоящие 10-20 лет, из-за краткости периода накоплений и ограниченности их размеров она может играть лишь вспомогательную роль.

Таким образом, средства для существования пожилых людей в китайской деревне добываются почти исключительно их собственным трудом, дополнением к которому служит семейная поддержка. В связи с этим само понятие "пожилой человек" в городе и деревне имеет разный смысл. В городе и городских и поселковых районах, где платят пенсии, понятие "пожилой человек" ("лаонянь") в основном совпадает с понятием человека в пенсионном возрасте. Здесь личная идентификация совпадает с социальной. В деревне, где пенсий нет, дело обстоит иначе.

В экономически отсталых западных и центральных регионах, как правило, почти все крестьяне старше 60 лет, если не считать совсем уже дряхлых и больных, заняты в своем огромном большинстве непосредственно земледельческим трудом. Нередко и 70-летние старики работают наряду с молодыми.

По отношению к этим людям не принято использовать понятие "поддержка пожилых" ("янлао"), если не имеются в виду те, кто по состоянию здоровья действительно не может трудиться и кто только в этом случае согласен признать себя "пожилым". Только когда человек утрачивает работоспособность, если ему приходится полностью полагаться на других, он может считаться и в своих глазах, и в глазах общества стариком. Некоторые старики даже на пороге смерти тянутся к труду на земле, а не к "отдыху". Исследователи в Хэнани видели 89-летнюю женщину, каждодневно работавшую на своем наделе. Более того, непреложный долг главы семьи — помочь каждому сыну завести свою собственную семью, только после этого он может считать свою жизненную миссию исполненной и заслужить право на покой. До этого момента невзирая на возраст стариком себя считать нельзя. Здоровые пожилые люди, если исключить самых старых, полностью нефункциональных по биологическим причинам, обычно не прибегают и к серьезной помощи со стороны детей. Необходимость в заботе и в материальной поддержке для оплаты расходов на лечение наступает лишь в случае серьезного заболевания, но обычно это случается незадолго до кончины. Местное сообщество здесь не только не поддерживает пожилых, но и не способно ни на один фэнь уменьшить выплачиваемые ими многочисленные налоги и подати.

Несколько иная картина в восточных, экономически развитых регионах, где благодаря развитию волостно-поселковых и индивидуальных предприятий имеются определенные коллективные фонды. Здесь пожилые люди старше 60 лет по определению руководителей коллективов могут получать небольшие пособия по старости. Такая поддержка носит скорее символический характер, поскольку масштабы ее несопоставимы с реальными потребностями пожилых людей. В одной из чжэцзянских деревень, например, мужчины получают в месяц 20 юаней, женщины — 15 юаней.¹⁴ Тем не менее здесь человек, получающий пособие, считается крестьянами пожилым, даже если сам он себя таким не признает. Насколько позволяет здоровье, он продолжает трудиться, даже когда местная община и взрослые дети в состоянии его поддерживать. Пожилые люди отчасти заняты земледелием, обрабатывая “прожиточные” участки (“коулянтань”) и выполняя нетяжелую работу на сельских коллективных или индивидуальных предприятиях вплоть до момента полной утраты трудоспособности.

На способность пожилых крестьян прокормить себя решающее воздействие оказывает возраст. У сельских пожилых мужчин в возрасте 60 лет эта способность сохраняется еще на довольно высоком уровне. Однако по мере дальнейшего старения она быстро снижается и к 80 годам обычно полностью утрачивается. Способность пожилых женщин к самообеспечению почти в любом возрасте ощутимо меньше, чем у мужчин. В возрасте 60 лет она находится на том уровне, которого женщина достигает в 66 лет.¹⁵ Полностью утрачивает эту способность пожилая женщина в среднем к 78 годам.

Возможности пожилых сельских жителей ухаживать за собой и обслуживать себя очень высока. Вплоть до 70 лет и мужчины, и женщины сохраняют их почти полностью. Лишь после этого они довольно значительно падают.

Высокая способность сельских пожилых людей к самообслуживанию, возможно, связана с их сравнительно низкими жизненными запросами. Кроме того, вследствие низкого качества жизни и медицинского обслуживания если пожилой человек заболевает и не встает с постели, он обречен, и дни его сочтены. Поэтому лежачих больных среди пожилых людей мало. За ними просто некому ухаживать.

Средний срок предстоящей продолжительности самообеспечения в возрасте 60 лет составляет 6,33 года. Средняя предстоящая продолжительность жизни мужчин в Южной Цзянсу составляет 70 лет. Таким образом, в течение 3,67 лет им нужна поддержка детей. Иная ситуация с пожилыми женщинами. По достижении 65 лет они оставляют экономическую деятельность и нуждаются в поддержке детей, но в быту способны не только себя обслуживать, но и помогать по дому другим членам семьи. Только по достижении 73 лет, в течение примерно трех лет до смерти им требуется уход со стороны детей.¹⁶

Для крестьян, которые в силу болезни или преклонного возраста полностью или частично утратили работоспособность и не могут самостоятельно обрабатывать предоставленный им коллективом по подрядному договору участок земли, единственной опорой в жизни становятся женатые дети и их семьи. Встречаются разные варианты семейной поддержки и соответственно разные способы использования полученной старшим поколением от коллектива подрядной земли.

Если родители живут вместе с детьми и находятся на их полном попечении, то обычно землю пожилых обрабатывают те, с кем они проживают. При двух сыновьях старший берет на себя заботу об отце, младший — о матери. В этой ситуации отец и мать вынуждены жить раздельно — в семьях своих сы-

новой. В некоторых семьях при крупных расходах — на лечение, лекарства, погребение — братья делят их между собой.

Когда старики живут отдельно от детей, но находятся на их полном иждивении, расходы несут опять-таки те дети, которым передается право на обработку подрядного участка родителей. Поскольку пожилые люди живут хотя и врозь, но в той же деревне, сыновья и дочери в любой момент могут присмотреть за ними, а они сами могут прийти к детям помочь по дому и по уходу за внуками.

Если родители живут попеременно в семьях детей, то все расходы, включая и лечение несложных заболеваний, берет на себя та семья, где в данный момент они находятся. Но при тяжелых болезнях и похоронах сыновья делят расходы. Земля обрабатывается сыновьями совместно.

Если пожилые люди живут совместно с детьми и частично находятся на их иждивении, то старики обычно оплачивают сами покупки бытовых товаров для себя, подарки родственникам и друзьям, а иногда и несут все расходы, кроме питания и проживания. Ситуация в этих случаях очень пестра и обычно является результатом договоренностей и обычаев. Живущие отдельно сыновья, если они имеют стабильный доход на стороне, ежегодно выделяют отцу и матери деньги на карманные расходы, а остающиеся дома крестьянствовать сыновья по уговору выделяют им определенное количество зерна, растительного масла, хлопка. Расходы на лечение, лекарства, похороны делятся между сыновьями.

Иногда пожилые родители и женатый сын при разъезде заключают между собой устное соглашение, по которому сын ежемесячно дает старикам определенную сумму на жизненные расходы (обычно 5-10 юаней) и, кроме того, во время страды помогает родителям в полевых работах. Однако уговор о выплате денежного пособия выполняется далеко не всегда.

Семейная поддержка пожилых людей в китайской деревне подвергается серьезным испытаниям со стороны самых разных тенденций. Прежде всего это старение население, которое, как сказано выше, в возрастающей степени будет развиваться в деревне, и связанные с ним изменения в составе и структуре семьи. В том же направлении действует и отток наиболее активной части населения из деревни в город. Свою роль играют и низкий уровень доходов крестьян, и медленные темпы их повышения в большей части сельских районов. Но особенно значимы перемены, происходящие в иерархии общественных ценностей, диктуемые экономической и социальной модернизацией.

Прогрессирующее старение населения как в городе, так и в деревне чревато серьезным ухудшением соотношения старшего поколения и поколения, находящегося в трудоспособном возрасте, что увеличивает нагрузку на экономически активное население. И в перспективе это обстоятельство может серьезно осложнить семейную поддержку пожилых людей в деревне. Однако в настоящее и ближайшее время значение этого фактора переоценивать не стоит.

Возрастная когорта старше 60 лет — это группа населения с довольно высоким суммарным коэффициентом рождаемости, достигающим 5-6. В этой группе люди обычно за вычетом умерших имеют по 3-4 ребенка, поэтому трудности с семейной поддержкой пожилых людей, по крайней мере сегодня, никак не связаны с числом детей в семье. Не осложнит это обстоятельство семейную поддержку и для тех людей, которые вступят в пожилой возраст через десять или двадцать лет несмотря на сокращение рождаемости в связи с политикой планирования семьи. Это подтверждают данные, полученные при исследовании 380 тыс. респондентов. в 1992 г.

Таблица 16

**Коэффициент суммарной рождаемости
сельских женщин в репродуктивном возрасте в 1992 г.**

Число лет	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49
Суммарный коэффициент рождаемости	2,8	2,95	3,08	3,17	3,31	3,43	3,58	3,71	3,84	3,55

Источник: 1992 нянь Чжунго шэнчжюй люй чоусян дяоча шуцзюй цзи (Данные выборочного исследования коэффициента рождаемости в 1992 г. в Китае). Цит. по Чэнь Цайся, указ. соч., с. 54

Женщины, которым в 1992 г. было больше 40 лет, будут вступать в пожилой возраст начиная с 2002 г. Если после 40 лет они больше не рожали детей, что для Китая типично, то из таблицы следует, что в среднем на одну женщину придется 2,80 детей, т. е. более двух детей в среднем на одну супружескую пару. Поэтому в подавляющем большинстве случаев семейная поддержка пожилых людей в деревне не будет лимитироваться малым числом детей или бездетностью.

Начиная с 80-х годов все больше работников из села направляются в город, в 1995 г. число мигрантов достигло 80 млн. Увеличилась дальность миграций. Перемещения в пределах волости постепенно переросли в движение за пределы уезда и провинции, причем большая часть работников из неразвитых районов направляются в районы развитые, из деревни в города. Миграции привели к уменьшению численности работников молодого и среднего возраста в сельских районах.

Миграция молодых людей из деревни в города в определенной степени затрудняет положение сельских пожилых людей. Все чаще на их плечи ложится и обработка земли, и забота о внуках. Вместе с тем было бы преувеличением считать это обстоятельство главной угрозой для семейной поддержки пожилых и семейного ухода за ними.

Согласно данным социологических исследований, среди мигрирующего сельского населения наиболее подвижной частью являются мужчины молодого и среднего возраста и незамужние женщины. Хотя сельские женщины молодого и среднего возраста частично также переходят от земледелия в неаграрные отрасли, однако большинство из них работают на волостных и поселковых предприятиях, либо же заняты в местной торговле. Радиус и частота их миграций меньше, чем у мужчин. Только незамужние девушки часто уезжают работать на несколько лет, а потом возвращаются и выходят замуж.

При семейной поддержке главную обязанность по повседневному уходу за пожилыми несут женщины, в основном замужние, а мужчина отвечает за материальное обеспечение всей семьи, поэтому физическое его присутствие или отсутствие на поддержку пожилых в семье не оказывает принципиального влияния. Напротив, поскольку заработок на стороне выше дохода, получаемого на месте от хлеборобства, постольку жизнь пожилых в семье может в принципе даже улучшаться по мере повышения материального достатка семьи. Поэтому главные причины расшатывания семейной поддержки пожилых в деревне находятся все же в иной плоскости.

С началом реформ в деревне произошли большие перемены в структуре семьи, ее функциях и семейных отношениях. Число многодетных семей уменьшается, преобладают семьи с одним-двумя детьми. Главным образом, это касается городов, но не минуется и деревни. Сокращение размеров семьи и тенденция к ослаблению ее производственных функций подтверждаются данными крупномасштабных исследований. Как показывают такие исследования, расту-

щее число пожилых людей ведет самостоятельное хозяйство и живет отдельно от своих взрослых и женатых детей. Переход от совместного проживания нескольких поколений, которое в традиционных семьях было основой поддержки пожилых людей, к проживанию раздельному существенно видоизменяет эту функцию. "Миниатюризация" семьи и перемещение центра власти в нуклеарную семью вносят существенные коррективы в традицию. Если раньше сыновья приводили невесток в дом, то теперь все чаще наблюдается такая ситуация, когда молодожены тотчас после свадьбы или спустя очень короткое время отделяются, в то время как неженатые сыновья продолжают жить вместе с родителями до тех пор, пока те не подыщут им невест. Все это создает иную, более сложную картину взаимоотношений между представителями старшего и младшего поколений, в т. ч. и в земельной сфере.

Гигантские перемены, происходящие в экономике, демографии, общественном сознании, не могут не накладывать серьезного отпечатка на положение пожилого человека в сельской семье и в сельском сообществе. В аграрном Китае, веками находившемся в неизменном состоянии, почитание пожилых людей — главных авторитетов в семье и местном сообществе — было одной из основных ценностей, поскольку именно пожилые люди обладали бесценным производственным и жизненным опытом и в их руках находилось распоряжение материальными ресурсами семьи и рода. В быстро трансформирующемся жизненном укладе сельского общества современного Китая происходят серьезные сдвиги, в т. ч. и в системе ценностей. Поскольку статус и авторитет члена семьи ныне в большой мере, особенно там, где продвинуты рыночные отношения, измеряется материальным достатком, проистекающим преимущественно от успешной деятельности в неаграрной сфере, постольку накопленные пожилыми людьми земледельческий опыт и знания все больше перестают быть ценностью в глазах молодого поколения. Структура знаний и опыт пожилых людей все меньше отвечают потребностям общественного развития и вызовам современности, а биологическое старение и низкий образовательный ценз не позволяет им успешно осваивать новую информацию и новые профессии. Все это ведет к постепенному обесценению унаследованного и накопленного в традиционном обществе социо-культурного капитала.

Соответственно меняется и восприятие пожилых людей обществом. Они больше не воспринимаются как носители социальных ценностей, но лишь как объект социальной поддержки. Для детей во многих случаях они больше не служат объектом почитания, а забота о них становится лишь сыновним долгом, иногда досадным, который посему стремятся минимизовать, свести к самому необходимому. Это сказывается и на поведении самих пожилых людей в деревне. Они больше не принимают активного участия ни в общественных, ни в семейных делах, будучи чаще всего поглощены исключительно работой в поле, чтобы обеспечить себе средства к существованию.

Сказанное выше подтверждается конкретными социологическими исследованиями. Так, при исследовании этой проблемы в 100 семьях уезда Сюаньпин провинции Шэньси выяснилось, что с почитанием относятся к пожилым и в основном исполняют сыновний долг по их поддержке только 44% детей, у 36% по существу поддержки возникают споры, разногласия, противоречия или затруднения, не исполняют долг поддержки 17%, а еще 3% в связи с разногласиями по поводу поддержки родителей обращались в суд.¹⁷ Исследование шаньдунской деревни также выявило наличие повсеместно существующих трудностей в поддержке пожилых: за два года споры возникали в 51,4% семей, тогда как в основном не было таких споров в 48,6% семей.¹⁸ Следовательно больше половины пожилых людей в свои преклонные годы получают от детей

самый минимум на проживание, их либо их, как мячик, перекидывают от одного отпрыска к другому, либо же вообще оставляют без попечения.

Пожилые питаются, одеваются, обитают, как правило, хуже, чем их дети, причем такая ситуация характерна не только для бедных, но и для зажиточных районов. Достаток не побуждает детей больше заботиться о стариках. В деревнях Южной Цзянсу молодые нередко строят многоэтажные современные особняки, оставляя стариков жить в старых развалюхах или же ютиться в крохотных пристроечках к новому дому. При этом фокусом противоречий между поколениями часто становится земля под застройкой. В многодетных семьях каждый из братьев, стремясь построить себе новый дом на одном единственном доступном земельном участке, терроризирует стариков. В прессе отмечаются и случаи жестокого обращения со стариками, недостаточного их пропитания и даже побоев. При этом пожилые люди чаще всего смиренно воспринимают свои ущербные по сравнению молодыми людьми условия жизни и свой более низкий социальный статус, считая это само собой разумеющимся, поскольку они физически слабы, хуже образованы и потому приносят в дом меньше.

Вся эта ситуация очень часто определяется не самими сыновьями, но их женами. Сельских женщин часто считают слабой социальной группой, подавляемой авторитетом мужей и отцов настолько, что они не способны самостоятельно распорядиться даже своей собственной судьбой. Действительность, однако, не совсем такова. В домашних делах женщина обладает очень большой властью. По традиции “мужчина правит вовне, а женщина — внутри” (“нань чжу вай, нью чжу нэй”). В китайской деревне за стариками ухаживает, главным образом, невестка, поэтому от ее отношения к ним зависит их жизнь. Крестьяне говорят: “Лучше хорошая невестка, чем хороший сын” (“Ю хао эрцзы бу жу ю хао сифу”). Невестка в большинстве случаев сама решает, жить ли ей совместно со свекровью или отдельно. Родной сын, может, и рад бы жить с родителями и заботиться о них, но он — “хозяин вовне”, и не волен поступать в доме, как ему заблагорассудится. Невестка же, не связанная кровными узами, чувства мужа разделять не обязана. Выполняя разные домашние дела, она нередко вступает в конфликт со свекровью, и такие столкновения не идут на пользу отношениям сына с родителями и уходу за ними.

По поводу того, как выправить положение с семейной поддержкой в деревне китайские исследователи высказывают разные точки зрения. Наиболее логичной из них представляется позиция тех, кто настаивает на необходимости более четкого законодательного определения имущественных и иных прав пожилых людей, и прежде всего — устранения нечеткости в правах на пользование подрядной землей.

Главной гарантией для пожилых людей в деревне служит обладание или распоряжение средствами для производства и жизни, которые они могли бы предоставлять своим детям или чужим людям взамен ухода за ними и материальной поддержки. В отличие от горожан, пожилые люди в деревне в большинстве случаев не имеют накоплений. Согласно традиции, новый дом, который родители должны поставить для сына, большая часть мебели и домашней утвари безвозмездно переходят в собственность молодоженов. У стариков остаются средства производства, т.е. земля. Однако и на землю у стариков нет четких прав. Когда они дряхлеют и больше не способны работать в поле, земля автоматически переходит в руки сыновей, которые ее и обрабатывают, снабжая взамен стариков зерном. Сыновья часто считают переход к ним родительской земли делом само собой разумеющимся, а свою помощь родителям — проявлением доброй воли, а никак не необходимым возмещением части земельной ренты. С таким подходом вполне согласно и большинство пожилых людей, поскольку в свое время они точно так же переняли землю от своих

предков и в ответ поддерживали их существование на минимально возможном прожиточном уровне. Поэтому они и не готовы взамен за передачу прав на пользования землей требовать от детей адекватных жизненных благ.

Чтобы пожилые люди действительно располагали возможностью решать, кому передать право на пользование землей при своей жизни или после смерти, рекомендуется ввести следующие процедуры.¹⁹ В тех случаях, когда родители проживают совместно с взрослыми детьми, предлагается по достижении пожилыми 60-летнего возраста обмерить землю и выделить ту часть, которая необходима для их материального обеспечения. Такой подход по существу воспроизводит существовавший в прошлом порядок, при котором для поддержания жизненного минимума пожилых людей им выделялись земельные участки, которые назывались по-разному — “поле для пропитания” (“шань тянь”), “земля ароматного огня” (“сян хо ди”), “земля для пропитания стариков” (“ян лао ди”) и др., но служили одной и той же цели — поддержке пожилых. Продукция, производимая на этой земле, находилась бы в собственности пожилых. Если дети готовы оказывать им материальную поддержку и ухаживать за ними, то детям может быть передано право пользования землей, а после смерти родителей они могут его унаследовать. Если же такая готовность отсутствует, то это право им не следует получать и наследовать. На тех же условиях коллектив может передать его другим людям. Бездетных стариков и стариков, чьи дети не желают им помогать, предлагается собрать под одной крышей, а их земли — соединить для коллективной обработки. Государство же для того, чтобы стимулировать семейную поддержку пожилых или профессионализацию этого дела, призвано ввести определенные льготы для земельных участков, находящихся в пользовании пожилых людей, например понизить земельный налог и различные сборы. Тем самым повысилась бы привлекательность земли.

С развертыванием индустриализации и увеличением оттока крестьян на заработки в некоторых районах появились пустующие земли. Отсюда создается впечатление, что земля утрачивает свою привлекательность для крестьян. Соответственно возникают сомнения в возможности использовать наследование права пользования землей в качестве рычага для укрепления семейной поддержки пожилых. Однако в деревне земля всегда служила основой жизни и самой главной, самой надежной гарантией крестьянина от всевозможных рисков. Поэтому даже в экономически развитых районах, где встречаются пустующие земли и подряд на обработку полей переуступают другим людям, крестьяне не хотят терять права на пользование землей. Ценность земли еще более повышает новая земельная политика, согласно которой “с рождением людей земля не прибавляется, а с их смертью — не убавляется” и речь идет о продлении 30-летнего подряда. Если вводить указанную систему для пожилых в 60-летнем возрасте (фактически в китайской деревне средняя продолжительность здоровой жизни после достижения этого возраста составляет 10 лет, т.е. в это время сохраняется определенная способность к производительному труду), то она в среднем будет продолжаться для мужчин 15,77 лет, а для женщин — 18,36 лет²⁰, и после окончания этого периода все доходы с земли на оставшиеся годы должны принадлежать тем, кто осуществлял поддержку. Если государство продлит действие подряда, то и срок получения доходов возрастет.

* * *

Социальное обеспечение пожилых людей в городе и деревне — проблема первостепенного значения, затрагивающая многие важные аспекты общественного и экономического развития Китая. Без надлежащего урегулирования

этой проблемы невозможно, например дальнейшее эффективное проведение в жизнь демографической политики, нацеленной на ограничение численности населения страны. Традиционная установка на то, что наличие детей служит наиболее надежным залогом обеспеченной старости и что чем больше детей, тем более основателен этот тезис, далеко еще не полностью преодолена в Китае, особенно в деревне. Сегодня, когда суммарный коэффициент рождаемости в Китае достиг уровня замещения поколений или даже опустился ниже него, именно это обстоятельство служит препятствием для дальнейшего снижения рождаемости, а потенциально даже может послужить стимулом для попятного движения этого процесса.

Наличие значительной и все возрастающей группы плохо обеспеченных пожилых людей, особенно в деревне, потенциально может служить весомым фактором социальной нестабильности. Известно, например, что подавляющее большинство членов религиозной секты "Фалуньгун", самым своим существованием и огромной массовостью, бросающей вызов существующему в Китае режиму, являются именно пожилые люди.

Самое наличие двух принципиально различных способов поддержки пожилых людей — преимущественно пенсионной при вспомогательной роли семейной — в городе и почти исключительно семейной в деревне — является важной составной частью той зияющей социальной и экономической пропасти, которая разделяет в Китае город и деревню. Очевидно, что в короткое время эту пропасть преодолеть не удастся. Однако пока что ясно не обозначилось даже основное направление движения в решении этой задачи. Скорее всего, разрыв между городом и деревней будет постепенно сокращаться по мере дальнейшей урбанизации страны, которая находится еще на очень низком уровне. Но, во-первых, не определены еще пути урбанизации — в какой мере она будет идти посредством втягивания сельского населения в малые города и городские поселки, а в какой — путем миграции селян в крупные и средние города. И, во-вторых, и это принципиально важно для рассматриваемой нами темы, в какой мере городские порядки социального обеспечения будут распространяться на вчерашних крестьян. Все, что мы знаем о нынешнем подходе к этой проблеме, в этом отношении не обнадеживает: даже прожив несколько лет в городе и работая на городских предприятиях выходцы из села по своему социальному статусу остаются крестьянами со всеми вытекающими отсюда последствиями, в частности отсутствием прав на социальные блага, полагающиеся горожанам. Если такой порядок будет надолго сохранен, то многие из них в городе не удержатся.

И, пожалуй, последнее и не менее важное, создание новой системы социальной поддержки пожилых крестьян весьма значимо для модернизации собственно китайской деревни. Описанная выше модель укрепления семейной поддержки пожилых крестьян путем закрепления за ними юридических прав на передачу права пользования подрядным участком земли, возможно, действительно пригодна для достижения этой конкретной цели. Но одновременно такая модель еще более укрепляет мелкоземельное сельское хозяйство. А, с другой стороны, мы видим, что и в достаточно зажиточных, по китайским меркам, восточных, более развитых районах поддержка пожилых людей за счет коллективных накоплений остается на минимальном уровне и пока что не решает задачу кардинальным образом.

Понятно, что по мере накопления общественного богатства, что обеспечивается достаточно высокими и устойчивыми темпами экономического развития, Китаю будет легче справиться с данной социальной проблемой, как и с другими, не менее острыми проблемами современного китайского социума, но

дело как раз в том, что во многих отношениях, учитывая, в частности, упомянутые выше моменты, она не терпит длительного отлагательства.

1. Пань Гуандань. Чжунго чжи цзятин вэньти (Проблемы семьи в Китае) /Пань Гуандань вэньцзи (Пань гуандань. Сочинения) Пекин, 1993.
2. Линь Гэ, Бао Шумин, Сунь Сяомин. Цзяньли и цзятин хэ шэцьюй фуу сян цзехэды лаоняньжэнь шэхуй баочжан тиси (Создать комбинированную семейно-коммунальную систему социального обеспечения пожилых людей) // Жэнькоу яньцзю. Пекин, 1999. № 2. С. 55-60
3. Бо Пин. Вого чэнши ян лао фанши цзи ци дуйцэ таньтао. (Способ поддержки пожилых людей в городах Китая и обсуждение соответствующей политики) // Гуандун шэхуй кэсюэ. Гуанчжоу, 1999. № 5. С. 120.
4. И Ми. Шэцьюй — цзего цзятин чжаогу гуннэн ды ди и цзюй (Коммунальные услуги — первый шаг при восприятии функции семейной заботы) // Жэнькоу юй цзинци. Пекин, 2000. № 3. С.52.
5. Там же. С. 51.
6. Там же. С. 52.
7. Ли Жоцзянь. Да чэнши ди шоужу лаожэнь цюньти чжуанкуан фэньси (Анализ положения группы пожилых людей с низкими доходами в больших городах) // Жэнькоу юй цзинци. Пекин, 2000. № 2. С. 38.
8. Там же. С. 39
9. Чжан Юаньчжэнь. Чжунбу цянфада дицьюй нунцунь лаоняньжэнь янлао сянчжуан ды дяоча юй сыкао (Исследование и осмысление современного положения с поддержкой пожилых людей в сельской местности слаборазвитых районов центрального Китая) // Жэнькоу яньцзю. Пекин, 2000. № 5. С. 41-44.
10. Гао Шэнгэнь. Цянй и чжуаньсин шэхуй чжун ды нунцунь янлао вэньти. (О проблеме поддержки пожилых в деревне в переходном обществе.) // Цзинци вэньти. Тайюань, 2000. № 12. С. 48.
11. Цяо Сяочунь. Гуаньюй Чжунго нунцунь шэхуй янлао баосянь вэньти ды фэньси (Анализ проблем социального страхования по старости в китайской деревне)//Жэнькоу яньцзю. Пекин, 1998. № 3.
12. Чэнь Цайся. Цзинци дули цай ши нунцунь лаоняньжэнь ваньянь синьфу ды шоуяо тяоцзянь (Только экономическая независимость является главным условием счастья сельских пожилых людей в поздние годы) // Жэнькоу яньцзю. Пекин, 2000. № 2. С. 53-58.
13. Там же.
14. У Юйсяо. Вого нунцунь янлао ды цигэ вэньти. (Некоторые проблемы поддержки пожилых в китайской деревне) // Нинся шэхуй кэсюэ. Иньчуань, 2000. № 1. С. 53-57.
15. Лян Хун. Нунцунь лаоняньжэнь цзы гэи цзы ли нынли яньцзю. (Исследование возможностей самообеспечения и самостоятельного существования пожилых людей в деревне) // Жэнькоу юй цзинци. Пекин, 1999. № 4. С. 22.
16. Там же. С.24
17. Ли Чантун. Гуаньюй нунцунь шэхуй янлао баосянь ды сыкао. (Размышления по поводу социального страхования поддержки пожилых в деревне)//Вэйнань ши чжуань сюэбао. 1998. № 3. (Цит. по Чэнь Цайся. Указ. соч. С. 54).
18. Сюэ Синли и др. Нунцунь лаонянь жэнькоу янлао вэньти ды шичжэн вэньти юй цзибэнь дуйцэ. (Фактический анализ проблемы поддержки пожилых в деревни и мер по ее разрешению) //Кэсюэ, цзинци, шэхуй. 1998. № 1).
19. Чэнь Цайся. Указ. соч.
20. Там же. С.58.

История

Еще раз о теории новой демократии

© 2002

Л. Березный

Вышел в свет «Вестник Московского Университета. Серия 13.2001. № 2». Его особенность, отмечает редколлегия журнала, в том, что публикация целиком посвящена одной стране — Китаю, а все статьи публикуются на английском языке; выпуск подготовлен коллективом историков кафедры истории Китая ИСАА при МГУ при участии некоторых их коллег; публикуемые материалы касаются актуальных проблем истории Китая XX в.; одно из достоинств — в привлечении авторами разнообразных источников, в том числе ставших доступными в недавние годы. Обзор всех опубликованных статей не входит в намерения автора данных заметок; я воспользовался возможностью вновь изложить свое мнение о весьма важной, на мой взгляд, проблеме, которой посвящена одна из статей журнального выпуска¹.

Отметив, что в мировой синологии принято четкое деление первого десятилетия существования КНР на два отличающихся друг от друга периода — «так называемая новая демократия» или «буржуазно-демократическая революция» (1949-1953) и «строительство социализма по советским образцам» (1953-1959), А.В. Меликсетов и А.В. Панцов констатируют: "вопрос о новой демократии не так прост, как это может показаться" (с. 26). С этим выводом нельзя не согласиться. В отечественной литературе взгляды на эту проблему претерпевают существенную эволюцию. В 60-х — первой половине 80-х гг. господствовала, ввиду формально маоистского происхождения данной теории, однозначно негативная оценка ее. В 1988 г. М.Ф. Юрьев обратил внимание на тактическую цель провозглашения курса на новую демократию: завоевание на сторону КПК большинства населения страны. В 1990 г. Л.А. Березный указал на стратегическую, по его мнению, цель, подчеркнув констатацию в теории новой демократии неизбежности длительного переходного периода с сохранением и даже развитием во время этого периода капиталистического уклада, что сближает, на взгляд Березного, концепции новой демократии с теорией «начальной стадии социализма»². В 1996 г. А.В. Меликсетов предложил сравнительно подробный критический анализ рассматриваемой теории новой демократии, указал на близость некоторых ее аспектов к воззрениям Сунь Ятсена, показал борьбу внутри КПК вокруг концепций новой демократии; была подчеркнута историческая правомерность политики новой демократии. В обзоре

Березный Лео Абрамович, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского университета.

ваемой статье 2001 г., написанной А.В. Меликсетовым в соавторстве с А.В. Панцовым, предложен новый для нашей литературы угол зрения – сопоставление взглядов Сталина и Мао на новую демократию. Появились в статье в связи с этим и иные акценты.

А.В. Меликсетов и А.В. Панцов подчеркивают, что «новодемократические» рассуждения Мао никоим образом не противоречили генеральному курсу мирового коммунистического движения на «народную демократию», начало которому было положено решениями VII конгресса Коминтерна в 1935 г.³ Опираясь на новые источники, авторы формулируют очень важный вывод: во время второй мировой войны и последовавшей за ней гражданской войны в Китае, приведшей к власти КПК, а также в первые годы после образования КНР Сталин настаивал на осуществлении компартией Китая курса на новую демократию (с. 27-30). По мнению А.В. Меликсетова и А.В. Панцова, четыре фактора определяли такую позицию Сталина во время Второй мировой войны: стремление не пугать Запад радикальными революционными декларациями и таким образом обмануть Запад; дополнительные (?) мотивы действий Сталина – способствовать таким образом захвату власти коммунистами в некоторых странах, хотя (и это третья причина), Сталин с остороженностью относился к возможности, в результате прихода к власти коммунистов, возникновения новых центров, которые могли бы стать угрозой его, Сталина, гегемонии в мировом комдвижении, и потому стремился ограничить амбиции коммунистических лидеров в этих странах «демократическими» задачами; наконец, сказывалась, как полагают авторы статьи, свойственная Сталину приверженность догмам исторического материализма; еще в «Истории ВКП(б). Краткий курс» (1938 г.) длительность пути к социализму ставилась в зависимость от уровня социально-экономического развития и, следовательно, в экономически менее развитых странах подготовительный период к социализму будет более длительным, и хотя Сталин и его сподвижники были радикальнее в своей практике (имеется в виду ликвидация Сталиным НЭП'а), в теории они все еще фанатически придерживались некоего религиозного ритуала (с. 26-27). После Второй мировой войны, продолжают А.В. Меликсетов и А.В. Панцов, первые два фактора, обусловившие стратегию, сформулированную VII конгрессом КИ, отпали. Этот вывод представляется мне не совсем точным – в Китае коммунистам еще предстояло взять власть и, может быть, этим в какой-то степени объясняется настойчивость, с которой Сталин сдерживал радикализм Мао, стремившегося поскорее отбросить чуждую его внутренним убеждениям новодемократическую политику; не исключено (и на это указывают авторы статьи), что именно в Мао Сталин видел реального соперника в главенстве в мировом комдвижении.

Двойственность позиции Мао убедительно показана в обозреваемой статье, основанной на многих, зачастую ставших доступными лишь в последнее время, свидетельствах того, как Мао, добиваясь отхода КПК от политики новой демократии, одновременно заверял Сталина в своей приверженности ей – китайский двуликий Янус вполне отдавал себе отчет в том, что борьба КПК за власть завершится успешно только при советской поддержке (с. 29); документально подтверждено мнение, высказанное еще в 1990 г.: «с большой долей вероятности можно предположить, что вряд ли Мао внутренние и в 1940 г. разделял основные концепции новой демократии»⁴.

Что курс на новую демократию и в Китае соответствовал генеральной линии VII конгресса КИ, не вызывает сомнений; остается однако весьма важный, с моей точки зрения, вопрос: почему концепции новой демократии сразу же после публикации известных статей Мао были поддержаны частью руководителей КПК (в литературе упоминаются имена Лю Шаоци, Чэнь Юня, Дэн

Сяопина и др.)? Такой вопрос представляется тем более правомерным, что, как известно, именно в это время в КПК Мао развернул борьбу против «28 вернувшихся большевиков», скоро переросшую в печально знаменитую кампанию «чжэнфэн», а Мао вел речь о «китаизации марксизма», связываемую обычно в литературе именно с публикацией статей Мао о новодемократическом курсе; более того, известно, что по крайней мере некоторые идеи теории новой демократии были с удовлетворением восприняты частью интеллектуалов, не поддерживавших ни ГМД, ни КПК, а также многими в так называемых «промежуточных слоях». Отнюдь не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающий ответ, повторяюсь, на очень важные вопросы, позволю себе высказать некоторые, предварительные, суждения.

Представляется, что к 40-м годам в общественной атмосфере, по крайней мере в политически активных кругах страны, стала созревать потребность в новых идеях. Этот процесс зарождался задолго до описываемых событий и развивался исподволь. Еще во время «дискуссии о социализме» в начале 20-х годов⁵ некоторыми ее участниками высказывалась мысль о том, что в Китае социалистические идеалы (по-разному толкуемые диспутантами), способны воплотиться в жизнь только после длительного подготовительного периода (характер которого также по-разному истолковывался). А ведь мысль о неизбежности длительного переходного к социализму периода – одна из основных идей теории новой демократии! Некоторые участники дебатов, не ориентировавшиеся ни на ГМД, ни на только еще складывающуюся КПК, выдвигали (это отмечают и А.В. Меликсетов и А.В. Панцов) идею «третьего (среднего) пути». С течением времени она стала обретать и организационные формы. В 30-е годы появляются периодические издания, пропагандирующие необходимость поисков «третьего пути», возникают и соответствующие политические группировки, правда, немногочисленные по составу⁶. В те же 30-е годы политически активизируются и деятели ГМД, которые продолжали разделять идеи Сунь Ятсена, послужившие, как неоднократно отмечал в своих работах А.В. Меликсетов, одним из источников формирования теории новой демократии.

Уже доводилось обращать внимание на то, что 30-е годы вообще были важным, хотя относительно мало исследованным временем в истории общественной мысли Китая в XX в. То были годы активного поиска выхода из национального кризиса, наиболее острым проявлением которого стало противоборство ГМД и КПК. А. Дирлик считает значимым обсуждение в кругах интеллектуалов весьма существенного, по его мнению, для всей истории китайской общественной мысли XX в. вопроса о сущности нации и национальной культуры⁷. Американский ученый, ссылаясь на давние китайские публикации материалов об этих дебатах 30-х годов⁸, приходит к выводу, что в те годы многие китайские интеллектуалы скептически относились как к старой «элитарной» культуре, так и к западничеству 20-х годов и искали в самом историческом опыте уже начавшейся модернизации источники новой культуры, которая будет и китайской, и современной, поскольку этот опыт безусловно современен⁹. По мнению А. Дерлика, дискуссии 30-х гг. были более сложными и тонкими, чем дебаты периода «4 мая», и, вопреки фетишизации, как полагает ученый, этого периода в исторической памяти, именно дебаты 30-х гг. многое определяют в современных дискуссиях о культуре в КНР¹⁰. Автор не сообщает каких-либо конкретных сведений об упоминаемых им дебатах, но один «намек» все же есть – оказывается, немало участников дискуссий полагало, что культура «народа» (кавычки у Дирлика), особенно людей сельских местностей, сулит наибольшие надежды на формирование новой культуры. Ученый видит в такого рода взгляде приметы реориентации китайской мысли в конце 30-х гг.

Публикации, на которые ссылается А. Дирлик, мне недоступны, да это и специальная тема, но дебаты, о которых он упоминает, служат, как я полагаю, еще одним свидетельством общего оживления в 30-х гг. духовной жизни в интеллектуальных кругах китайского общества, а это уже имеет отношение, на мой взгляд, к высказанному выше предположению, что к 40-м годам общественная атмосфера стала постепенно созревать для восприятия новых идей и, в частности, для позитивного отклика на некоторые, по крайней мере, аспекты теории новой демократии. Выше отмечались подобные тенденции среди сторонников «третьего пути» и той части членов ГМД, которая сохраняла верность прогрессивным сторонам суньятсенизма. А что же в КПК? А. Дирлик, сообщая о склонности некоторых участников дебатов 30-х гг. видеть в культуре жителей сельских местностей источник формирования современной культуры, замечает: для коммунистов это не абстрактный, а конкретно-практический вопрос¹¹. Дирлик делает это замечание в связи с темой его статьи («Модернизм и антимодернизм марксизма Мао Цзэдуна»), но это можно истолковать и как указание, пусть косвенное, на причастность некоторых лиц, в той или иной форме близких к коммунистическим кругам, к отмеченным тенденциям в общественной атмосфере, о которых говорилось выше.

Это возвращает нас к теме статьи А.В. Меликсетова и А.В. Панцова. Ведь «рыночники», как авторы характеризуют Лю Шаоци и его единомышленников, отстаивавшие в канун победы над ГМД необходимость проведения новодемократической политики, не сразу стали таковыми (авторы обозреваемой статьи отмечают, что в разработке теории новой демократии участвовали, наряду с Мао, и некоторые другие руководящие деятели КПК); были, видимо, в предшествующей 1940 г. истории КПК какие-то веяния, способствовавшие постепенному осознанию нужды в политике, учитывающей неизбежность длительного переходного периода к социализму. Может быть, стоит в данной связи вспомнить, что Чэнь Дусю, при всей противоречивости его воззрений и действий, не раз утверждал: Китай должен сначала пройти этап буржуазно-демократической революции¹²; да и мысль о целесообразности сотрудничества коммунистов с национальной буржуазией, зафиксированная в некоторых документах II конгресса Коминтерна, к которой вернулся, как отмечают А.В. Меликсетов и А.В. Панцов, VII конгресс КИ, фактически стала основой его решений. Нельзя, на мой взгляд, исключать и того, что двукратное поражение КПК в 1927 и 1934 гг., выявившее порочность догматического подхода к китайским реалиям, побуждала некоторых деятелей КПК искать иные решения. Авторы обозреваемой статьи, опираясь на архивные данные, сообщают о том, что в феврале 1949 г. Лю Шаоци, говоря А.И. Микояну о намерении руководства партии сформулировать правильную позицию по вопросу о капитализме, заметил: в партии существуют две «опасные тенденции»: первая — люди, полагающие, что капитализм следует развивать настолько, насколько это возможно, и использовать его в качестве основы, и вторая, авантюристическая тенденция, — люди, с левым безрассудством считающие возможным немедленно приступить к социалистическому строительству (с. 34). Не примечательно ли, что позиция сторонников первой тенденции прямо перекликается со взглядами, высказывавшимися во время «дискуссии о социализме» в начале 20-х гг.¹³.

А.В. Меликсетов и А.В. Панцов пришли к вполне обоснованному выводу, что маневры Сталина в вопросе о новой демократии на деле помогли КПК установить свою диктатуру; но затем в статье следует несколько неожиданное, на мой взгляд, заключение: курс КПК на создание новой демократии становится интегральной частью сталинизации Китая; и далее: в течение последующего периода 1949-1953 гг. Мао Цзэдун интенсифицировал сталинизацию своей страны (с. 31). Данный вывод, по-видимому, связан с общим подходом,

заявленным в начале статьи: «Вопрос о новой демократии не так прост, как это может показаться» (с. 26); теперь формулируется суть авторской концепции: вместо общепризнанного, как отмечают А.В. Меликсетов и А.В. Панцов, выделения 1949-1953 гг. в качестве периода новой демократии предлагается иное определение: это были годы разворачивающейся сталинизации Китая (с. 33), при этом само понятие новой демократии применительно к названным годам авторами сохраняется (с. 33), однако акцент переносится с новодемократических мероприятий правительства, на факты, свидетельствующие, по мнению авторов статьи, о происходившей сталинизации. Такое смещение акцентов не кажется мне достаточно убедительным, хотя, конечно, курс КПК в это время был весьма противоречивым.

В статье А.В. Меликсетова и А.В. Панцова эта противоречивость верно подчеркнута. Сказано о новодемократическом характере Общей программы КНР, перечислены имена руководящих деятелей КПК, разделявших и в той или иной форме отстаивавших новодемократическую политику (Лю Шаоци, Чэнь Юнь, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, Бо Ибо и некоторые др.), отмечается поддержка новодемократической, политики официально признанными демократическими организациями и интеллигенцией (с. 35). Однако прежде всего указывается на факты, подкрепляющие, по мысли авторов, вывод о разворачивающейся сталинизации страны: продолжение гражданской войны после провозглашения КНР, сопровождавшееся гибелью множества людей, жестокостями, уничтожением гоминьдановских военных, перешедших на сторону НОАК, жестокости, сопровождавшие аграрную реформу, преследование многих частных дельцов, идеологический террор в отношении интеллигенции (с. 31-33). Конечно, все эти факты, террор, вдохновителем которого был Мао, стремившийся, как показывают авторы, быстрее покончить с новодемократическим курсом, разделявший только одну черту теории новой демократии – установление диктатуры КПК, все это роднит маоизм со сталинизмом. Но ведь и самому Мао не занимать опыта в осуществлении террора – можно напомнить уничтожение Мао Цзэдуном еще в 1930 г., в тяжких условиях вооруженного противостояния гоминьдановскому правительству, руководства организации КПК в Цзянси, не подчинившегося его власти, и психологический и физический террор кампании «чжэнфэн»; да и в китайском историческом опыте в целом, привлекавшем, как известно, пристальное внимание Мао, были тысячелетия деспотической (по современной терминологии – тоталитарной) традиции, вдохновлявшей Мао (недаром он как-то обмолвился о необходимости, по его мнению, соединить Маркса и Цинь Шихуана). Характер общественного развития КНР был в те годы, как и позднее, противоречивым, но что же все-таки стало определяющим в 1949-1953 гг.? А.В. Меликсетов в работе 1998 г., описывая экономическую политику правительства в первые годы после провозглашения КНР, употребляет термин рыночная (без кавычек), указывает на то, что развитие рыночных отношений способствовало быстрому восстановлению народного хозяйства, что «именно рыночный механизм в первые годы существования новой государственности позволил выявить потенциальные возможности народного хозяйства», наконец, что «новодемократическая» политика (тут, правда, автор использует кавычки – Л.Б.) благоприятствовала развитию частного капитала...»¹⁴. Оправдано ли в таком случае отмеченное смещение акцентов?

По схеме периодизации, предложенной А.В. Меликсетовым и А.В. Панцовым, общественное развитие КНР прошло «до Дэна» три этапа: 1949-1953 – курс КПК на новую демократию начинает превращаться в интегральную часть сталинизации Китая, 1953-1959 – «социалистическое строительство по советским образцам», настоящая сталинизация страны со времени «большого скач-

ка» – маоизация (с. 36-37). Вне зависимости от отмеченной выше некоторой противоречивости трактовки содержания первого из названных этапов, особая ценность статьи А.В. Меликсетова и А.В. Панцова видится мне именно в практическом подтверждении новыми фактами давнего моего убеждения в наличии в теории новой демократии, да и в практике осуществления ее положений в 1949-1953 гг. ряда позитивных (наряду с негативными) аспектов. Вполне оправдано, на мой взгляд, употребление авторами применительно к 1949-1953 гг. современной терминологии «рыночники» (А.В. Меликсетов использовал его в «Истории Китая», 1998) и «антирыночники»; идея рыночных отношений, фактически заложенная в концепциях новой демократии, уже в то время пробивала себе дорогу, несмотря на противодействие Мао. Это сближает новодемократический курс тех лет с современными реформами, о чем доводилось уже писать в связи с проблемой истоков поворота КПК к рыночным реформам в 80-х гг.

Авторы обзора статьи в соответствии с заявленной темой завершили свой анализ констатацией разочарования Мао в Советской модели социалистического строительства и датировали переход от сталинизации к маоизации Китая «большим скачком». Но, может быть, не стоит абсолютизировать само понятие «маоизация» (как, впрочем, и «сталинизация»). Во всяком случае, «маоизация» 60-70-х гг. не означала, по моему мнению, полного забвения концепций новой демократии. В этом смысле представляют, как мне кажется, интерес «годы урегулирования» (1960-1966), исследованные В.Н. Усовым¹⁵. По его мнению, тогда в руководстве КПК не было особой «линии», противопоставляемой Мао (подобного же мнения применительно к 1949-1953 гг. придерживаются и А.В. Меликсетов и А.В. Панцов)¹⁶. Вместе с тем В.Н. Усов пришел к очень важному для нашей темы выводу: «В годы «урегулирования» ряд видных деятелей КНР выдвинули и пытались осуществить на практике серию мероприятий в области организации промышленности и сельского хозяйства типа политики НЭП'а и проектов экономической реформы 60-х годов в СССР, которые были активно использованы в качестве переходных шагов к политике реформ, осуществлявшихся в Китае с начала 80-х годов»¹⁷. Таким образом В.Н. Усов установил, по крайней мере, определенную степень связи поворота КПК к политике реформ, осуществлявшихся в Китае в 80-х гг. с некоторыми чертами политики «урегулирования», особенно в 1961-62 гг. Полагаю, что эту «ниточку» можно протянуть и назад к политике новой демократии начала 50-х годов. Весьма примечательно, по моему мнению, что одни и те же деятели в руководстве КПК (Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь, Дэн Сяопин, Бо Ибо и некоторые др.) в 1949-1953 гг. отстаивали новодемократический курс, в 1961-1962 гг. добивались возвращения к «дворовому подряду», а в начале 80-х гг. совершили поворот к рыночным реформам (правда, среди них не было уже Лю Шаоци, ставшего жертвой бесчинств «культурной революции», и Чжоу Эньлай, скончавшегося в 1975 г.). Едва ли такое совпадение случайно, не подтверждает ли оно предположения о наличии в теоретико-практическом опыте КПК упомянутой «нити», связывающей все эти события?

Представляется, что все сказанное выше позволяет хотя бы предположить, что начиная еще с 20-х годов в противоречивой истории КПК, ее идейно-теоретическом, а в той или иной степени и практическом, опыте, наряду с глубокими негативными процессами, складывалась очень медленно, иногда подспудно, тенденция (временами как будто и вовсе исчезающая), отражавшая постепенное осознание частью деятелей партии необходимости длительного подготовительного, переходного периода к социализму; эта тенденция в форме теории новой демократии в 1949-1953 гг. выдвинулась на первый план, определяя в значительной мере политику КПК, ставшей правящей, достаточно зримые контуры этой концепции дали о себе знать в первые годы

«урегулирования» пока, наконец, на рубеже 70-80-х гг., после горького, обернувшегося тяжкими бедствиями для КПК и страны в целом, опыта, эта тенденция стала одной из основ столь успешной современной реформаторской политики. Официально последняя не связывается в КНР с идеями новой демократии, да и осуществляются нынешние реформы в совершенно иных условиях, что естественно сказывается на формах и методах применения этих идей, обогащенных тем, что теперь называют «эпохой Дэн Сяопина», однако в курсе «строительства социализма с китайской спецификой», «социалистической рыночной экономики» достаточно отчетливо, на мой взгляд, проступают некоторые черты теории новой демократии. «Нить» не прервалась! В этих чертах проглядывается пока и прежняя противоречивость концепции новой демократии – рыночная, многоукладная экономика при сохранении фактической монополий КПК на власть; существует и оппозиция «слева» наподобие той, о которой Лю Шаоци говорил Микояну в феврале 1949 г. (об этом разговоре сообщается, как упомянуто, в статье А.В. Меликсетова и А.В. Панцова) – достаточно вспомнить о возникшей в 1992 г. необходимости вмешательства Дэн Сяопина для того, чтобы остановить попытку «маоистского контрнаступления»¹⁸.

Конечно, предлагаемая постановка вопроса вступает в противоречие с укоренившимся, как уже говорилось, в литературе представлением о неразрывной связи теории новой демократии с попытками «китаизировать марксизм». Отмеченные выше факты, сообщаемые в статье А.В. Меликсетова и А.В. Панцова по меньшей мере позволяют усомниться в этом. Сошлюсь еще на один пример, косвенно подтверждающий, как мне кажется, реальность указанной «нити». А.В. Меликсетов, комментируя в «Истории Китая» одобрение китайской политической элитой известного «Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» (1981 г.), осудившего по крайней мере некоторые «ошибки» Мао, считает причины такого одобрения «во многих отношениях загадочными»; одну из причин автор вполне обосновано видит в том, что ганьбу сами стали жертвами репрессий и, кроме того, связывали с Дэн Сяопином надежды на стабилизацию социально-политических порядков и возможность в полной мере реализовать свои притязания на долю государственного «пирога» и на свое «законное место» в партийно-государственных структурах¹⁹; но, может быть, какую-то роль в определении позиции ганьбу сыграл и их практический опыт, хотя бы в тот же период «урегулирования». А.В. Меликсетов, рассказывая о столкновении двух группировок в 1962 г., когда Мао попытался прекратить политику «урегулирования» с ее рыночными тенденциями, «совещание семи тысяч», самое многочисленное, по словам автора, совещание ганьбу, поддержало эту политику, что было «тяжким ударом по репутации и положению Мао Цзэдуна»²⁰. В.Н. Усов сообщает, что в то время часть руководящих деятелей КПК поддержало возникшее снизу стихийное восстановление «дворового подряда» и других форм восстановления мелкокрестьянского земледелия, однако Мао Цзэдун осудил это движение. Примечательно, что, как напоминает В.Н. Усов, названные формы возрождения мелкокрестьянского земледелия были затем восстановлены в правах в начале 80-х годов²¹. Так был переброшен «мостик» от новодемократической по сути политикой «урегулирования» к реформам сельского хозяйства в 80-х гг.

Хотя в публикации А.В. Меликсетова и А.В. Панцова есть, по моему мнению, некоторая отмеченная выше противоречивость, статья в целом новаторская, и не только представленными в ней новейшими данными, относящимися к важному вопросу истории КПК и КНР, но и сопоставлением позиций Сталина и Мао по этой проблеме (если я не ошибаюсь, в нашем китаеведении в последние десятилетия не было публикаций, сопоставляющих сталинизм и маоизм), да и вообще, кажется, упал интерес к идейно-теоретическим воззре-

ниям Мао, если не считать сравнений реформаторской политики Дэн Сяопина с «казарменным коммунизмом» Мао. Для зарубежной литературы 90-х годов характерно, насколько я могу судить, продолжение дискуссий о наследии Мао Цзэдуна. В КНР они, по-видимому, отражают сохраняющиеся в какой-то форме разногласия о путях развития китайского общества. В западной синологии проявляется довольно широкий разброс мнений от радикального отречения ряда авторов от прежних «промаоистских» взглядов, перехода других к «фактографическим» описаниям, и до стремления рассмотреть воззрения и практику Мао в широком контексте истории Китая в XX в. Набирает силу тенденция видеть истинные цели китайской революции не в социализме, а в создании условий для превращения Китая в богатую процветающую и могучую державу; отсюда, кажется, возрастающий интерес к различным формам национализма, в том числе и к современным его проявлениям в КНР. Эта тенденция сочетается, по мнению П. Хили и Н. Найта, с существенным снижением теоретического интереса к марксизму, что связывается ими с известными событиями в мире в целом и в КНР (наступление «эпохи Дэна»). Именно в этом «неблагоприятном политическом и интеллектуальном климате», полагают названные авторы, назрела необходимость заново оценить Мао с позиций «критической левой перспективы» (определение «левая» не поставлено авторами в кавычки)²².

Все это особая тема. Здесь же хотелось бы только упомянуть о статье М. Мейснера «Сталинизм в истории китайской коммунистической партии», отчасти созвучной публикации А.В. Меликсетова и А.В. Панцова, хотя эти статьи написаны с принципиально различных теоретико-методологических позиций. Как и авторы обозреваемой статьи, М. Мейснер различает сталинизм и маоизм и возражает против распространенной в западной литературе последних лет трактовки маоизма просто как варианта сталинизма. Американский ученый довольно подробно излагает свое видение сходства и различий между сталинизмом и маоизмом, рассматривает возникновение маоизма в качестве течения в китайском коммунистическом движении как радикальную реакцию на сталинский консерватизм (сталинизм, по мнению М. Мейснера, это не Термидор, а знак смерти революции и прекращения каких-либо серьезных попыток бороться за социалистические цели). Отдельные параграфы статьи посвящены сталинизму и китайской революции (1921-1949), маоизму и сталинизму в постреволюционном Китае (период Мао), завершается анализ разделом «Сталинизм в постмаоистском Китае». Много в этом анализе более, чем спорно, но некоторые авторские ремарки представляют интерес. Заключительная фраза статьи выражает, пожалуй, главное в общем подходе автора: «обычное (для западной литературы – Л.Б.) приравнивание маоизма к сталинизму и, следовательно, постмаоистского режима к «десталинизации» – исторически ошибочно для обоих периодов». И маоистский, и постмаоистский Китай должны быть поняты как различные явления с их собственной историей, динамикой и противоречиями²³. Возможно, А.В. Меликсетов и А.В. Панцов, несмотря на совершенно иной, чем у М. Мейснера, подход, согласятся с этим?

-
1. Meliksetov A.V. (Institute of Asian and African Studies), A.V. Pantsov (Capital University, USA). Stalin, Mao, and the New Democracy in China // Вестник Московского Университета. Серия 13. Востоковедение № 2. С. 24-37. (Все ссылки на статью даны в тексте данных заметок).
 2. См. Березный Л.А. Об одном аспекте теории «начальной стадии социализма» // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 4. С. 64-68.
 3. Последнее было отмечено мной в публикации 1990 г.
 4. Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 4. С. 66.

5. См. Делюсин Л.П. Полемика о путях развития Китая // Китай. Поиски Путей социального развития. М. 1979; его же. Спор о социализме. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х. 2-е изд., испр. и доп. М. 1980.
6. Подробнее об одном из вариантов подобных представлений см. Белоусов С.Р. Китайская версия «государственного» социализма. М. 1989.
7. О современных дискуссиях см. Москалев А. Дискуссии о национализме в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 3.
8. Xian jieduande zhongguo sixiang (The Chinese Thought movement at the Present State, Shanghai, 1937); Zhongguo benwei wenhua jianshe taolun (Discussion on Indigenous Culture for China), (Shanghai. Wenhua jianshe yuekanshe, 1936).
9. Dirlik A. Modernism and Antimodernism in Mao Zedong's Marxism // Critical Perspectives on Mao Zedong's Thought. A. Dirlik, Paul Healy and Nick Knight (eds.). Humanities Press, New Jersey. 1997. P. 71-73.
10. Ibid. P. 82, п. 35; автор ссылается на Chang-tai Hung. War and Popular Culture: Resistance in Modern China, 1937-1945 (Berkley University of California Press, 1994):.
11. Dirlik. Op. Cit. P. 71.
12. Воззрения и общественно-политическая деятельность Чэнь Дусю все еще недостаточно, на мой взгляд, изучены в нашем китаеведении, в том числе и вопрос о том, в чем заключался «правый оппортунизм», в котором обвинило Чэня известное «совещание 7 августа» 1927 г.; не исключено, что внимательное чтение документов публикации «ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1-2. 1994, 1996» под этим углом зрения поможет хотя бы отчасти проявить какие-то аспекты названной проблемы.
13. Делюсин Л.П. Полемика о путях развития Китая. С. 114-116.
14. История Китая. Под ред. А.В. Меликсетова. М. 1998. С. 624.
15. Усов В.Н. КНР: от «большого скачка» к «культурной революции» (1960-1966 гг.). Ч. 1-2. Институт дальнего Востока. Информ. Бюлл. № 4. М. 1995. С. 200.
16. Думается, что окончательное суждение по этой непростой проблеме станет возможным только после того, как будут открыты архивы КПК; отметим однако, что А.В. Меликсетов, излагая ход событий в Китае в 1061-1962 гг., указывает на «столкновение двух группировок» в руководстве КНР и о процессе формирования «широкой оппозиции политике Мао» (Меликсетов А.В. История Китая. С. 668-671)
17. Усов В.Н. Указ. Соч. С. 199-200. Кстати, о сходстве некоторых положений новодемократического курса с НЭП'ом говорилось и в статье А.В. Меликсетова и А.В. Панцова; известно также, что на рубеже 70-80-х гг., когда намечались контуры политик реформ, в КНР проявляли большой интерес к теоретическому и практическому опыту НЭП'а.
18. История Китая. Под ред. А.В. Меликсетова. С. 720.
19. Там же. С. 706.
20. Там же. С. 670.
21. Усов В.Н. Указ. соч. С. 192.
22. P. Healy. Knight. Mao Zedong's Thought and Critical Scholarship // Critical Perspectives on Mao Zedong's Thought. A. Dirlik, P. Healy, and N. Knight (eds.). Humanities Press, New Jersey. 1997. P. 11.
23. Meisner M. Stalinism in the History of the Chinese Communist Party // Critical Perspectives on Mao Zedong's Thought. P. 202-203.

Документы, архивы

Американская разведка в Китае (1945-1956 гг.)

© 2002

Ю. Тотров

Данный материал подготовлен главным образом на основе рассекреченных материалов американских разведывательных органов и госдепартамента, хранящихся в Национальном Архиве США в Колледж Парке (NARA). В статье использованы также некоторые открытые публикации на эту тему, появившиеся в разные годы в США, Китае, Японии и СССР. Часть информации взята из интервью автора с бывшими сотрудниками УСС, ЦРУ и КГБ. Период исследования ограничен только 1945-1956 гг., хотя активные подрывные действия ЦРУ против КНР продолжались вплоть до установления американо-китайских дипломатических отношений в 1973 году.

В 1941 г. на момент нападения японцев на Пирл-Харбор, американская разведка в Китае была представлена лишь аппаратами военного и военно-морского атташе.¹ Накануне капитуляции Японии в 1945 г. в Китае действовало уже более дюжины разведывательных и контрразведывательных органов США.² Самым крупным из них являлось Управление стратегических служб (УСС).³ На 20 августа 1945 г. число его сотрудников в Китае достигло 1957 человек(!)⁴ Начальником этого разведоргана в Китае являлся полковник Ричард Хепнер⁵.

Однако вскоре после капитуляции Японии президент Трумен подписал указ, в соответствии с которым 20 сентября 1945 г. УСС в течение десяти дней было расформировано. В результате 1362 сотрудника его информационно-аналитических подразделений были переведены в Госдепартамент, а 9028 оперативных работников — в Военное министерство,⁶ где они составили костяк нового разведоргана — Подразделения стратегической службы (ПСС).⁷

21 октября 1945 г. штаб-квартира ПСС в Китае была переведена из Куньмина в Шанхай. Одновременно были закрыты резидентуры в Чанша и Хэньяне. Однако резидентуры в Кантоне, Ханькоу, Пекине, Тяньцзине, Циндао, Гонконге, а также на Тайване продолжили свою деятельность, хотя и в несколько сокращенном составе.⁸ В ноябре 1945 г. в связи с переводом Хепнера в США новым начальником ПСС в Китае стал его заместитель подполковник Роберт Делейни.⁹

Вскоре после капитуляции Японии главным объектом разведывательных устремлений китайской резидентуры ПСС стал СССР, а также пользо-

вавшаяся его поддержкой компартия Китая. Так, в оперативном плане этой резидентуры от 20 апреля 1946 г. из восьми позиций семь касались сбора информации о Советском Союзе вплоть до Урала. В разделе работы по контрразведывательной линии главным объектом были определены советские разведорганы в Китае.¹⁰

В феврале 1946 г. по штатному расписанию резидентуры ПСС в Китае числилось 260 человек. Кроме этого, значительное количество должностей (переводчиков с китайского, японского, русского языков и т.п.), не требующих допуска к секретной работе, замещалось лицами, нанятыми на месте.¹¹

После создания в США в январе 1946 г. нового разведывательного органа мирного времени — Центральной разведывательной группы (ЦРГ) было решено передать ей ПСС. А к сентябрю 1946 г. ЦРГ договорилась с ВМС США о том, что 7-й флот берёт китайский филиал этого подразделения на своё материальное довольствие.¹² При этом в Китае оно стало именоваться как “44-й Отряд внешних исследований” (“44-й ОВИ”).¹³ Чтобы не привлекать к себе особого внимания, этот разведорган действовал под вывеской “Группы связи Армии США”.¹⁴ После создания в сентябре 1947 г. в Вашингтоне на базе ЦРГ Центрального разведывательного управления все сотрудники этого органа стали числиться служащими ЦРУ.

Организационная структура “44-го Отряда внешних исследований” со штаб-квартирой в Шанхае в основном представляла собой копию в миниатюре структуры Центральной разведки в Вашингтоне. Она располагала весьма значительным автопарком (более 100 автомашин) и 12 самолетами.¹⁵

В мае 1946 г. это подразделение возглавил подполковник Эймос Д. Москрип, фактически ставший первым резидентом ЦРУ в Китае. Это был ветеран УСС, руководивший до этого индо-бирманским подразделением ПСС со штаб-квартирой в Сингапуре. Он командовал резидентурами в Юго-Восточной Азии - в Дели, Калькутте, Бангкоке, Рангуне, Сайгоне, Батавии и Медане.¹⁶

Хотя разведывательная секция резидентуры ПСС в Китае была более крупной, чем контрразведывательная, однако выполнение наиболее деликатных оперативных заданий обычно поручалось последней. Первым начальником этой секции являлся бывший сотрудник ФБР Артур М. Тёрстон. Это был весьма опытный работник, хорошо знакомый со всеми тонкостями профессии контрразведчика. В 1942-44 гг. он был первым представителем ФБР в Лондоне и поддерживал самый тесный контакт с контрразведывательным отделом СИС, в котором одну из руководящих должностей занимал Ким Филби. Несмотря на то, что Филби довольно критически относился к большинству контрразведчиков УСС, стажировавшихся в его отделе, о Тёрстене он отзывался как о “профессионале высокого класса, работать с которым было одно удовольствие”.¹⁷

Поначалу штаб-квартира ПСС в Шанхае размещалась в пятиэтажном массивном здании «Хант» на Фучжоу-роуд недалеко от приморского квартала Банд.¹⁸ В первой половине 1946 г. часть его служб переехала в комплекс зданий на авеню Петэн, № 841. Этот комплекс был обнесён трёхметровой кирпичной стеной с метровой защитой сверху из колючей проволоки. Последние три этажа центральной 16-этажной башни занимала контрразведывательная секция.¹⁹ Затем штаб-квартира ЦРУ в Китае обосновалась на верхних этажах генконсульства США в Шанхае, располагавшегося в 13-этажном «Гамильтон Хауз».²⁰

Понимая уязвимость разведчиков, действующих в объётой гражданской войной стране под прикрытием фиктивного воинского подразделения, в 1947 г. в Вашингтоне была достигнута договоренность с госдепартаментом о том, что ЦРГ будет предоставлен ряд должностей в некоторых дипломатических пред-

ставительствах США в Китае. Прежде всего одна должность вице-консула была выделена ЦРГ в генконсульстве в Шанхае. Это произошло 20 марта 1947 г.

28 апреля американской разведке были предоставлены по одной должности вице-консула в таких стратегически важных пунктах, как Мукден в Маньчжурии, а также Пекин и Циндао в Северном Китае. В мае 1947 г. по одному сотруднику ЦРГ появилось в консульских представительствах США в Кантоне и Дихуа.²¹ Причем, в отличие от разведчиков, работавших в «44-м ОВИ» и занимавшихся основной оперативной работой, сотрудникам ЦРГ, действующим под дипломатическим прикрытием, было строго указано на необходимость приложить все усилия, чтобы не расшифроваться.

В своём служебном рвении некоторые американские разведчики в Китае иногда нарушали неписаные правила оперативной работы и международной этики, что приводило к созданию конфликтных ситуаций в отношениях с советскими представительствами. Это вызывало нарекания со стороны госдепартамента, который к тому же был крайне недоволен тем, что сотрудники недавно созданной Центральной разведгруппы не считали нужным информировать руководителей дипломатических представительств США о своих операциях, чреватых серьезными последствиями в случае провала.

Один из таких инцидентов произошел в апреле 1946 г. в Мукдене.²² Вскоре после вывода из этого города советских войск и его занятия гоминьдановцами руководство ПСС решило создать там крупный разведывательный центр. Руководителем был назначен молодой, но весьма амбициозный капитан-десантник Джон Синглауб²³. Он начал свою деятельность в Мукдене с того, что потребовал, чтобы советское представительство КВЖД в течение суток освободило комплекс зданий американской компании «Сокони вакуум», где он планировал расположить свою резиденцию. Советские представители обратились с жалобой к местному генконсулу США Клаббу, который до этого работал во Владивостоке. В результате терпеливых уроков дипломатии со стороны многоопытного генконсула американский разведчик «пошел на уступки», предоставив русским отсрочку ещё на сутки. Свою агрессивность в отношении них Синглауб объяснил желанием «отплатить» за то, что в октябре 1945 г. советский военный комендант Мукдена генерал-майор Ковтун-Станкевич²⁴ потребовал, чтобы группа сотрудников УСС, прибывшая в город для организации эвакуации американских военнопленных (операция «Кардинал»), в течение 48 часов покинула пределы Маньчжурии. (Нашему военному коменданту было хорошо известно, что к середине сентября все бывшие американские военнопленные уже были отправлены на родину, и сотрудники УСС теперь занимались в Маньчжурии шпионской деятельностью с использованием заброшенных туда китайских агентов из группы католического епископа Мигана, работающего на УСС).²⁵

Учитывая поступающую в Вашингтон из американского посольства в Нанкине информацию о «несколько неблагоразумной» деятельности «44-го ОВИ», вызывающей беспокойство внешнеполитического ведомства, 18 апреля 1947 г. начальник китайского отдела госдепартамента Рингвалт пригласил начальника оперативного отдела ЦРГ Де-Барделебена²⁶ и напомнил ему, что ответственным за координацию деятельности всех государственных организаций США в Китае, включая представителей ЦРГ, является американский посол. Он призвал представителя американской разведки к более тесной координации с руководством посольства в Нанкине, от чего ЦРГ может только выиграть. Де-Барделебен обещал направить соответствующие указания своим представителям в Китае.²⁷

Поскольку в этот период из Вашингтона в Китай ежедневно поступало всё больше информационных заданий, касающихся Советского Союза, местной

резидентуре американской разведки приходилось активизировать свою работу по приобретению источников в различных представительствах СССР, а также среди местных советских граждан и белоэмигрантов. Однако в Шанхае и «на местах» ощущался резкий дефицит разведчиков, владеющих русским языком. Москрип постоянно ставил этот вопрос перед Центром. Так, в июле 1946 г. он весьма эмоционально объяснял своему руководству, что если при открытии резидентуры в Харбине в её составе не будет оперработников со знанием русского языка, то Вашингтон лишится «информации, стоящей миллионы долларов»...²⁸

Помимо работы по «советской линии» особое место в деятельности американской разведки в Китае занимал сбор информации о компартии и руководимой ею Народно-освободительной армии.

Руководство ЦРУ отчётливо понимало, что «ненавистный, жестокий, грабительский и коррумпированный»²⁹ режим Чан Кайши полностью себя дискредитировал и для того, чтобы найти демократическую альтернативу коммунизму в Китае, необходимо создать «третью силу». В качестве кандидата на роль главы этой альтернативной силы американцы наметили лидера левого крыла гоминьдана маршала Ли Цишэня.³⁰ А поскольку ему как оппозиционеру приходилось скрываться от гоминьдановских убийц в Гонконге, то туда на переговоры с ним зачастили американские «дипломаты» из Нанкина. Эта миссия была поручена хорошо владевшему китайским языком «атташе» посольства Фредерику Шульцхайсу³¹, а также его гонконгскому коллеге «вице-консулу» Юджину Миллигану, пришедшему в ЦРУ из ФБР.³² Однако этим разведчикам не повезло. Ли Цишэнь отказался от «заманчивого» предложения американцев и после провозглашения Китайской Народной Республики выехал в Пекин, где вошел в состав правительства нового Китая.

Компартия Китая, имеющая колоссальный опыт работы в подполье и успешной борьбы с контрразведкой Дай Ли и других гоминьдановских спецслужб, принимала энергичные меры по пресечению подрывной деятельности разведки США. Как показали последующие события, разведке КПК удалось успешно внедрить свою агентуру в представительства многих американских учреждений в Китае, включая разведорганы.

Первой чувствительной неудачей ЦРУ в Китае можно считать поспешную эвакуацию мукденского филиала «44-го ОВИ» в связи с наступлением НОАК. 9 октября 1948 г. последний сотрудник этого подразделения ЦРУ покинул город, а 1 ноября Мукден был уже освобожден войсками Линь Бяо.³³

Контрразведывательные органы народной власти немедленно приступили к нейтрализации многочисленной агентуры, оставленной в городе тремя основными гоминьдановскими спецслужбами.³⁴ От арестованных гоминьдановских агентов ниточка потянулась и к агентуре ЦРУ в Мукдене и других городах Северного и Северо-Восточного Китая. В ходе допроса арестованных американских агентов выяснилось также, что часть сотрудников ЦРУ использовали для встреч с ними служебные помещения генконсульства США. Были и другие соображения, по которым новые китайские власти 20 ноября 1948 г. установили строжайшую блокаду американского генконсульства, в котором осталось ограниченное количество дипломатических и технических сотрудников. В их числе был генконсул, а также сотрудник ЦРУ, ранее служивший в ПСС в Циндао.³⁵

После того, как было собрано достаточное количество материалов о подрывной деятельности американцев, 20 июня 1949 г. местная газета «Дунбэй жибао» опубликовала статью, в которой обвинила генконсульство США и «44-й ОВИ» в том, что они руководили деятельностью шпионской сети на Северо-Востоке Китая, состоявшей из японцев, монголов и китайцев. Генконсульство в

тот же день направило мэру Мукдена ноту протеста, отвергая выдвинутые в статье обвинения. Однако китайские власти отклонили протест, возвратив американцам их ноту.³⁶

26 ноября 1949 г. в Мукдене состоялся суд над арестованными агентами ЦРУ. Большинство из них были японцами, ранее работавшими в японской или гоминьдановской разведке. В качестве вещественных документов на суде фигурировали: радиопередатчики американского производства, шифрблочки, разведзадания и т.д. На суде было предано гласности имя руководителя местного отделения «44-го ОВИ» Синглауба, который фактически являлся главным резидентом ЦРУ в Маньчжурии, а также некоторых его подчиненных: резидента в Чанчуне Ричардсона, нисзя Нисиды, отвечавшего за связь с агентурой из числа японцев, оперработников Уолша, Крислоу и других.³⁷

Судебные процессы над арестованной американской агентурой прошли также в Тяньцзине, Пекине и других городах Китая после их освобождения НОА. Известно, что организацией оперативной разработки агентуры ЦРУ и её ликвидацией в Тяньцзине занимался опытный сотрудник разведки КПК Сюй Цзяньго, который впоследствии стал одним из заместителей министра общественной безопасности, а затем послом КНР в Румынии и Албании.³⁸

Во время Второй мировой войны советская внешняя разведка имела легальные резидентуры в двенадцати городах Китая. Восемь из них, учитывая стратегическую важность граничащего с СССР Синьцзяна, находились в этой провинции.³⁹

Американцам к началу 1947 г. удалось наладить регулярное поступление информации из основных районов объёмого гражданской войной Китая. Ещё в 1946 г. в древней столице Синьцзяна городе Дихуа США открыли своё консульство, однако всё же испытывали недостаток информации об обстановке в этом обширном западном регионе страны, богатом запасами урановой руды, золота и нефти и имеющим тесные отношения с СССР. В этой связи руководство ЦРГ приняло решение о создании своей резидентуры под консульским прикрытием в Дихуа.

На должность резидента в Дихуа был подобран 34-летний Дуглас С. Маккирнан, закончивший войну в звании подполковника. Он с детства владел французским, испанским и немецким языками, затем выучил также русский и китайский. Работал сначала в Управлении метеорологии США, затем был начальником секции криптоанализа ВВС в Вашингтоне, а с 1943 г. и до конца войны служил в Дихуа, где базировалась 233-я метеостанция 10-й эскадрильи ВВС США в Китае. Одной из его основных задач был радиоперехват и дешифрование советских кодированных радио-метеосводок.

В мае 1947 г. Маккирнан прибыл в Дихуа на самую низкую техническую должность консульского клерка, однако тут же снял у одного из белоэмигрантов шикарный особняк с десятью спальными комнатами. В качестве повара, смотрителя за домом и конюха он нанял антисоветски настроенных белоэмигрантов. Вскоре через своих русских помощников он установил контакт с руководителем местной националистической казахской группировки, возглавляемой Усман-батыром.

С августа 1949 г. в связи с успешным наступлением НОАК на всех фронтах, началось всеобщее закрытие дипломатических учреждений США в Китае. Эвакуация сотрудников, включая действующих под их прикрытием разведчиков ЦРУ проходила гладко, пока очередь не дошла до консульства в Дихуа.

Для резидента ЦРУ в Дихуа Маккирнана единственным способом не попасть в руки контрразведки китайских коммунистов было бежать в Индию через Тибет, поскольку все остальные пути были отрезаны. Однако его тяже-

лейшая семимесячная одиссея через безводную пустыню Такла-Макан и обледенелые Гималаи закончилась трагически. 29 апреля 1950 г., несмотря на то что о его предстоящем прибытии в Лхасу далай-лама был уведомлен Вашингтоном, тибетские пограничники по ошибке застрелили его и двух его русских спутников, а затем по местному обычаю обезглавили их трупы.

Дуглас Маккирнан стал первым в списке сотрудников ЦРУ, погибших при исполнении служебных обязанностей.⁴⁰

По мере того, как компартия устанавливала свой контроль на всё большей территории страны, из Китая в первую очередь эвакуировались такие подразделения ЦРУ как «44-й ОВИ», сотрудники которого не имели дипломатического прикрытия. В конце 1948 г. большинство из них в организованном порядке на кораблях ВМС США покинуло Шанхай. Это подразделение временно обосновалось на Тайване на бывшей базе японских «камикадзе» в Пиндуне недалеко от порта Гаосюн.⁴¹ К середине июня 1949 г. «на материке» не осталось ни одного сотрудника ЦРУ.⁴²

В отделе Дальнего Востока ЦРУ заранее готовились к такой ситуации, когда в Китае будут закрыты все резидентуры под дипломатическим и военным прикрытиями и бремя поддержания связи с агентурой ляжет на плечи разведчиков, действовавших под так называемыми глубокими прикрытиями — бизнесменов, журналистов, миссионеров и т. п. Одним из таких разведчиков был Хью Редмонд, которому было поручено остаться в Шанхае после прихода коммунистов под видом сотрудника американской фирмы «Женнингсен».

Однако контрразведчики ЦРУ очевидно пренебрегли тем фактом, что Редмонд по прибытии в Китай в течение двух лет работал в Мукдене, Пекине и Шанхае под прикрытием «44-го ОВИ». Вероятно, они не допускали мысли о том, что Редмонд мог быть уже известен контрразведке КПК как разведчик. Эта роковая небрежность привела к тому, что 26 апреля 1951 г. Редмонд был арестован. Вместе с ним органы безопасности Шанхая арестовали семь его китайских агентов. Это был первый в истории ЦРУ серьёзный провал американского разведчика под «глубоким прикрытием».⁴³

К сентябрю 1949 г. в Японии на военно-морской базе США в Йокосука был создан новый Центр операций ЦРУ против Китая, закодированный как «Отряд полевых исследований» (ОПИ)⁴⁴ Его возглавил ветеран УСС Вильям Э. Дагган. Костяк этого подразделения составили бывшие сотрудники «44-го ОВИ», а также разведчики, работавшие в Китае под дипломатическим прикрытием.⁴⁵

25 апреля 1950 г., в день, когда в Китае было закрыто последнее дипломатическое представительство США — генконсульство в Шанхае — президент Трумен подписал Директиву СНБ № 68, определявшую стратегию США в «холодной войне» по «сдерживанию коммунизма». Составной частью этой стратегии «сдерживания» являлись «активные операции», которые должно было проводить ЦРУ. Одним из главных объектов таких операций была Китайская Народная Республика.⁴⁶

Этот вопрос встал перед ЦРУ ещё более остро после того, как 24 июня 1950 г. началась война в Корее. Служба координации политики⁴⁷, отвечавшая в ЦРУ за «активные» (читай, полувоенные, диверсионные и т.п.) операции, получила дополнительные миллионы долларов и возможность значительного увеличения кадрового состава.

Поскольку подразделение в Йокосука подчинялось Службе специальных операций⁴⁸ ЦРУ, занимавшейся агентурной работой, в Японии было решено создать также подразделение Службы координации политики, которое организовывало бы проведение «активных операций» против КНДР и КНР. Начальником этого особого подразделения ЦРУ был назначен американец дат-

ского происхождения Ханс Тофте. До войны он в течение 10 лет прослужил в пароходной компании в Пекине и Маньчжурии, а затем активно сотрудничал с УСС в Европе. Он владел шестью иностранными языками, включая китайский.

Тофте сразу проявил себя как весьма энергичный работник. Когда в 1950 г. он прибыл в Японию, в его распоряжении было лишь шесть человек, офис которых находился в номере одного из токийских отелей. Вскоре в его подразделении на военной базе Ацуги⁴⁹, занимавшем территорию более 20 гектаров, уже работало более тысячи сотрудников.

Подразделение Тофте развернуло широкую сеть разведшкол и специальных центров подготовки агентуры и диверсантов из числа корейцев и китайцев для их заброски в Корею и Китай. Такие разведшколы существовали на Тайване, в Южной Корее, в Японии и на острове Сайпан в Микронезии.⁵⁰

В ноябре 1950 г., после того как Китай направил своих добровольцев на помощь остаткам армии КНДР, прижатым к пограничной с КНР реке Ялу, Служба координации политики ЦРУ получила указание разработать комплекс таких мероприятий, которые хоть в какой-то степени отвлекли бы военные усилия КНР от Кореи. Непосредственными исполнителями этого архиважного задания были назначены два боевых полковника - начальник Дальневосточного отдела этой Службы Ричард Стилуэлл и начальник китайской секции Вильям Дебай.

Вскоре на острове Тайвань появилось крупное подразделение ЦРУ под прикрытием частной экспортно-импортной компании «Вестерн Энтерпрайз Инкорпорейтид» («ВЭИ»)⁵¹. Формально её учредителем в феврале 1951 г. являлся некий Фрэнк Брик, который при ближайшем рассмотрении оказался бывшим сотрудником УСС, работавшим вместе с генералом Донованом. Секретарём-казначеем этой «компании» был избран выпускник Вест-Пойнта полковник Эдвард Гамильтон. Президентом ВЭИ был назначен бывший сотрудник ФБР Чарльз Джонстон, во время войны занимавшийся в Китае обучением сотрудников разведки и контрразведки Дай Ли американским методам работы. А поскольку штаб-квартира ВЭИ находилась в Питсбурге, первичное оформление всех её сотрудников, направлявшихся в Тайбэй, проходило через «питсбургского Чарли». В марте 1951 г. на Тайване уже появились первые сотрудники ВЭИ, представлявшие Службу координации политики ЦРУ. (Сотрудники Службы специальных операций ЦРУ, учитывая противодействие госдепартамента, направлялись на остров под прикрытием гражданских служащих ВМС США). К 1954 г. численность этого подразделения ЦРУ на Тайване достигла 600 человек. Его начальником сначала был ветеран УСС полковник Рэй Пирс, возглавлявший во время войны знаменитый «101 Отряд» в бирманских джунглях, а затем - полковник Роберт Делейни, также ранее занимавший руководящие должности в УСС и ПСС в Китае.⁵²

Руководство ЦРУ поставило перед своим филиалом на Тайване две основные задачи:

1) Использование примерно 50 островов у побережья континентального Китая, в основном в районе провинций Фуцзянь и Чжэцзян, которые находились под контролем вооруженных сил Чан Кайши, для организации постоянных военных акций против прибрежных районов КНР, распространения пропагандистских материалов, а также заброски диверсионных и разведывательных групп.

2) Оказание конкретной помощи антиправительственным силам в северо-западных провинциях Китая, состоявшим в основном из антикоммунистически и националистически настроенных уйгуров, дунган, казахов, монголов, тибетцев и представителей других национальностей.

Сотрудники «ВЭИ», имевшие богатый опыт диверсионно-подрывных действий в УСС, быстро развернули «работу». Действуя в тесном контакте с тайваньской разведкой Управлением охраны секретов (УОС), возглавляемой генералом Мао Жэньфэном⁵³, они основали свои опорные базы на основных прибрежных островах, где существовали также гарнизоны тайваньского режима.

Поскольку ещё со времён антияпонской войны многие жители ряда прибрежных островов, традиционно занимавшиеся контрабандой и пиратством, сотрудничали с разведкой генерала Дай Ли⁵⁴, то его преемнику Мао Жэньфэну не составило особого труда привлечь эти криминальные группировки к совместному с тайваньскими ВМС и «коммандос» участию в рейдах на прибрежные районы материка, а также к захвату иностранных торговых судов, направлявшихся в Китай. Естественно, что большинство таких акций разрабатывалось и финансировалось ЦРУ.

Не последнее место в подрывных операциях «ВЭИ» занимали такие операции психологической войны, как разбрасывание над территорией Китая антиправительственных листовок и пропагандистских материалов, за изготовление которых отвечали на Тайване представители оперативно-технического отдела, созданного в ЦРУ в 1951 г. Подобные акции обычно приурочивались к каким-либо знаменательным датам в жизни КНР или в китайско-советских отношениях. Так, в феврале 1954 г. в день 4-й годовщины Советско-китайского договора о дружбе над Шанхаем и рядом других городов были разбросаны тысячи таких листовок.⁵⁵

Военно-морские корабли Тайваня совместно с профессиональными пиратами под руководством советников ЦРУ регулярно совершали нападения и захваты иностранных судов, доставлявших коммерческие и гуманитарные грузы в КНР.⁵⁶

Одной из таких акций гоминьдановской разведки и ВМС было участие в операции ЦРУ под кодовым названием «Стоул». Цель этой операции состояла в том, чтобы помешать Индии оказать КНР гуманитарную помощь медикаментами и медицинским оборудованием. Для её перевозки было зафрахтовано норвежское судно, на котором, в частности, было полное оборудование для трёх полевых госпиталей. ЦРУ приказало перехватить этот груз, выделив на проведение операции «Стоул» миллион долларов. Сотрудники УОС на кораблях тайваньских ВМС успешно осуществили эту дерзкую акцию. Американские советники ЦРУ также участвовали в ней, однако не поднимались на верхнюю палубу⁵⁷.

Чаще всего нападениям в тайваньском проливе подвергались английские торговые суда, доставлявшие коммерческие грузы в КНР. Причем в некоторых случаях на флагштоке пиратских кораблей ниже тайваньского флага развевался также «Чёрный Роджер» с черепом и костями...⁵⁸

Как заявил в ноябре 1954 г. в палате общин парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании, с сентября 1949 г. в этом районе имел место 141 случай нападений тайваньских ВМС на английские суда. В результате капитан одного судна был убит, старший офицер другого — ранен. Был причинен значительный материальный ущерб судовладельцам и грузополучателям. Королевские ВМС были вынуждены принимать меры по охране британских судов.⁵⁹

В октябре 1953 г. тайваньские военно-морские корабли захватили польское коммерческое судно «Праца», а в мае 1954 г. — «Президент Готвальд».⁶⁰

В ночь с 22 на 23 июня 1954 г. два корабля ВМС Тайваня, эсминец «№ 12» и корвет «№ 21», в международных водах под угрозой оружия задержали советский танкер «Туапсе» и отвели его в порт Гаосюн. Через пять лет на экраны советских кинотеатров вышел двухсерийный фильм «ЧП»

(“Чрезвычайное происшествие”), в основу которого была положена эта акция гоминьдановской и американской разведок.

Следует отметить, что захват «Туапсе» явился для руководства СССР действительно настоящим «ЧП». И дело было не только и не столько в потере танкера и перевозимого им груза горючего, а прежде всего в том, что в результате изощренной психологической обработки и жестких мер физического воздействия из 49 членов экипажа 20 человек стали «невозвращенцами». От тех, кто через год вернулся на Родину, стало известно, что помимо чанкайшестских разведчиков, хорошо владевших русским языком, в обработке моряков «Туапсе» активно участвовали известные деятели НТС, ОУН, а также другая агентура американской разведки из числа бывших советских граждан. Непосредственным руководителем обработки команды танкера являлся сотрудник «советского отдела» ЦРУ Александр Соголов, который нехватку аргументов зачастую подкреплял угрозами, размахивая пистолетом.⁶¹

Помощь мусульманским и иным этническим группам, ведущим партизанскую войну против центрального правительства в северо-западных провинциях Китая, ЦРУ оказывало ещё в тот период, когда в этих краях активно действовала многотысячная конная армия бывшего губернатора провинции Цинхай генерала Ма Буфана и его двоюродного брата генерала Ма Хункуя, приватера Ганьсу. В мае 1949 г. армии братьев Ма совместно с частями гоминьдановского генерала Ху Цзуннана под Ланьчжоу даже удалось нанести поражение подразделениям НОА под руководством Пэн Дэхуая. Однако в конечном счете, в августе 1949 г. НОА разгромила своих противников и братья Ма вынуждены были бежать за границу. Ма Буфан, захватив с собой 1,5 миллиона долларов в золотых слитках, на самолете авиакомпании «Сивил Эйр Транспорт»⁶², принадлежавшей ЦРУ, направился сначала в Мекку, а его брат — непосредственно в Южную Калифорнию. Часть разбитой армии мусульманских генералов нашла прибежище в Пакистане и Афганистане, другая часть продолжила вооруженное сопротивление в труднодоступных районах родных провинций. Одной из таких партизанских групп командовал сын Ма Хункуя Ма Цихуа, с которым поддерживало связь Управление охраны секретов.

Получив от Мао Жэньфэна информацию о том, что мусульманские партизаны, действовавшие в северо-западных провинциях КНР, испытывают острую нужду в оружии, боеприпасах, средствах связи и т.п., ЦРУ приняло решение об оказании им помощи. Для начала на одной из специальных баз ЦРУ севернее Тайбэя была подготовлена группа радистов из числа выходцев из этого района Китая. А поскольку в случае успешной заброски этой агентурной группы планировалось наладить регулярные полёты самолётов ЦРУ в данный регион, то основная задача этих агентов состояла в своевременной информации «ВЭИ» о метеорологических условиях на месте.

В марте 1952 г. самолет “ВЭИ” С-54 без опознавательных знаков совершил выброску первой агентурной группы и партии военного снаряжения для партизан Ма Цихуа. Операции ЦРУ по заброске агентуры, оружия, боеприпасов и других военных грузов для мусульманских повстанцев в провинциях Ганьсу и Цинхай продолжались до 1954 г. На заключительном этапе этой операции ЦРУ использовало предоставленные для этой цели ВВС США самолеты Б-17, летавшие на большей высоте, чем обеспечивалась повышенная безопасность полетов.

Однако, несмотря на помощь ЦРУ, антиправительственные вооруженные группы на Северо-Западе Китая к 1955 г. были ликвидированы.⁶³

В 1954 г. вместо «ВЭИ» на Тайване было создано новое подразделение ЦРУ под прикрытием ВМС США. Как обычно, его название ничего общего с

ЦРУ не имело: «Вспомогательный центр связи ВМС»⁶⁴ Его шефом был назначен Вильям Дагган, переведенный из Японии.

Примерно в одно время с созданием на Тайване «Вестерн Энтерпрайз» в Бангкоке появилось другое подразделение ЦРУ под прикрытием фиктивной частной компанией «СИ Саплай Корпорейшен» («ССК»)⁶⁵ Его возглавил бывший начальник разведывательного отдела УСС в Китае полковник Пол Хеллвелл.

В начале февраля 1951 г. «ССК» приступила к осуществлению операции «Пейпер». На роль её главного действующего лица ЦРУ подобрало бывшего командующего чанкайшистской армией в Центральном Китае генерала Ли Ми, который после разгрома его войск НОАК с остатками 97-й и 193-й дивизий нашел убежище в горных районах Бирмы и северного Таиланда, граничащих с китайской провинцией Юньнань. На начало 1951 г. под ружьём у Ли Ми было около 4 тысяч солдат, которые в основном занимались производством и контрабандой опиума. По плану операции «Пейпер» ЦРУ намеревалось должным образом укрепить «армию Ли Ми», оснастив её современным оружием, а затем использовать для вторжения на территорию КНР.

Вскоре с военных складов армии США на о.Окинава самолётами «Сивил Эйр» в расположение банд Ли Ми парашютами стало забрасываться современное вооружение, начали прибывать американские советники. С Тайваня самолетами той же авиакомпании ЦРУ стал перебрасываться дополнительный воинский контингент. Через некоторое время «дивизия генерала Ли Ми» насчитывала уже 12 тысяч солдат. Выросло и количество сотрудников «ССК» в Таиланде. В конце 1953 г. их было около 200 человек. Кроме того 76 разведчиков ЦРУ работало под прикрытием посольства США в качестве «советников» под руководством ветерана бирманской кампании УСС Шермана Джуста. Координация операцией «Пейпер» была возложена на резидента Службы координации политики ЦРУ в Гонконге Альфреда Кокса, который также являлся опытным ветераном «полувоенных» операций УСС в Китае.

В апреле 1951 г. крупный отряд генерала Ли Ми численностью в две тысячи человек двумя колоннами совершил первое вторжение на территорию КНР. Ему удалось проникнуть на 60 километров вглубь провинции Юньнань. Однако через неделю этот отряд был разгромлен частями НОАК и его остатки бежали в Бирму. В июле того же года Ли Ми поручил своему заместителю Лю Гоцюаню совершить очередное вторжение. Но и эта вылазка на территорию КНР оказалась неудачной. Всего в 1951-53 гг. ЦРУ организовало семь попыток вооруженного вторжения отрядов Ли Ми на территорию КНР.

Военная активность генерала Ли Ми, направленная с территории Бирмы против дружественной Китайской Народной Республики, его тесные контакты с выступавшими с сепаратистских позиций горными племенами каренов и качинов, а также с ведущими партизанскую войну против правительственных сил отрядами одной из бирманских компартий вынудили правительство Бирмы начать наступление на укрепленный лагерь Ли Ми на севере страны. Несмотря на наличие у бирманской стороны документальных доказательств о причастности ЦРУ к преступной деятельности остатков гоминьдановской армии на территории Бирмы, правительство Соединенных Штатов упорно отказывалось признать это. Это привело к серьёзному осложнению американо-бирманских отношений, вылившемуся в решение правительства Бирмы в одностороннем порядке свернуть все программы американской помощи в стране.

Как признали сами американцы через несколько лет, гоминьдановские батальоны на территории Бирмы не принесли США «ничего кроме проблем», поскольку «они не имели достаточных возможностей для того, чтобы даже сковать значительные силы китайских коммунистов».⁶⁶

Летом 1952 г. Службы координации политики и специальных операций ЦРУ были объединены в Департамент планирования (с 1974 г. Оперативный департамент). Во всех странах, где до этого фактически существовали две резидентуры ЦРУ, был назначен главный резидент. В Японии им стал отставной адмирал Харви Овериш.⁶⁷ Назначение этого 59-летнего моряка региональным резидентом ЦРУ, отвечающим за операции американской разведки против Китая из Японии, Кореи, Гонконга, Таиланда, а также с Тайваня, вызвало у многих профессионалов разведки недоумение. Было известно, что к разведке Овериш имел отношение только в 1937-40 гг., будучи военно-морским атташе в Пекине. Последние шесть лет, уйдя в отставку, он был сначала вице-президентом гавайской компании, торгующей ананасами, а затем директором крупной страховой фирмы в Чикаго. Как бы то ни было, ЦРУ под его руководством продолжало свои операции по заброске агентуры в Китай. Тем более, что заместителем Овериша был Ллойд Джордж, возглавлявший до этого Дальневосточный отдел ЦРУ.

Однако подобно тому, как советской контрразведке во время Великой отечественной войны удалось внедрить своих людей в ряд немецких разведшкол, готовивших агентуру для заброски к нам в тыл, а после войны проделать то же самое с американской и английской разведками, органы безопасности КНР успешно проникли в ключевые отделы гоминьдановских спецслужб, поставлявших кадры для разведшкол ЦРУ, а также в сами американские центры подготовки. Именно по этой причине большинство агентурных групп, забрасываемых ЦРУ в Китай и Корею, почти сразу же обезвреживалось местными органами безопасности или начинали работать под их контролем.

В ноябре 1952 г. в результате одной из таких оперативных игр с американцами в провинции Ляонин контрразведчикам КНР удалось подбить самолет ЦРУ, который с помощью специального приспособления на бреющем полёте должен был взять на борт одного из американских агентов. В результате аварийной посадки два пилота-американца погибли, все семь членов агентурной группы из числа китайцев расстреляны, а два сопровождавших их сотрудника ЦРУ с базы Ацуги - Джон Дауни и Ричард Фекто — взяты в плен. Это был серьёзный провал ЦРУ, в результате которого заброска агентуры в Северный и Северо-Восточный Китай была приостановлена.

После многомесячных допросов, в ходе которых китайская контрразведка получила достаточно полное представление о структуре, личном составе, методах работы, а также о других интересовавших её моментах подрывной деятельности ЦРУ против КНР, Дауни был приговорён к пожизненному заключению, Фекто — к 20 годам. Последний был освобожден в 1971 г. в качестве жеста доброй воли китайского правительства накануне приезда президента Никсона в Китай. Дауни был помилован китайцами в 1973 г. после того, как Никсон открыто признал, что тот являлся сотрудником ЦРУ.⁶⁸

Одной из приоритетных задач ЦРУ в 50-е гг. было физическое устранение руководителей КПК, НОАК и КНР — Мао Цзэдуна, Чжу Дэ, Чжоу Эньлая и других. Однако осуществить эти замыслы ЦРУ не удалось. 26 сентября 1950 г. органы безопасности КНР арестовали в Пекине группу длительное время проживавших в Китае иностранцев, которые признались в том, что по заданию американской разведки планировали 1 октября 1950 г. во время празднования годовщины Китайской Народной Республики совершить покушение на её руководителей, обстреляв правительственную трибуну на площади Тяньаньмынь из миномёта.

17 августа 1951 г. военный трибунал пекинского военно-революционного комитета под председательством министра общественной безопасности Ло

Жуйцина приговорил главных обвиняемых по этому делу итальянца Антонио Рива и японца Ямагути Рюити к смертной казни.⁶⁹

В 1950-54 гг. руководство КНР приняло ряд жестких мер, направленных на повышение эффективности в борьбе с засылаемой в страну американской и гоминьдановской агентурой.

Учитывая многочисленные провалы ЦРУ в Китае, в 1956 г. руководство ЦРУ поручило отделу инспекции разобраться в их причинах. Тщательно изучив все материалы Центра операций против Китая, располагавшегося сначала в Японии, а с 1955 г. -- на базе Субик-бэй на Филиппинах, инспекция пришла к выводу, что вся его деятельность была «пустой тратой сил и средств».⁷⁰

В американскую печать просочились некоторые сведения, свидетельствовавшие о том, что китайским спецслужбам удалось внедрить свою агентуру в ключевые структуры ЦРУ, имевшие отношение к операциям против КНР.

Так, в частности, выяснилось, что «радистом Ли Ми в «СИ Саплай» в Бангкоке был агент китайских коммунистов, который периодически информировал Пекин о местонахождении Ли Ми и его армии».⁷¹

Оказалось, что Дауни и Фекто не планировали лететь на том самолёте ЦРУ С-47 в провинцию Ляодун, где его ожидала засада. Но почему-то накануне вылета вдруг неожиданно заболели два американских агента-китайца с базы Ацуги, которые во время «вывода» из Китая на этом самолёте агента ЦРУ должны были выполнять чисто техническую функцию.⁷²

Начальником штаба тайваньского гарнизона на острове Байцюань и личным другом местного резидента ЦРУ оказался агент разведки КНР.⁷³

Только в 1951-53 гг. в КНР было заброшено 212 агентов ЦРУ. Из них 101 был убит на месте «возмущенными крестьянами» и 111 арестованы китайской контрразведкой...⁷⁴

Летом 1956 г. руководство ЦРУ приняло решение о закрытии Центра операций против Китая на Филиппинах.⁷⁵ Это можно было расценивать как провал политики США, направленной на организацию свержения правительства Китайской Народной Республики и создания там надежных источников информации.

1. Maochun Yu. OSS in China: prelude to Cold War. New Haven, 1996. P. 53.

2. Op. cit. P. 199.

3. Office of Strategic Services (OSS) – американский диверсионно-разведывательный орган периода Второй мировой войны. Был создан 13 июня 1942 г. по приказу президента Рузвельта, в соответствии с которым Управление координации информации, УКИ, (Coordinator of Information, COI), было разделено на Управление военной информации, УВИ, (Office of War Information, OWI) и Управление стратегических служб, УСС. Директором УСС был назначен полковник Вильям Донован, возглавлявший до этого УКИ.

4. Office of Strategic Services, China Theater, Strength Report as of 20 August 1945. NARA, Records Group (RG) 226, Entry 168, Box 7, Folder 113.

5. Richard G. Heppner (1909 – 1958), окончил юридические факультеты Принстонского и Колумбийского университетов. До войны — младший юридический партнер адвокатской конторы В. Донована в Нью-Йорке. В 1942 г. занимал руководящую должность в представительстве УСС в Лондоне, в 1943 г. — в Индии и на Цейлоне. 9 декабря 1944 г. был назначен начальником УСС в Китае.

6. Thomas F. Troy. Donovan and the CIA: A history of the establishment of the Central Intelligence Agency. Frederick, Md., 1981. P. 284, 302-303.

7. Strategic Services Unit (SSU) – разведывательный орган США, существовавший с 1 октября 1945 г. в составе Военного министерства. 8.7.1946 г. передан Центральной разведывательной группе (ЦРГ).

8. SSU CT Operational Report from 12.00 Thursday 18 October to 12.00 Thursday 25 October 1945, 25 October 1945. CIA Electronic Document Release Center, Case Number: F-1990-00680, Document # 109823. P. 1.
9. Maochun Yu. Op. cit. P. 252; Robert J. Delaney — выпускник 1940 г. Военной академии США Вест Поинт. В 1943-44 гг. командир батальона легендарного «101-го подразделения» УСС, действовавшего против японской армии в бирманских джунглях. В 1945 г. — заместитель начальника УСС в Китае, с ноября 1945 по июнь 1946 г. — начальник ПСС в Китае. В декабре 1946 г. назначен специальным представителем ЦРГ при штабе генерала Макартура в Японии. В 1951-52 гг. — заместитель резидента, в 1952-54 гг. — резидент ЦРУ на Тайване.
10. Revised Plan for Continued SSU Operations. Delaney to Director, SSU. 20 April 1946. NARA, RG 226, M1642, Roll 47.
11. Table of Organization, SSU CT. 25 February 1946. NARA, RG 226, M1642, Roll 47.
12. Cable, Secret IVI, Priority, Commander, 7th Fleet to Chief of Naval Operations, 28 September 1946. NARA, RG 226, E. 90, B. 3, F. 34.
13. External Survey Detachment #44 (ESD 44).
14. US Army Liaison Group (US ALG).
15. Tentative plan for the limited control and full logistic support of SSU, China, by 7th Fleet. NARA, RG 226, M1642, Roll 47.
16. Maochun Yu. Op. cit. P. 260; Interview with Mr. Gilpatric of Staff Division II, 6 March 1946. NARA, RG 226, M1642, Roll 47.
17. History of X-2 Branch, CT. 2 January 1946. NARA, RG 226, Entry 182, Box 36, Folder 195; Kim Philby. My silent war. UK, 1976. P. 78.
18. Интервью с бывшими сотрудниками УСС.
19. Lt.Col. Delaney to Col. Little. 6 May 1946. NARA, RG 226, M1642, Roll 47.
20. Интервью с бывшими сотрудниками ЦРУ.
21. Department of State Foreign Service List, 1 October 1948. P. 11-12.
22. John K. Singlaub. Hazardous duty. NY, 1991. P. 126-128.
23. Джон К. Синглауб — 1921 г. р., в 1942 г. был переведен в УСС из парашютно-десантного полка. Принимал участие в операциях УСС сначала в Европе, затем в Китае. Проявил себя как смелый и решительный спецназовец. В 1946-48 гг. — резидент ПСС-ЦРУ в Мукдене. В 1949 г. возглавлял китайскую секцию в ЦРУ. В середине 1949 г. возвратился на службу в Армию США. В 1952 г. — зам. резидента ЦРУ в Корее. С 1953 г. — снова в спец. войсках армии США. Принимал участие в боевых действиях во Вьетнаме и Лаосе. Дослужился до генерал-майора. После ухода в отставку был избран президентом Всемирной антикоммунистической лиги. Являлся одним из главных действующих лиц скандала «Иран-контрас».
24. Генерал-майор Андрей Игнатьевич Ковтун-Станкевич (1900-1986) — в 1945-46 гг. был военным комендантом Мукдена. Следует отметить, что в документах УСС он ошибочно проходит как Кавкун Станкевич (Kavqun Stankevich).
25. Top secret cable, Commanding General USF CT, Chungking, to War Department. 5 October 1946. NARA, RG 226, Entry 90, Box 3, Folder 36
26. Daniel De Bardeleben — 1899 г.р. В 1923 г. окончил Военную академию США, служил в армии. В 1943-45 гг. — в УСС, затем в ЦРГ и ЦРУ. С ноября 1949 г. — резидент ЦРУ в Англии.
27. Top secret Memo of conversation. CIG activities in China. 18 April 1947. NARA, RG 59, Entry 1561, Box 7.
28. Lt. Col. Moscrip to Col. Quinn. 17 July 1946. NARA, RG 226, M1642, Roll 47.
29. Evan Thomas. The very best men. NY, 1995. P. 274.
30. FRUS, VII. P. 10, 248-250, 259; Ли Цишэнь (1885-1959). Уроженец провинции Гуанчжоу. В 1925 г. — нач. генштаба национально-революционной армии Гоминьдана, зам. начальника военной академии Вампу. В 1927 г. принял участие в антикоммунистическом перевороте Чан Кайши. После начала японской агрессии против Китая участвовал в создании в 1933 г. в г. Фучжоу «народно-революционного правительства Китайской республики» для борьбы с японцами и Чан Кайши. В дальнейшем призывал Гоминьдан объединить свои усилия в антияпонской борьбе с КПК. В 1948 г. возглавил отколовшуюся от Гоминьдана партию Революционный комитет Гоминьдана. После провозглашения КНР стал одним из заместителей председателя Центрального народного правительства.

31. Frederick D. Schultheis – 1907 г.р. Специалист по Китаю и китайскому языку, который изучал в Вашингтонском и Колумбийском университетах, затем в Пекине. В 1942-46 гг. — в военной разведке и УСС в Китае. В 1947-49 гг. — под дипломатическим прикрытием в Нанкине, в 1949-51 гг. — в Гонконге, 1951-52 гг. — в Маниле и с декабря 1952 г. — в Токио.
32. Leroу Eugene Milligan – 1919 г.р. После окончания колледжа в 1941-45 гг. служил в ФБР, с 1947 г. — в ЦРУ. В 1948-51 гг. — под дипломатическим прикрытием в Кантоне и Гонконге. Затем до 1955 г. — в Японии. С 1955 по 1970 г. возглавлял резидентуры ЦРУ в Пакистане, Египте, на Цейлоне и др. странах. Занимал руководящую должность в ЦРУ.
33. Singlaub. Op. cit. p. 148-149.
34. В 1948 г. в гоминьдановском Китае существовали три основных спецслужбы: 1). Управление охраны секретов (УОС) Министерства обороны (“Баомицзюй”) (см. № 53) 2). Управление информации членов партии при ЦИК Гоминьдан («Дантунцзюй»), созданное в апреле 1947 г. на базе существовавшего с 1938 г. Управления исследований и статистики при ЦИК Гоминьдан «Чжунтунцзюй). 3). Второй (разведывательный) отдел Генштаба МО.
35. Fred E. Hubbard – 1914 г.р. По образованию юрист. В 1942-46 гг. служил по линии УСС-ПСС-ЦРГ в Китае. С апреля 1947 г. — под прикрытием генконсульства в Мукдене. В 1951-63 гг. — в Найроби, Анкаре, Лиссабоне. В 1965-69 гг. — резидент ЦРУ в Осло. Затем — на руководящей должности в Службе контрразведки ЦРУ.
36. To the Secretary of State from the US Consul General, Mukden. Possible Communist motives for the confinement of the Consulate General. 11 May 1949. NARA, RG 263, Murphy Collection, Box 29, Folder 44.
37. Дунбэй жибао. 1949. 2 декабря.
38. Сун Линь. Хунсэ дацзегуань.(Красные берут власть.) Пекин, 1998. С. 492-526; Roger Faligot & Remi Kauffer. The Chinese Secret Service. London, 1990. P. 480.
39. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 21.0
40. Ted Gup. The book of honor. NY, 2000. P. 9-35.
41. Интервью с бывшими сотрудниками ЦРУ.
42. Memorandum Howe to Butterworth. 22 June 1949. NARA, RG 59, Entry 1561, Box 7.
43. Maury Allen. China spy. NY, 1998; Gup. Op. cit. P. 43-66; John K. Singlaub. Op. cit. P. 157-8.
44. Field Research Unit (FRU) — с 1949 г. подразделение ЦРУ на базе ВМС США в Йокосука.
45. Matthew M. Aid. US HUMINT and COMINT in the Korean War. Intelligence and National Security. Vol. 14. 1999. #4. P. 20, 22; CIA Staff Conference Minutes. 10 Dec. 1951. NARA, RG 263, Entry 36, HRP 89-2/00443, Box 8, File: 725 DCI Staff Meetings.
46. Ted Gup. Op. cit. P. 33.
47. Office of Policy Coordination (OPC) — Служба активных операций ЦРУ, созданная 18.6.1948 г. в соответствии с Директивой Совета Национальной Безопасности. В 1952 г. в результате её слияния со Службой спецопераций был создан Директорат планирования (Оперативный Директорат).
48. Office of Special Operations (OSO) — Служба спецопераций. Оперативное подразделение, созданное в ЦРГ 20.7.1946 г. Просуществовало в ЦРУ под этим названием до 1952 г. (см. № 47).
49. Joint Technical Advisory Group (JTAG) — подразделение ЦРУ на авиабазе ВМС США в Японии, в 50-е гг. занимавшееся организацией заброски американской агентуры в КНР, КНДР и СССР.
50. John Prados. President's secret wars. NY, 1988. P. 71-72/
51. Western Enterprises Inc. (WEI) — подразделение ЦРУ на Тайване под частным коммерческим прикрытием в 1951-54 гг.
52. Frank Holober. Raiders of the China coast. Md., 1999. P. 11-19.
53. Мао Жэньфэн (1898-1956) — после создания в июне 1946 г. новой спецслужбы — Управления охраны секретов (УОС) министерства обороны — был назначен сначала заместителем, а в конце 1947 — ее начальником. В марте 1955 возглавил Разведывательное управление МО Тайваня, созданное на базе УОС.
54. Дай Ли (1897-1946) — с 1931 г и до своей смерти в авиакатастрофе — руководитель основной спецслужбы гоминьдановского Китая — Управления исследований и ста-

- тистикан (УРС). Был известен своей преданностью Чан Кайши и ненавистью к коммунистам.
55. Frank Holober. Op. cit. P. 187.
 56. Op.cit. P. 104.
 57. John Prados. Op. cit. P. 69-70.
 58. Frank Holober, Op. cit. P. 105.
 59. Правда. 1954. 4 ноября.
 60. Водный транспорт. 1954. 10 августа.
 61. Интервью с бывшими моряками танкера «Туапсе».
 62. Civil Air Transport (CAT) – авиакомпания, созданная в 1946 г. в Китае генералом К. Ченнолтом и У. Виллауэром на базе 14-й воздушной армии США («Летающие тигры»). С октября 1949 г. практически перешла под контроль ЦРУ.
 63. Frank Holober. Op. cit. P. 172-176, 208/
 64. US Naval Auxiliary Communications Center (USNACC) – с 1954 года под этой «крышей» в течение нескольких лет действовало подразделение ЦРУ на Тайване.
 65. SEA Supply Corporation (SSC) – подразделение ЦРУ в Бангкоке под частным коммерческим прикрытием в начале 50-х гг.
 66. John Prados. Op.cit. P. 73-77.
 67. Op. cit. P. 71; Who's who in America. 1960; Haruna Mikio. The Secret Files. Tokyo, 2000. Vol. I. P. 210-211. Vol. II. P. 27, 35.
 68. Evan Thomas. Op.cit. P. 52; Wendell L. Minnick. Spies and provocateurs. Jefferson, NC., 1992. P. 57; William M. Leary. Perilous missions. 1984. P. 130-131.
 69. Жэньминь жибао. 1951. 18 августа.
 70. Evan Thomas. Op. cit. P. 157.
 71. Op. cit. P. 56.
 72. Bina Kiyonaga. Remembrances of a CIA wife. The Washingtonian. March 1985. P. 161.
 73. Frank Holober. Op. cit. P. 93.
 74. Evan Thomas. Op. cit. P. 52-53.
 75. Op. cit. P. 157.

Философия

Комментарии к «Великому Учению» и развитие китайской философской традиции

© 2002

К. Вираз

От редактора

Статья К. Вираз продолжает тему, начатую материалом В. Курносой «Место параллельного комментария в традиционной китайской культуре», опубликованным в предыдущем номере журнала. В обеих публикациях рассматривается комментирование как форма интеллектуального и духовного творчества в культуре, ориентированной на писанный канон. Статья В. Курносой говорила об особенностях китайской экзегетической традиции, обусловленной типом культуры (канон в качестве идеологической основы) и типом языка (иероглифическая письменность и его слоговой, «изолирующий» характер). У К. Вираз конкретизируется проблематика творческого преломления духа и смысла канонических текстов в комментаторской традиции на примере наиболее авторитетных комментариев на конфуцианский канон «Да сюэ» — «Великое Учение».

Этот памятник первоначально являлся главой 42 трактата «Ли цзи» («Записки о ритуале»), созданного в V-III вв. до н.э. Его самостоятельность впервые была обоснована в XI в., а в XII столетии трактат вошел в состав «Четверокнижия» — корпуса текстов, признанных основополагающими для конфуцианства. В канонической части трактата излагаются «три устоя» (сань ган лин, в переведенной с английского статье К. Вираз — «три звена»), а также «восемь основоположений» (ба тяо му). Составляющие этих понятийных комплексов и рассматриваются в публикуемой ниже статье. «Три устоя» — это (в переводе А. И. Кобзева) «выявление сиятельной добродетели/благодати» (мин мин дэ, у К. Вираз — «светлой», или «чистой добродетели»), «породнение с народом» (цинъ мин), «установленность в высшем благе» (чжи юй чжи шань). Иерархическая пирамида «восьми основоположений» — ступеней совершенствования миропорядка, начиная с индивидуума, — состоит из гэ у («выверения [классификации, познания] вещей»), чжи чжи («доведения знания до конца»), чэн и («обретения искренности помыслов»),

чжэн синь («исправления сердца [психических функций]»), сю шэнь («совершенствования собственной личности»), ци цзя («благоустроения семьи»), чжи го («приведения в порядок государства»), пин тянь ся («умиротворения Поднебесной»). Значение комментирования «Да сюэ» для развития конфуцианской традиции неоднократно отмечалось отечественными и зарубежными исследователями. К. Вираг предлагает собственную, оригинальную интерпретацию изменения смысла этого канона в наиболее авторитетных комментариях, относящихся к разным эпохам, беря за основу перемены в толкованиях терминов и понятий «Да сюэ».

А. Юркевич,
кандидат исторических наук

Наше восприятие вещей и событий необходимо очерчено категориями, с которыми мы подходим к миру. По этим категориям можно проследить фундаментальные изменения в нашем способе восприятия нас самих и внешней сферы: они образуют «легенду» некоей концептуальной карты, чьи измерения и свойства могут быть поняты через них.

В китайской культуре изменения в структуре и способе выражения самого мышления наиболее отчетливо прослеживаются в осмыслении и истолковании классических текстов разными поколениями философов. Иллюстрацией этого положения могут служить комментарии к «Да сюэ» («Великому Учению»). Во-первых, эти комментарии создавались на продолжительном отрезке времени, что позволяет наглядно показать процесс развертывания интеллектуальной перспективы. Во-вторых, текст «Да сюэ» связан с некоторыми основными для человека вопросами. В нем предпринята попытка осветить должный путь Учения в высшем смысле этого слова и способ, пользуясь которым, мы, люди, должны следовать этому пути.

Изменения в способе мышления комментаторов-конфуцианцев от эпохи Тан (618-907) до раннего периода правления династии Цин (XVII в.) можно проследить по трактовкам ими основных философских понятий текста «Да сюэ».

Написанный во времена династии Тан комментарий Кун Инда (574-648) — крупнейшего каноноведа своей эпохи — обнаруживает одну примечательную черту, которая может быть найдена и в других художественных и научных произведениях того периода. Это преобладание интереса к внешним явлениям, представление о значимости и связности этой внешней реальности¹. Такое мировоззрение подразумевает, что упорядоченность человеческой личности может быть достигнута до той степени, до которой мы можем осуществить свои субъективные возможности, соотносящиеся с порядком внешнего мира. Хотя может показаться, что такие представления неразрывно связаны с отвлеченным понятием *ли*-«принцип» (важнейшим для неоконфуцианского синтеза школы братьев Чэн — Чжу Си), скрупулезное исследование языка и категорий Кун Инда делает ясным, что для него Дао — «Путь» — Великого Учения подразумевает прежде всего реальное проявление человеческих качеств и поступков. Об этом можно судить по тщательной разработке им первых строк трактата: «Да сюэ чжи Дао цзай юй мин мин дэ».

Согласно Кун Инда, данный отрывок следует понимать так: «Путь Великого Учения заключается в проявлении и обнаружении собственной сияющей, светлой добродетели». Это относится к носителю «светлой добродетели» (*мин дэ*), который должен и далее «проявлять и обнаруживать» ее. Кун вводит здесь определение *гуан* («сияющий»), чтобы подчеркнуть наглядность и чувственную ощутимость человеческой добродетели, демонстрируемой миру. Оказы-

вается, что «три звена» (*сань ган лин*), о которых говорится в начале «Да сюэ», обрисовывают в общих чертах способ описания «Великим Учением» реализации добродетельных поступков. Первое «звено» — «*мин мин дэ*» отсылает к акту «проявления и обнаружения своей сияющей, светлой добродетели». Второй пункт — *цзай цинь мин* — интерпретируется им как осуществление добродетели субъекта по отношению к другим через положительные действия: «Путь Великого Учения заключается в том, чтобы быть добрым и любящим по отношению к народу». Наконец, по поводу третьего «звена» — проблемы «пребывания в высшем добре» — Кун Инда отмечает, что это равнозначно абсолютно доброму поведению, т.е. здесь мы снова имеем дело с внешним выражением доброты.

Интерес Кун Инда к осуществлению добродетели через поведение тесно сопряжен с его видением человеческой морали и познавательных ресурсов. Это видение проявляется в понимании им основных категорий комментаторской традиции «Да сюэ». В их числе одним из наиболее важных является понятие *синь* (основное словарное значение — «сердце». — *Ред.*). В комментарии Кун Инда этот термин правильнее переводить именно как «сердце», поскольку, как мы увидим, эмоции в его понимании играют важную роль в обеспечении правильного состояния связи человека с внешним миром. Кун Инда в своем комментарии предлагает определение *синь*: «то, что заключает в себе десять тысяч забот, называется *синь*». Сердце, следовательно, является вместилищем вещей, извлеченных из внешней по отношению к субъекту сферы. В этом качестве оно представляет собой то место в человеке, через которое он может сообщаться с миром и — потенциально — находить в нем значимое. Эту способность следует развивать и воспитывать, и поэтому, по мнению Кун Инда, во фрагменте «Да сюэ», который гласит: «Знание достигнуто — и после того может быть установлено, установлено — и после того можно пребывать в покое», — имеется в виду именно сердце. «Зная пребывание в высшей доброте, сердце может установиться без отклонений и изменений. "Установлено — и после того можно пребывать в покое" означает, что когда сердце устанавливается и лишается желаний, оно может быть спокойным, отсутствует стремление следовать [вещам]».

Но при этом чувства должны спокойно пребывать в сердце и их вовсе не следует устранять. Кун Инда пишет: «"Пребывает в покое — и после того может быть достигнута безмятежность" означает, что когда некто спокоен, чувства и тело будут постоянны и гармоничны. "Достигнута безмятежность — и после того возможно размышление" означает, что когда эмоции будут постоянны и гармоничны, можно будет думать и размышлять о вещах. "Размышляет — и после того возможно обретение" означает, что когда некто может думать и размышлять, он может обрести устойчивость в своих делах». Различие между состоянием «отсутствия желаний» и «мирными и гармоничными» чувствами значительно. Во втором случае чувства фактически становятся средством, при помощи которого человек в конечном счете может достичь той ступени, когда он начинает должным образом размышлять над вещами и открывает для себя их нормативное состояние. Сам этот процесс более подробно рассматривается в следующем фрагменте, относящемся к пространной части «Да сюэ», которая посвящена связи между *мин мин дэ* и упорядочением всей Поднебесной. Вслед за определением «сердца»-*синь* как «того, что содержит в себе десять тысяч забот», Кун Инда объясняет понятие *и* («смысл», «помысел», «намерение», «идея» и т.п.) как «то, что вспоминают чувства».

Сеть смысловых связей, объединяющая сердце, мышление и в конечном счете память, понятна. Чувства позволяют нам мыслить, поскольку способны вызывать воспоминания — апелляцию к опыту. Следовательно, чувства обес-

печивают правильность наших теперешних мыслей и действий, заключают в себе источник нашего единства с миром и способность сделать миропорядок доступным для нас. Что касается вопроса достижения знания вообще, то Кун Инда подчеркивает, что этот процесс должен начинаться с «учения и практики» (*сюэ си*). Исполдволь достигаемое по мере обучения и практики знание может быть приобретено только путем постепенного накопления — это предполагает ряд шагов: во-первых, нужно «обучаться и практиковаться», затем «достигать знания», и в итоге восстановить это знание в конечном акте «проявления и обнаружения добродетели». Таким образом, для Кун Инда «знание» — это не изолированная отвлеченная сущность; напротив, оно может быть осуществлено только в процессе своего обнаружения в человеческом поведении. Понимание Кун Инда концепции *гэ у* (принятые русские переводы — «выверение вещей», «различение вещей», «классификация вещей». — *Ред.*) также подчеркивает ту важнейшую роль, которую играет в предельном совершенствовании истинного учения обращение к вещам. Комментируя отрывок *чжи чжи цзай гэ у* (вариант перевода: «достижение знания приводит к выверению вещей». — *Ред.*), Кун Инда пишет: «Здесь говорится, что, когда могут учиться и практиковаться, то приводят в действие известное». Понятие *гэ*, которое пользовалось большим вниманием у многих комментаторов, определяется им как «привлечение [вещей]».

Мнение Кун Инда о том, что знание должно быть понято через отдельные вещи, коренным образом отличается от наших современных представлений о знании. Последние имеют тенденцию фокусироваться на способности к обучению, все больше отделяя от нашего взаимодействия с вещами совокупность знания, лежащую в пределах широкой области между информированностью и мудростью. Понятое скорее как «обращение» или «привлечение», знание для Кун Инда направлено на то, чтобы представить вещь познающему. *Чжи чжи цзай гэ у*, по сути, означает вызов сознанием уже известного — и, таким образом, принесение в сознание-«сердце» того, чему человек научился из прошлого опыта. Знание по сути своей — дело памяти.

Этот архаический — и все же в чем-то поэтический — взгляд на знание обусловливает особый способ понимания отношения человека к времени, и в конечном счете — особый способ человеческого самосознания. Если знание предполагает воспоминание, то понимание самого себя должно простираться назад во времени, чтобы заключить в себя прошлые мысли, чувства и поступки. Между прошлым и настоящим мыслится некая целостность, достигаемая посредством познающей активности сердца. Следовательно, взгляд Кун Инда на знание подразумевает историческую концепцию самости. Нужно подчеркнуть, однако, что «воспоминание» не является настоящим знанием, пока оно не претворено в морально значимое поведение. Это ясно из приведенного выше отрывка, где Кун Инда объединяет понятия «знания добра» и «хорошего поведения»; как реакция на них проявляются «хорошие вещи», добродетельные или пагубные поступки, которые затем влекут должные отклики со стороны других. «Сердце», таким образом, становится средством интеграции различных противостоящих измерений человеческого существования: прошлого и будущего, внутреннего и внешнего. Именно оно придает историческую целостность самости, и когда служит мостом между событиями прошлого и будущего, и когда соединяет внутренние трансформации самости с внешним миром — посредством побуждения к действиям и руководства ими.

Через шесть столетий после Кун Инда главный основоположник неоконфуцианства Чжу Си (1130-1200) изменил значение «Да сюэ» таким образом, что оно стало выражать совсем другое мировоззрение². Прежде всего, благодаря Чжу Си этот текст вышел из неизвестности, приобретя канонический

статус, и стал одной из книг конфуцианского «Четверокнижия» — «Сы шу». Но в то же время сама категория *Да сюэ* — Великого Учения — у Чжу Си в известной мере обесценена. Предваряя свой комментарий, Чжу Си категорически заявил: «Великое Учение есть учение для взрослых».

Во введении к комментарию Чжу Си предстает как учитель, внушающий своим ученикам должное понимание основных принципов. Эту позицию он подтвердил и в конце своего комментария, где похвалил комментарий Цзэнцзы (ученик Конфуция, которому приписываются запись «Да сюэ» и идеи комментирующей части трактата. — *Ред.*) и призвал читателей с осторожностью обдумывать текст.

Определив свои отношения с читателем, Чжу Си объясняет центральные понятия «Да сюэ». Комментируя отрывок, касающийся понятия *мин мин дэ*, Чжу Си написал: «*Мин дэ* — то, что человек приобретает у Неба. Она чиста, божественна и не замутнена, и, следовательно, содержит все принципы и отзывается на десять тысяч дел. Но она может быть ограничена *ци* (универсальный духовно-материальный субстрат, в данном случае — субстрат индивидуации, в том числе не врожденных качеств. — *Ред.*), которым наделен человек, или скрыта человеческим желанием и, таким образом, время от времени ослабевает. Все же яркость ее изначальной сущности никогда не исчезает. Следовательно, учащемуся следует соотносываться с тем, что исходит от нее, и стараться сохранять ее незатемненной, чтобы восстановить ее изначальное состояние».

Таким образом, для Чжу Си *мин дэ* — что-то намного большее, нежели «сияющая», яркая добродетель, которая ограничена сферой человеческого. Скорее она напоминает объективный порядок космоса, воплощая сам «принцип»-*ли*. Поэтому люди по рождению объединены с моральным порядком космоса и могут объективно отвечать на воздействие вещей мира. Поэтому деятельность *мин* связана с «сохранением чистоты и незатемненности»³, что противоположно «проявлению и обнаружению» в интерпретации этого термина Кун Инда. Возможность, более того — моральный императив стремления к достижению этого состояния предполагает в человеке способность постигать истинную суть реальности и размышлять над ней.

Рассматривая второй принцип Великого Учения, Чжу Си «исправил» текст, по-новому интерпретировав понятие *цинъ минъ* — «любовь к народу». Следуя своему предшественнику Чэн И (1033-1107), он заменил правую графему иероглифа *цинъ* («родственная любовь»), заявив, что этот знак должен читаться как *синъ* — «новый», поскольку данный фрагмент в действительности скорее относится к «обновлению» народа, чем к любви к нему. Данное понятие Чжу Си трактовал как избавление от старого: коль скоро некто преуспел в сохранении своей «чистой добродетели» незатемненной, он должен «распространить ее на других, чтобы они также смогли обрести средство к избавлению от грязи, в которую были погружены долгое время». Затем, в противоположность Кун Инда, рассматривавшему элементы пути Великого Учения как перечень самостоятельных звеньев, Чжу Си предложил их более целостную композицию, в которой второй шаг должен предприниматься с достижением первого. Этот второй шаг подразумевает успешное сохранение «чистой добродетели» незатемненной, с тем чтобы помочь остальным продвинуться в задаче совершенствования. Третий пункт — «пребывание в высшем добре» (*чжи юй чжи шанъ*) — в схеме Чжу Си также принял существенно иное значение. Для Кун Инда *чжи шанъ* по своей сути означало поведение (*син*), которому присуще «высшее добро», тогда как для Чжу Си «высшее добро» существовало само по себе. Это было не что иное, как основной, универсальный принцип самих ве-

щей, или, по его словам, «предел должного состояния принципа вещей» (*ли дан жань чжи цзи*).

По Чжу Си, за «десятью тысячами вещей» мира существует главная истина. Она может быть полностью постигнута человеческим сознанием, и этот процесс тождествен пути Великого Учения. Таким образом, для Чжу Си эпистемологический проект примыкает к этическому проекту добродетельной жизни — истина в космологической сфере соответствует истине в сфере человеческой. Поэтому задача «пребывания в высшем добре» — не дополнительный элемент Пути Великого Учения, а, скорее, элемент, переносящий два предыдущих шага в космологический план. Чжу Си описал связь этих трех пунктов так: «Говорят, что, сохраняя незатемненной чистую добродетель и обновляя народ, следует находиться в месте высшего добра и не удаляться. Это должно значить, что [такой человек] довел до предела небесный принцип, и в нем не осталось следов эгоизма человеческих желаний». Язык Чжу Си явно предполагает некоторую пространственную ориентацию — в словах о необходимости «прийти туда и не удаляться», а также о пребывании в месте (*ди*) совершенного добра. Это сходно с понятием «предела» в его определении *чжи шань*: хотя оно и не обязательно указывает на физическое место, но все же предполагает сферу истинного бытия, к достижению которой следует стремиться.

Определение высшего добра как места (*ди*) или положения (*со*) показывает, что раскрытию внутреннего морального пространства должно предшествовать представление о пространстве, смоделированном по подобию физического мира. (Кун Инда подобным образом описывал познание в физических терминах буквального *принесения* в сознание вещей прошлого опыта). Продолжение этой части «Да сюэ», оканчивающееся словами *люй эр хоу нэн дэ* («размышление — и после того возможно обретение»), содержит несколько важных понятий, трактовка которых поразительно отличается от трактовки Кун Инда. Тот считал, что выражение *цзин эр хоу нэн ань* («пребывание в покое — и после того может быть достигнута безмятежность») относится к гармонии эмоций и настроений, достигаемой при помощи «покоя», что, в свою очередь, является следствием «установления» (*дин*) «сердца». Чжу Си, напротив, говорит здесь о самом «покое»-*цзин* как о состоянии «сердца»-*синь*. Самое важное отличие от Кун Инда по отношению к этому фрагменту — то, что Кун признает нормативность эмоций, и, таким образом, рассматривает их как объект гармонизации, тогда как для Чжу Си они не являются конституирующими, объективными категориями.

Другое заслуживающее внимания отличие — понимание связи состояния «покоя»-*цзин* и «размышления»-*люй*. Для Кун Инда сама возможность мысли и, значит, соотнесения со сферой внешних вещей, зависела от успокоения эмоций: центральным здесь является достижение «безмятежности»-*ань* по отношению к вещам. У Чжу Си же реализация «безмятежности» предполагает состояние сдержанности. Человек спокоен по отношению не к вещам, но к своей внутренней сфере. И поскольку для Чжу Си водворение истины внутри субъекта — завершение совершенствования, он не предпринимает шага в продвижении к высшему состоянию «созерцания вещей», которое предварилось бы условием «безмятежности» с последующей возможностью «размышления», как у Кун Инда. Вместо этого Чжу Си фактически делает здесь то же, что и раньше с термином *цзинь*: искусно манипулируя очертаниями иероглифов, он приходит к своеобразной интерпретации текста, которая не имеет реальной основы в языковой практике или в комментаторской традиции. Так, заменяя иероглиф *люй* («размышление») на в чем-то похожий иероглиф *чу* («местоположение», «приведение в порядок»), Чжу Си интерпретирует термин *люй* как «тщательное внимание к деталям в выполнении дел (*чу ши цзин*)». С точки

зрения всей его схемы личного совершенствования, это начало применения достигнутого морального знания. Такая трактовка «размышления» (делающего возможным «обретение», что Кун Инда понимал как «достижение устойчивости в делах» — *юй ши дэ ань*), вновь подтверждает положение Чжу Си о «достижении [должного] состояния», в котором пребывают дела (*дэ ци со чжи*).

Объяснение Чжу Си длинного фрагмента «Да сюэ», который начинается с тезиса о влиянии «пресветлой добродетели» древних на Поднебесную и заканчивается словами: «государство упорядочивается и затем Поднебесная умиротворяется» (*го чжи эр хоу Тянь ся пин*) не так пространно, как у Кун Инда. Из этого ясно, что Чжу Си (по крайней мере здесь) обращает внимание только на то, что связано с совершенствованием и приобретением внутренней добродетели; связь между «самосовершенствованием» и «упорядочением государства» его не интересует. Кроме отрывочной глоссы о характере правления *чжи*, остальной его комментарий к этому разделу посвящен значениям категорий, наиболее важных для его собственной концепции внутреннего совершенствования: *мин мин дэ юй тянь ся* («прояснение пресветлой [чистой] добродетели и распространение ее не Поднебесную». — *Ред.*), *синь* («сердце», «сознание». — *Ред.*), *чэн* («искренность», «подлинность». — *Ред.*), *чжи чжи* («достижение знания». — *Ред.*) и *гэ у* («выверение вещей», «классификация вещей» и т.п. — *Ред.*). Интерпретируя выражение *мин мин дэ юй тянь ся*, Чжу Си в основном повторяет то, что он говорил о понятии *синь минь* («обновление народа»): человек отвечает за распространение (расширение) своих знаний на других; в результате такого распространения «вся Поднебесная обретет средства сохранения незатемненной своей чистой добродетели». Таким образом, по Чжу Си, добродетель предполагает и изучение, и преподавание, и цель этого преподавания — показать людям, при помощи чего они сами должны достичь состояния истинной добродетели. И если комментарий Чжу Си первым в комментаторской традиции «Да сюэ» обратил внимание на моральный потенциал человека, он также первым признал и субъективное осознание присутствия других. Понятие *синь*, которое у Чжу Си лучше всего передает термин «сознание», — это очевидный пример разительного отличия в понимании им человека и его моральных задач от того, что можно найти в танских и сунских комментариях. Чжу Си определил *синь* как «то, что управляет человеком». Это скорее активная сила, главенствующая способность с определенным назначением, чем Westminster «забот», как в концепции Кун Инда. Позже Чжу Си уточнил свойства *синь* через понятие *и* («мысль», «помысел»), которое он определил как «то, что исходит из сознания» (*синь чжи со фа*). Вспомним, что Кун Инда изображал и как то, что вызывается чувствами. Здесь мы снова видим тактику Чжу Си, направленную на выявление внутренних моральных ресурсов человека и последовательный отказ от проблематики зависимости от внешнего мира, которую в первом комментарии предполагал акцент на вещах, делах и чувствах.

Чжу Си продолжил свое рассмотрение этого пассажа комментарием на понятие *чжи чжи*. Он определил первый иероглиф *чжи* («направлять», «достигать») как «доведение до предела», что снова контрастирует с трактовкой Кун Инда, который считал, что этот термин означает «привлечение вещей». По Чжу Си, здесь описывается почти противоположный процесс, в ходе которого субъект начинает со сферы внутреннего, а затем распространяет достигнутое знание вовне. Второе *чжи* — «знание», которое следует распространять, — у Чжу Си указывает на известное пространство, содержащее познаваемые объекты, но не отделенное от них. Чжу Си заявил, что «распространение моего знания до предела» означает «желание, чтобы мое знание было полностью исчерпывающим». Здесь он снова отослал нас к способности познания как цельной сущности. Эту же динамику внешней направленности внутренних ресур-

сов можно обнаружить в интерпретации им понятия *гэ у*. *Гэ* («выверение», «классификация») трактовалось как «достигать» (*чжи*) — что снова обнаруживает некое пространственное маневрирование, в то время как понятие *у* («вещи») Чжу Си считал «тем же, что и дела-*ши*». *Гэ у*, таким образом, означает «полное достижение основного принципа дел и вещей», т.е. понимание их упорядочивающего принципа.

Комментарий Чжу Си не останавливается подробно на какой-либо категории — они разрабатывались в других его текстах. Одной из наиболее существенных для философии Чжу Си и понимания ее соотношения с идеями Кун Инда является категория *синь* («сердце», «сознание»). Отношения *синь* с «чувствами» (*цин*), проигнорированное Чжу Си в комментариях к «Да сюэ», эксплицитно изложено в том фрагменте «Юй лэй» («Чжу-цзы юй лэй» — «Изречения Чжу-цзы, классифицированные по родам», собрание произведений Чжу Си. — Ред.), где он утверждал, что «сознание»-*синь* до своего пробуждения является «природой»-*син*, а после того — «чувствами»-*цин*⁴. Следовательно, он не считал, что чувства не имеют никакого отношения к сознанию, но они, как и «помыслы», «намерения» (*и*), исходят из сознания. Активная, положительная природа «сердца-сознания» (*синь*) декларируется также замечанием о том, что «любая человеческая деятельность — это действие сознания. Даже несдержанность, моральные отклонения, порочность и распущенность — это деятельность сознания»⁵. Это активное, порождающее сознание, однако, может отражать истинную природу вещей лишь тогда, когда оно чисто и пустотно, что требует наличия в нем «господствующего начала» — «спокойствия». «Обладая им, сознание будет пустотным, а если оно пустотно, ему будет чужда порочность. Без господствующего начала сознание будет наполнено. То, что оно будет наполненным, значит, что им завладеют внешние вещи»⁶.

Положения о «пустотности» сознания и недопустимости его «наполнения» диаметрально противоположны концепции Кун Инда, рассматривавшего сознание как сосуд «десяти тысяч забот». Как мы скоро увидим, это предполагает полностью отличный способ осмысления источников и критериев знания и, кроме этого, альтернативный способ понимания самого знания и самости человека во временном измерении.

Согласно комментарию Кун Инда, знание необходимо должно касаться событий прошлого, с тем чтобы конституировать знание настоящего. Соответственно, не могло быть четкой демаркации между прошлым и настоящим, знанием и воспоминанием. У Чжу Си, однако, сознание — это автономное и единое пространство, посредник между человеком и миром. Разделяя основной принцип всего космоса, оно не нуждается в том, чтобы содержать «вещи» для достижения единства с миром. Прошлое, таким образом, не является вкладом в состав теперешнего знания. Вот почему Чжу Си так презирал «просто» воспоминание и считал его не подходящим «чистому и пустотному» сознанию совершенномудрого: «Почему бы нам и не думать о вещах? Однако когда вещь — часть прошлого, не следует позволять ей задерживаться в сознании»⁷; «подлинное сознание есть сознание моральных принципов»⁸. Для Чжу Си прошлое могло содержать только вещи, но не важнейшую реальность работы сознания. Следовательно, можно держаться лишь за сознание: «Если бы до действия сознания нужно было бы держаться за то, к чему прикреплено сознание, это значило бы, что есть две вещи, за которые следует держаться. Поэтому учитель [Чэн И] советует только удерживать сознание»⁹.

В целом комментарий Чжу Си на «Да сюэ» описывает метод совершенствования, посредством которого реализуется «небесный принцип» и, таким образом, происходит согласование с объективным порядком вселенной. *Мин да*, о которой он говорит, — это не просто моральные совершенство или добродетель.

тель. Это абсолютная, универсальная добродетель, внутренне присущая человеку. Но лишь совершенно спокойному сознанию доступно знание основного принципа космоса, и поэтому оно должно оставаться свободным от волнений, которые производны от несовершенств и дурных влияний субъективного опыта.

Обращаясь к «Да сюэ вэнь» («Вопросам о Великом Учении») Ван Янмина (1472-1529), ведущего представителя конкурировавшего с чжусианством «учения о сердце» (*синь сюэ*), мы видим возрождение «Да сюэ» в руках комментатора, который ввел новые понятия, трансформировавшие значение текста¹⁰. Комментарий Ван Янмина по форме иной, нежели у Кун Инда и Чжу Си: вместо перехода от строки к строке, определения терминов и выражений с целью прояснения их значения, он представлен серией из шести вопросов о ключевых понятиях «Великого Учения» и ответами Вана на них. Структура этого текста обусловлена содержанием «Да сюэ», но сам он прежде всего представляет собой изложение общего плана философии Ван Янмина. Комментатор предпочел объяснению слов нахождение причин, по которым в тексте сказаны определенные вещи.

Первый вопрос таков: почему учению «великого человека»¹¹ присуще *мин мин дэ* — «проявление чистой добродетели»? Чтобы ответить на него, Ван сначала дал короткий очерк своего мировоззрения. Здесь он обратился к одной из своих главных теорий — о том, что «великий человек обладает единотелесностью с Небом, Землей и десятью тысячами вещей». «Это не потому, что он желает этого, но потому, что человечность его сердца-*синь* в основе своей такова». Все люди, и не только «великий человек», потенциально способны сочувствовать своим товарищам — «вещам», и приходят к «обладанию сожалеющим сердцем», даже если видят разрушенными лишь черепицу или камень. Внутри человеческого сердца есть «гуманность»-*жэнь*, охватывающая все вещи мироздания. И так как сердце укоренено в природе, назначенной Небом, оно «само по себе разумное и сияющее, не затемненное». Вот к чему отсылает термин *мин дэ* в «Да сюэ». Но в то время как Чжу Си говорил о *мин дэ* как о чем-то «разумном» и «чистом» вследствие его «небесного» происхождения, Ван Янмин не допускал возможности *мин мин дэ* в состоянии чистого спокойствия, предшествующего действию. Ван Янмин считал, что мы можем познать существование *мин дэ* внутри нас именно посредством человеческой деятельности (включая сферу чувств), и именно посредством деятельности мы осуществляем «чистую добродетель» в нашей жизни. Таким образом, *мин мин дэ* для Ван Янмина — истинное проявление «чистой добродетели» посредством добродетельного действия вследствие «избавления от затемняющих действий эгоистических желаний», в результате чего осуществляется «возвращение к изначальному состоянию единотелесности с Небом и Землей и десятью тысячами вещей».

Следовательно, по Ван Янмину, вы можете переживать истинное единство с Небом и Землей и «десятью тысячами вещей» только в той степени, в которой вы формируете свою единотелесность с ними. Эта идея разрабатывается далее в ответе Ван Янмина на второй вопрос: «Если это так, тогда почему [учению великого человека] присуща любовь к народу?» Ван Янмин объяснял это, указывая, что мы должны рассматривать данные понятия в аспекте различия между «субстанцией» (*ти*) и «функцией» (*юн*). «Обнаружение чистой добродетели» составляет «субстанцию» формирования одного тела с вселенной, тогда как «любовь к народу» подразумевает завершение этого нормативного состояния. Но Ван проводит это разделение «субстанции» и «функции» для того, чтобы показать, что в реальности оно не существует, ибо только актуализировавшего свои добродетели человека вообще можно назвать «проявляющим чистую добродетель»: «Следовательно, проявление чистоты природы неизбежно состоит в любви к людям, любовь к людям — это то, при помощи чего про-

является чистая природа. Значит, лишь когда я люблю своего отца, отцов других людей и отцов всей Поднебесной, моя человечность поистине составляет единое тело с моим отцом, отцами других людей и отцами всей Поднебесной». То же указывается в комментариях Вана на вопрос о «корнях и ветвях» (главном и второстепенном): проявление характера и любовь к людям не может быть разделено надвое, как в схеме Чжу Си, но должно рассматриваться как сущностно единая вещь. Важное следствие этой идеи неразделимости субстанции и функции — обновленный интерес к частному. Следовательно, осуществление добродетели, требующее единства с мирозданием, должно быть подробно описано в каждом случае проявления *мин мин дэ* и *цинъ минъ*. Существует «чистая добродетель» сыновней почитательности, «чистая добродетель» братской любви и «чистая добродетель», свойственная отношениям между правителем и подданным, мужем и женой, двумя друзьями — добродетель, простирающаяся на горы, реки, демонов, духов, птиц, животных, на травы и деревья.

Концепция Вана тесно связана с его верой в необъятные возможности сознания. На вопрос: «В таком случае почему [учение великого человека] состоит в пребывании в высочайшем добре?» Ван отвечал, что высочайшее добро — это «предельный образец проявления чистой добродетели и любви к людям». В противоположность пониманию Чжу Си *чжи шанъ* — «высшего добра» — как чего-то соответствующего «пределу» в реальности истинного принципа (и таким образом связанному с эпистемологическим проектом постижения основной истины вселенной), интерпретация Вана в большей степени посвящена постижению подлинности добродетели. Источник этого постижения, по Ван Янмину, — имманентное присутствие «подлинности добродетели» в самом сознании. Таким образом, ее не следует искать вне человека. На деле именно поиск постоянного принципа в вещах привел к тому, что люди потеряли из виду истинный небесный принцип, а задача обучения проявлению «чистой добродетели» и любви к людям была затемнена. Примечателен способ, которым Ван Янмин пользуется для упорядочения этих трех компонентов Дао Великого Учения: в противоположность Кун Инда и Чжу Си, он подал *мин мин дэ* и *цинъ минъ* как пару, представляющую субстанцию и функцию формирования единотелесности со всеми вещами; но именно идея *чжи шанъ* — высшего добра в наших собственных сознаниях — представляет собой самый исток добродетели и предельный образец, которым ее нужно измерять. Итак, заключил Ван, подобно тому, как линейки и весы предоставляют образцы для измерения вещей, так и сознание, которое пребывает в высшем добре, предоставляет критерии «чистой добродетели» и любви к людям.

Интерпретируя отрывок, начинающийся с тезиса о «достижении знания» и кончающийся положением о возможности «обретения» после «размышления», Ван продолжил свою мысль о том, что высшее добро содержится в сознании. Но, верный своему убеждению относительно важности действия, Ван возвращается в сферу частных, как только заканчивается спор вокруг источника морального познания. В то время как Чжу Си полагал, что идеальное состояние сознания — это то, в котором оно нашло свое «правильное положение» и способно быть действующим фактором по отношению к вещам, Ван представлял себе нормативное состояние сознания как одновременно и действие, и получение воздействия: «Как только сознание сделано безмятежным, если мысль возникла из него, или что-то на него подействовало», «врожденное знание добра моим сердцем» (*у синъ чжи лян чжи*) сможет рассудить, соответствует ли эта мысль или воздействие высшему добру. Для Ван Янмина сознание — способность, которая является посредником между нами и сферой вещей. Однако именно потому, что эта его функция базируется на основополагающем единстве всех вещей, сознание не вовлечено в деятельность по отбору и

различению между собой и другим, сознанием и вещами, общим и частным. Таким образом, выбор Ваном способа описания единства космоса кажется вполне обдуманым: он мог выбирать из целого набора понятий, но в конечном счете остановился на термине, подразумевающем конкретность и телесность: *ти* («тело», «сущность», «субстанция»).

По Вану, следовательно, человек заключает в себя мир частных и вещей гораздо в большей степени, чем человек в построениях Чжу Си. Об этом очевидно свидетельствует последняя часть «Да сюэ вэнь». Она относится к длинному фрагменту «Да сюэ», описывающему способы, при помощи которых древние шли к «просвещению» своей «чистой природы». Кульминацией их было «распространение знания».

Постулируя взаимозависимость разных шагов и способностей, включенных в процесс морального совершенствования, комментарий Ван Янмина не предлагал ничего, что не утверждалось бы эксплицитно в самом тексте «Да сюэ» или не было бы разработано ранними комментаторами. Однако, устанавливая, что эта взаимозависимость имеет место между сферами субстанции и функции, или способностей и их действия, Ван вновь подтверждал на более универсальном уровне единство задач «просветления чистой добродетели» и «любви к людям», с утверждения о котором он начал свой комментарий. Чтобы объяснить, почему все же нужно прилагать усилия к выправлению сознания, Ван указал: «Именно когда намерения и мысли рождаются и находятся в движении, существует неправильность». Но тот, кто желает выправить свое сознание, должен делать это, «приблизившись к рождению своих намерений и мыслей и исправляя их». Для Ван Янмина должное состояние сознания — это не чистая «прозрачность» по отношению к вещам, но его активное участие в присутствии «подлинных» вещей и верная реакция на него. Следует ненавидеть отвратительные вещи и любить вещи, достойные любви. Но моральное совершенство требует действия, соответствующего должной любви и ненависти по отношению к вещам. Знание добра означает любовь к нему, а любовь к нему означает действие в соответствии с ним.

Но как можно сделать свою волю искренней и обрести способность правильно реагировать на вещи в согласии с их истинной природой? Здесь Ван предложил собственную трактовку понятий *чжи чжи* и *гэ у*. *Чжи чжи* он отнес к особенному виду знания — врожденному знанию добра, а *гэ у* у него заключается именно в распространении врожденного знания. Ван акцентировал особенную *вещность* «вещи»-у. Так он возвратил «вещь»-у из измерения «принципа»-ли, в которое поместил это понятие Чжу Си: «Вещь — это явление. Все, что происходит от намерения-и, имеет свое явление. Что касается явления, в котором пребывает намерение, то оно называется вещью». Прояснив эту проблему, Ван перешел к определению *гэ* как «исправления того, что неправильно, и возвращения его к [должному состоянию] правильности», т.е. к деланию добра. Понимая *гэ у* как нечто вроде «выправления вещей», мы можем идентифицировать особенности представлений Вана: важность, приписываемая позитивному действию, и утверждение реального мира людей и вещей. Хотя Ван утверждал возможность человеческого сознания постигать и изменять вещи в пределах этого каркаса, для него эта возможность обладала значением, только если она применялась по отношению к действительным вещам и внутри человеческого сообщества.

Мао Цилин, создавший «Проверенные тексты, касающиеся Великого Учения» («Да сюэ чжэн вэнь»)¹², родился примерно через полтора столетия после Ван Янмина. Мао писал в эпоху, когда цели, допущения и методы исследования изменились радикальным образом по сравнению с существовавшими в поздний период правления династии Мин (1368-1644). Его труд о «Да сюэ» от-

ражает эти важные перемены. В целом можно сказать, что мы больше не имеем дела с комментарием, стремящимся непосредственно толковать философское содержание текста. Главная забота Мао состояла в задаче верификации, возвращения «изначального» значения древнему тексту. С этой целью рассматриваются существующие познания о ключевых понятиях и осуществляется отбор тех значений, которые более всего соответствуют древним. Для этого у него в распоряжении были словари и тексты, созданные за полтора тысячелетия и раскрывавшие архаические значения слов, процесс их изменения и развития в последующие периоды. Мао также в высокой степени сознавал себя ученым — участником грандиозного академического проекта накопления знания о древних классиках. Так, он настаивал, чтобы его современники следовали примеру ученых эпохи Хань (206 до н.э. — 220 н.э.) и воздерживались от изменения оригинала в соответствии со своими взглядами. По его утверждению, ханские ученые были правы в том, что, даже указывая на ошибку в тексте, не исправляли сам текст. Иначе последующие поколения неминуемо не согласились бы с этими изменениями и снова переделали текст, что привело бы к еще большей путанице. Именно это, по утверждению Мао, случилось в правление династии Сун, когда Чжу Си счел себя обязанным «исправить» исправления, сделанные братьями Чэн.

И свое комментирование Мао Цилин подавал как часть чисто академического, беспристрастного проекта раскрытия изначального значения древних источников: «Таким образом, ниже я собрал и упорядочил старые тексты, и подвел итог и придал основание различным чтениям, и полностью включил четыре исправленных текста, назвав их "Удостоверенными текстами, касающимися Великого Учения"».

Однако в его комментарии можно заметить радикальные изменения в представлениях о подходящем языке и должных критериях для суждения о познании вещей и, в широком смысле, о том, что является истинным и должным порядком реальности. Все комментаторы, о которых говорилось выше, были озабочены выявлением этических принципов текста и объяснением того, как их следует осуществлять в жизни. Они признавали, что истинным объектом изучения является более полная реальность за пределами текста. Мао, напротив, ограничил себя буквальным пониманием слов текста. Смысл такой задачи многогранен. С одной стороны, кажется, что Мао Цилин просто довел до предела процесс десакрализации текста, превращая его в собрание отдельных фактов. С этой точки зрения Мао можно поместить в контекст позитивистских и эмпиристских тенденций, основанных на уверенности в возможности верифицировать знание на универсально приемлемых условиях. Но в то же время метод Мао Цилина предполагает противоположный ход, поднимая текст выше любых соображений — в особенности идеологических — и предлагая изучение языка, чтобы иметь доступ к истинному, «неиспорченному» значению оригинала.

Способ соотнесения этих двух несовместимых подходов можно увидеть в трактовке Мао Цилином понятия *гэ у*, которое, как мы видели, является одним из центральных в тексте «Да сюэ». Мао Цилин начал с изложения интерпретации Ван Синьчжая (1483-1541), который писал, что *гэ у* означает «исследование [сути] вещей, у которых есть корни и ветви», т.е. главное и второстепенное. *Чжи чжи* означает «распространение знания [относительно] познания того, что следует помещать сначала, а что — потом». Образ «корней и ветвей», существенно возвышавший сознание как самый источник познания, привлекался также сунским ученым Ли Лиу. Он использовал этот образ, чтобы подчеркнуть «порядок сосредоточения», предполагаемый процессом совершенствования и осуществления знания. Процесс совершенствования и осуществления знания сводился к возведению «корня» мира к государству, «корня» госу-

дарства — к семье, и так вплоть до достижения «корня всех корней», или «сердца/сознания»-*синь*, проявляющего себя в «намерении». То, что такое понимание *гэ у* Ван Синьчжаем имело прецедент в эпоху Сун, усиливало его правдоподобие, к тому же низводило Чжу Си до статуса одного из многих конкурирующих мыслителей. Мао в избытке приводил и другие утверждения в поддержку интерпретации Ван Синьчжая.

Однако понимание Ван Синьчжаем знания как чего-то, происходящего из самого человека и простирающегося вовне на многие уровни «ветвей», было подкреплено не только согласованными мнениями других ученых, но и подтверждением его точным изначальным значением иероглифа *гэ*. Некоторыми толкователями (например, Ли Шанем, VII в.) *гэ* понималось как глагол «измерять». Из этого Мао заключил, что «знание корня» означает «снятие мерки при самосовершенствовании». Но были и более ранние свидетельства такого значения. Мао Цилин процитировал словарь I в. н.э. «Шо вэнь» («Толкование письмен»), который утверждает: «Гэ — это форма дерева, растущего вверх. Это образец. Это прямая вертикаль». Подобные определения есть также в «Лунь юе» и в «Мэн-цзы». Ссылки на каноны «Шу цзин», «И цзин» и комментарий Чжэн Сюаня (127–200), мэтра каноноведения Восточной Хань, поддерживают эту интерпретацию. Другие контексты использования и смыслы *гэ* Мао отбрасывал как поздние отступления от древнего и изначального значения.

Мао также отметил глагольное значение *гэ* — «достигать», «приходить» или «вызывать приход», с которым мы сталкиваемся в комментариях Кун Инда и в интерпретации Сыма Гуаном (1019–1086) *гэ у* как «защиты от внешних вещей и противостоянии им» (*гань юй вай у*). Мао привел эти примеры, не высказывая суждения относительно них. Однако первое из этих значений («достижение») указывает нам, каким образом Чжу Си пришел к своей интерпретации, которую отверг Мао. Чжу Си интерпретировал *гэ* как «достижение» и, связывая его с понятием *чжи* («достижение», «исчерпание» из биннома *чжи чжи*), читал этот термин как «исчерпывающее достижение»: «Доведение знания до предела означает делание нашего знания исчерпывающим. Гэ — это достижение/исчерпание (*чжи*). У — то же, что дела/вещи (*ши*)». Возражение Мао Цилина состояло в том, что определение акта достижения как «исчерпывающего» кажется неестественным и является отклонением от первоначального значения, которое просто подразумевало акт «достижения». Еще хуже, по его мнению, был шаг, предпринятый позднейшими учеными, которые полностью избавились от идеи «достижения» и просто приняли понятие «исчерпывающего», отклонившись еще больше от правильного древнего значения.

Тем удивительней обнаружить, что Мао в итоге заявил: знание в конц концов относится к познанию того, каким образом совершенствовать себя. Отвергая новшество Чжу Си, согласно которому объектом исследования и размышления является сфера вне человека, он предпочел считать, что «сам» человек самосовершенствования служит и объектом познания, и фактором, делающим возможным акт познания.

В отличие от предыдущих трех комментаторов, Мао Цилин строил свою интерпретацию знания не на нормативном утверждении о том, что следует делать человеку, а предлагал основанные на самом тексте определения и вещи, и знания. «Вещь» — то, что имеет «корни и ветви», а осуществлять *гэ* по отношению к вещи — значит исследовать правильный порядок приоритетов. «Вещи» включают все сущности в «Да сюэ», которые следует упорядочивать — сознание, личность, семью, государство и мир — и «корень» всех этих вещей есть сознание личности, в то время как «ветви» — более широкие социальные сферы. Предельная задача учения, в таком случае, это познание и совершенствование собственной личности.

Убеждение Мао Цилина в том, что истинное знание начинается с исследования человеком себя самого, противоречит обычным представлениям о том, что озабоченность комментаторов эпохи Цин филологическим и позитивистским анализом была реакцией на «релятивизм» и «субъективизм» минской неоконфуцианской мысли. Однако пример комментария Мао показывает, что субъективизм и филологический анализ друг друга не исключают. Возможно, цинская традиция «очевидного учения» (имеется в виду *пу сюэ* — «учение о простом», основанное на пиетете к практицизму и строгому филологизму комментаторства эпохи Хань. — *Ред.*) является не столько реакцией на предполагаемый релятивизм позднего минского неоконфуцианства, сколько новой формулировкой минского видения субъективности.

Однако, это объяснение преемственности комментаторских традиций цинской и минской эпох не делает понятными их радикальные отличия. Если мы исследуем способы, при помощи которых Ван Янмин и Мао Цилин обращаются к проблеме самости, то увидим: эти два мыслителя имели в виду совсем разные вещи. Ван определял самость (самого человека) как «действие формы и сущности человека», а сознание — как «разумного и чистого господина самого [человека]». Задачей самосовершенствования было выправление сознания таким образом, чтобы появлялась возможность «делать добро и искоренять зло». Для Вана слово «сам» представляло собой абстрактное понятие, синонимичное его пониманию сознания, которое он рассматривал как содержащее врожденное знание добра. Мао Цилин же следовал Гао Паньлуну (1562—1626), Чжань Жошюю (1466—1560) и другим минским мыслителям, считая, что «знание того, каким образом совершенствуют себя, [это] существенное достижение Великого Учения». Более того, он был уверен, что именно посредством размышления над собой («корнем») познают, как по-настоящему исследовать другие вещи («ветви»).

Внимание Мао к самопознанию означает также, что для него сам человек — мера всех вещей. Эта позиция полностью отличалась от воззрений Ван Янмина, постулировавшего существование высшей, объективной сущности (т. е. «принципа»-*ли*), которой может достичь сознание и которую оно стремится реализовать. У Мао Цилина сам человек становится субъектом и источником познания — фактически, «корнем» рассудка.

Изучая различные способы, которыми мыслители прошлого прочитывали древний текст «Великого Учения», мы стали свидетелями ряда фундаментальных изменений в представлениях комментаторов о себе и мире. Мы также видели, как различия в концептуальных моделях свидетельствовали о разных способах понимания самосовершенствования и нравственной жизни. Я не претендую на обнаружение окончательных причинных объяснений этих важных перемен в жизни человеческого воображения. Однако я предлагаю вниманию читателя некоторые общие выводы относительно того, что все это значит для нас. Первое: прежде чем начинать рассуждение о причинах интеллектуальных изменений, мы должны заново продумать категории, которыми мы их описываем — использование чрезмерно общих терминов, несущих нормативную нагрузку, для описания перспектив других терминов сплошь и рядом приводит к необоснованным выводам. Второе: преемственность, изобретение вновь и возрождение, а не только новшества, являются устойчивыми чертами нашего прошлого, и не только интеллектуального.

Наконец, необходим более критический подход к ряду устойчивых категорий, к которым историки и философы обращались для осмысления перемен в способах мышления. Использование таких дихотомий, как «релятивизм — объективизм» или «материализм — идеализм» неизбежно окажется неспособным обеспечить удовлетворительный контекст изучения интеллектуальных перемен.

Нет нужды говорить, что мы никогда не придем к всестороннему пониманию интеллектуальных достижений прошлого, которое удовлетворило бы всех. Тем не менее историкам мысли стоит помнить, что существует история, которую в первую очередь нельзя предавать забвению: история человека мыслящего, живущего и находящего ценность в органичном для него мире смыслов.

Перевод с английского А. Калжаевой

1. См.: Фу ши инь Ли цзи чжу шу (Записки о ритуале с комментариями и приложением оттисков с каменных стел). Наньчан, 1815. Чжуань 60, 1-3.
2. Вэньюаньгэ Сы ку цюань шу (Собрание книг по четырем разделам, изданное палатой Вэньюаньгэ). Т. 197. Тайбэй, 1983. С. 4-11.
3. Я следую переводу Д. Гарднера в прочтении термина *мин* как «сохранение незатемненным». См.: Gardner D. Chu Hsi and the Ta-hsueh: Neo-Confucian Reflections on the Confucian Canon. Camb. (Mass.), 1986.
4. Чжу Си. Чжу-цзы юй лэй. 9б. Цит. по: Wing-tsit Chan, trans. Reflections on Things at Hand. The Neo-Confucian Anthology Compiled by Chu Hsi and Lu Tsu-ch'ien. N. Y., 1967. P. 34.
5. *Chu Tzu yu-lei*, 95:23b. Ibid. P. 29.
6. *Chu Tzu yu-lei*, 96:6b. Ibid. P. 144.
7. *Chu Tzu yu-lei* 96:2b-3a, Ibid. P. 133.
8. *Chu Tzu yu-lei*, 98:24a. Ibid. P. 152.
9. *Chu Tzu yu-lei*, 96:6a. Ibid. P. 143.
10. Ван Янмин чжуань шу (Комментаторские труды Ван Янмина). Тайбэй, 1953. С. 119-123.
11. Как замечает Чэнь Юнцзе (и что подтверждается другими фрагментами текста), «Да жэнь чжи сюэ» должно пониматься скорее как «учение великого человека», нежели «учение для взрослых», как толковал этот термин Чжу Си. См.: A Source Book in Chinese Philosophy. Princ., 1963. P. 659.
12. Вэньюаньгэ Сы ку цюань шу. Т. 210:280-5.

Война и мир цивилизаций

© 2001

А. Лукьянов

(Окончание. Начало в ПДВ №1 2001 г.)

Все ценогенезисные операции проделываются в конфуцианстве по алгоритмам конфуцианской модели архетипа культуры дао. Он зафиксирован в трактате «Бо ху тун» («Дискуссия в зале Белого Тигра», I в.) и может быть передан в полном виде в следующей записи:

Дерево царствует, Огонь помогает, Земля умирает, Металл пленяется, Вода отдыхает.

Земля царствует, Металл помогает, Вода умирает, Дерево пленяется, Огонь отдыхает.

Вода царствует, Дерево помогает, Огонь умирает, Земля пленяется, Металл отдыхает.

Огонь царствует, Земля помогает, Металл умирает, Вода пленяется, Дерево отдыхает.

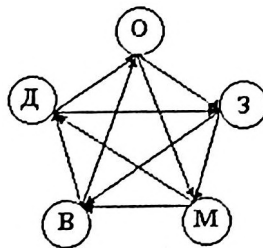
Металл царствует, Вода помогает, Дерево умирает, Огонь пленяется, Земля отдыхает¹.

Схематический вид спирали конфуцианского архетипа дао

	а	б	в	г	д	
I	Д	З	В	О	М	царствует
II	О	М	Д	З	В	помогает
III	З	В	О	М	Д	умирает
IV	М	Д	З	В	О	пленяется
V	В	О	М	Д	З	отдыхает

Графическая формула генетического кода спирали конфуцианского дао определяется по тому же способу проекции горизонтальных рядов и вертикальных колонн на плоскость, по которому определялась и графическая формула даоского архетипа.

Графическая формула генетического кода спирали конфуцианского архетипа дао

Лукьянов Анатолий Евгеньевич, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 01 — 01 — 00135а.

Поскольку между спиралями архетипов есть различия, их графические формулы отличаются друг от друга. Во-первых, горизонтальные (иньские) ряды I — V даосской спирали стоят в конфуцианской спирали по вертикали и в другом порядке. Спирали в повороте этих рядов и превращении их в колонны находятся в зеркальном отражении. Тем самым производящая мощь иньского (женского) начала в конфуцианской спирали узурпирована янским (мужским) началом. Поэтому на плоскости последовательности вертикальных колонн конфуцианской спирали выражены в форме янской пентаграммы с перекрещивающимися сторонами с иньской связью элементов в направлении по часовой стрелке.

Во-вторых, вертикальные ряды I — V конфуцианской спирали повторяют одну и ту же связь детской пентаграммы с перекрещивающимися сторонами. Поэтому графическая формула генетического кода спирали конфуцианского архетипа *дао* состоит только из двух названных фигур. В ней сопряжены два начала — отец и сын, что заложило парадигму всех построений конфуцианской концепции ценогенезисной цивилизации и непосредственно просматривается даже в ключевых категориях: *цзюнь-цзы* (благородный муж) — отец (*цзюнь*) и сын (*цзы*), царь и подданный (в семье Поднебесной); *тянь-цзы* — небо (владыка) и подданный (дитя), отец и сын и т.д. В силу того, что конфуцианство выстраивает модель своего архетипа, основываясь на производящей мощи вертикальной (янской) составляющей исходного архетипа культуры *дао*, его концепция ценогенезиса носит мужской характер.

В-третьих, генетические модальности — «царствует», «помогает», «умирает» — в конфуцианской спирали полностью социоморфизированы. Поэтому, если в даосизме человек в своей сущности — это человек вселенского, космического и ландшафтного естества, то в конфуцианстве это человек сознательно выстраиваемого вселенского, космического и ландшафтного социума.

К этому каркасу своего архетипа конфуцианство пришнуровывает все свои идеи, символы и понятия.

«По чьему примеру сын не соглашается унаследовать уступленную [ему отцом] власть? По примеру четырех сезонов, ибо «огонь» (лето) дает процветание «металлу» (осени), но не способствует расцвету «земли».

По примеру чего сын наследует власть отца после его смерти? По примеру того, что «огонь» (лето) воцаряется после завершения владычества «дерева» (весны)...

По примеру чего сановник увещевает своего правителя? По примеру того, что «металл» выпрямляет «дерево»...

По примеру чего родители дают жизнь детям, воспитывают и растят их? По примеру того, что «вода» рождает «дерево» и выращивает его большим» и т.д.²

Совершенномудрые люди глубокой древности (имена их остались неизвестными), тоже задавшись целью спасения и гармонизации Поднебесной, приняли ориентацию на настоящее и создали свою концепцию цивилизации, которая называется концепцией перемен (*и*). Суть ее сводится к восстановлению распавшейся связи небесной судьбы (*тянь мин*) и человеческой природы (*син*), что позволяет выйти на космический и вселенский энергетические уровни. Для этого совершенномудрые выстраивались по модели спирального архетипа *дао* (создавали свой совершенный объем — *жун*) и в процессе ритмичного песенно-танцевального (ритуал совершенномудрых и вселенной) шествия по этой траектории считывали узоры и образы Неба и узоры и образцы Земли, в которых гармонично пульсировала вселенская энергия *инь* и *ян*. Совершенномудрые схематизировали эту пульсацию в графических символах восьми вер-

тикально стоящих небесных (янских) и восьми горизонтально лежащих земных (иньских) триграмм. В центре этого объемного построения они разместили пульсар Великого Предела, циклизующего парное соединение и разъединение триграмм. Все это они и назвали *переменами*.

Таким образом совершенномудрые восстановили исходный архетип культуры дао («Перемены с Небом и Землей совпадают, поэтому могут полностью сплести дао Неба и Земли»³) и создали его модификацию относительно циклов вечно длящегося настоящего («Учредили образы, чтобы исчерпать мысли. Основали символы триграмм и гексаграмм, чтобы исчерпать правду и ложь. Приложили афоризмы к ним, чтобы исчерпать свои речи. Придали изменчивость и цикличность им, чтобы исчерпать пользу. Задали ритм и танец им, чтобы исчерпать дух»⁴). Это позволило совершенномудрым правильно относительно ландшафтов Неба и Земли классифицировать свойства вещей и выйти к нравственному, просветленному духом, цивилизационному дэ⁵.

Совершенномудрые разработали и соответствующую своей концепции центробежно-центростремительную космогонию Великого Предела, которую можно назвать космогонией вечно цикла перемен. Она столько же космогония, сколько и космология — процесс и структура. Сродни этой космогонии и человек перемен — он тождествен переменам, а потому вечен и бессмертен.

Спираль 8-и-8 триграмм — это исходная генетическая матрица перемен. В процессе пульсации Великого Предела триграммы сопрягаются попарно и сплетают спираль 64 гексаграмм, она и представляет собой генетический код перемен. Совершенномудрые пришнуровывали к ней весь цивилизационный генезис: «В древности Баоси был царем-ваном Поднебесной. Смотрел вверх — созерцал образы на Небе. Смотрел вниз — созерцал образцы на Земле. Созерцал узоры птиц и зверей и наземный порядок. Близкое (сходное) брал с себя, далекое (различное) брал с вещей. С этого начал создавать восемь триграмм, чтобы проникнуть в просветленное духом дэ, чтобы классифицировать свойства мириад вещей. Вязал узлы на веревках, плел сети и силки, чтобы охотиться и ловить рыбу. Видимо, брал это из гексаграммы Ли. Баоси умер, Шэньнун утвердился. (Он) срубил дерево — сделал лемех, согнул дерево — сделал соху, вспашкой и прополкой извлек прибыль и обучил этому Поднебесную. Видимо, брал это из гексаграммы И. В течение дня сделал рынок, отдал народу Поднебесной, собрал товары Поднебесной, обучил обмену и удалился. Каждое обрело свое место. Видимо, брал это из гексаграммы Ши-хо. Шэньнун умер, утвердился Хуанди, Яо и Шунь... (Они) передали потомкам одежды и Поднебесная упорядочилась. Видимо, брали это из гексаграмм Цянь и Кунь»⁶.

Итак, существует три типа подлинных цивилизаций. Они родственны, так как их структурно-функциональные архетипы являются модификациями архетипа одной культуры, лежащей в их основе. Эта культура телесно, духовно и идеально-мыслительно вращена в ландшафт, космос и вселенную. Каждая из этих цивилизаций выстраивает свою космогонию и вращивает соответствующего ей по сущности человека. Однако и они в совокупности являют единую космогонию и единого человека, только выражают его с трех различных сторон.

Среди подлинных можно встретить «спящие» цивилизации (наиболее близко стоящие к подлинным), которых усыпили накатывающиеся одна за одной волны глобализации. То это какая-нибудь мировая религия, насаждаемая сверху огнем и мечом вместе с единой государственностью и правителями-варягами; то этнически чуждая идеология интернационализма, проповедующая крушение всего до основания и требующая великих жертв ради удаленного в бесконечность будущего; то экономическая глобализация, несущая ахирию нового мышления и модернизацию; то это собственная интернационализи-

рованная «государственная крыша», пожирающая остатки подлинной цивилизации и все глубже закапывающая этническую культуру. Когда затрагиваются, пусть даже случайно, корни такой цивилизации, срабатывает архетип ее культуры и она вдруг просыпается выплеском энергии — ужасным и беспощадным бунтом, войной отцов и детей, революцией и потом долго еще содрогается. Человек в такой спящей цивилизации «с загадочной душой», а сама она трудно постигается привычной логикой ума и не измеряется общими мерами.

Все другие цивилизации — это псевдоцивилизации: маргинальные, паразитирующие, цивилизации-мутанты, цивилизации-хамелеоны, цивилизации-монстры и т.д. Их типологию можно производить по различным основаниям и критериям, но все такие образования объединяет одно: они утратили связь со своими исконными этническими культурами и сконструированы искусственно и механически. Они либо зависли над своими культурными ландшафтами, либо рассыпались по чужим пространствам.

Крайней в череде псевдоцивилизаций стоит цивилизация-монстр. Она располагается на месте уничтоженных аборигенов и их выжженной культуры. Сюда собираются джентльмены удачи со всего мира, и потому у этой цивилизации нет ни своего этноса, ни культуры. Область ее интересов — вся планета, жизненная норма — искусственный юридический закон, человек — абстрактный человек, качество человечности которого измеряется наличием и количеством денег. Мировоззренчески такая цивилизация устремлена в виртуальное пространство и время. Это самая слабая цивилизация в духовном плане и самая сильная и опасная в физическом плане. Если такой цивилизации когда-нибудь удастся хотя бы кратковременное сопряжение с культурой подлинной цивилизации, а таковыми являются, например, китайская, индийская и пробужденная русская цивилизации, то произойдет органико-техническая мутация невиданной силы, которую не сможет выдержать даже вся планета. Она содрогнется и взорвется. Техническая модернизация — это динамит, культурная унификация под этой цивилизацией — детонатор.

Могут ли подлинные цивилизации одной культуры или разных культур воевать между собой? — Нет, в их природу это не заложено. Если бы подлинные цивилизации вступили в войну, они вовлекли бы в нее и свои культуры, а эти последние через свои архетипы спровоцировали бы космическую планетную войну и войну вселенских энергий. Нет ничего страшнее для человечества, чем каким-то образом *заставить восвать культуры*. Сами культуры избегают этого, у них срабатывает защитный рефлекс. При грозящей опасности культуры сворачиваются, впадают в анабиоз и уходят в подтело, в поддушу и в подсознание человека и вообще ландшафтного существа. Когда же они не успевают этого сделать и их оболочки рассекаются, происходят мощные энергетические взрывы, вызывающие природные катастрофы, о чем и свидетельствует, например, китайская мифология: «Есть человек, одет в зеленое платье, именем зовется Дочь Хуанди Ба (Дочь Желтого Первопредка Демон-Засуха). Чию сделал оружие и пошел походом на Хуанди. Тогда Хуанди повелел Инлуну (Ин-дракону) напасть на него в долине Цзичжоу. Инлун — животное-вода. Чию попросил Фэнбо (Ветра-дядю) и Юйши (Дождя-наставника) выпустить сильный ветер и дождь. Тогда Хуанди спустил с Неба деву Ба (свою дочь Демона-Засуху). Она остановила дождь и затем казнила Чию. Ба не смогла вновь подняться на Небо и там, где поселилась, не чдут дожди...»⁷. Словом в силу вступают не связанные гармоническим единством тотемные и физические энергии.

Пока культуры забыты и люди воюют, в этом хаосе формируются псевдоцивилизации. Война — вот их родная стихия, лоно рождения и способ существования. Они буквально заряжены природой войны и питаются войной. Эти

цивилизации и воюют до сих пор между собой. В древнем Китае, например, в течение более чем тысячелетней войны (XVI-III вв. до н.э.) тут и там возникали псевдоцивилизации с глобалистскими целями. В один из периодов победило государство Цинь. Теоретической и практической основой оно избрало доктрину легизма, основывавшегося на учении о главенстве юридического закона, творцом которого мог быть только правитель. Государство Цинь удавило носителей конфуцианства и идеологически соединило легизм с даоским цивилизационным учением. В результате государство Цинь, получив мощнейший энергетический стимул, сгенерировало цивилизацию-монстра и быстро подчинило все царства, став империей. Империя Цинь просуществовала недолго (221-202 гг. до н.э.), Поднебесная не выдержала ее тяжести. Империю Цинь сменила империя Хань (II в. до н.э. - II в. н.э.), которая возродила конфуцианство и провозгласила его официальной имперской идеологией.

Можно привести пример и из нашего времени, взяв фашистскую Германию 1933-1945 гг. (без всяких параллелей с империей Цинь). Правящая верхушка нацистов создала тайный орден и сформировала институт Аненербе, теоретики которого, наследуя своим учителям, мистифицировали отношения с вселенной и разработали эзотерическое учение. Сюда вошли особая космогония и антропология с идеалом человека-бога. Своим тайным символом, концентрирующим земную и вселенскую суть, орден избрал эмблему, состоящую из окружности и вписанных в нее двух пентаграмм. А ведь это не что иное, как тайный символ пифагорейского союза (имевшего связи с Востоком) и графическая формула генетического кода даосской спирали дао. Идеологии фашизма и его тайной доктрине удалось вызвать к жизни цивилизацию-мутанта, но для подключения к вселенской энергии ей не хватало сопряжения с подлинной культурой. Пифагорейство исторически исчезло, своя германская культура была в анабиозе, и тогда поиск дешифровки телесных, духовных и мыслительных кодов с магической силой повлек теоретиков ордена на Восток — в Тибет и Монголию. Они не успели осуществить своих замыслов, фашистская цивилизация вскоре была уничтожена. Западный мир от нее отрекается, а ведь она была детищем европейских псевдоцивилизаций. И повинна в ее появлении не только одна Германия.

Однако все-таки на каком языке и как могут построить диалог подлинные культуры и цивилизации? Единой методологией для этого может служить выявление и согласование их структурно-функциональных архетипов в статическом и динамическом состояниях. Это единый алфавит и общечеловеческий словарь адекватного взаимного понимания. Возьмем пример возможного построения диалога цивилизации даосизма и цивилизации «И цзина» внутри китайской культуры дао. Пространственное расположение восьми триграмм и Великого Предела, в частности имеется в виду система Вэнь-вана, уложено в числовую матрицу, называемую математиками магическим квадратом, так как сумма чисел в нем по вертикалям, горизонталям и диагоналям одинакова.

Магический квадрат
(в европейской цифровой символике)

4	9	2
3	5/10	7
8	1	6

Нечетным числам последовательности 1-3-7-9 прямого (янского) креста соответствуют триграммы Кань-Чжэнь-Дуй-Ли (Вода-Гром-Водоем-Огонь), четным числам последовательности 2-4-6-8 диагонального (иньского) креста

соответствуют триграммы Кунь-Сюнь-Цянь-Гэнь (Земля-Ветер-Небо-Гора). Числа 5 и 10 символизируют нечетно-четную диаду Великого Предела (она может выражаться и одним числом 5).

Теперь осталось найти соответствие данной числовой и графической матрицы с архетипической спиралью даосской культуры *дао*.

Спираль даосской культуры *дао*

	а	б	в	г	д
I	Д	О	З	М	В
II	В	Д	О	З	М
III	О	З	М	В	Д
IV	М	В	Д	О	З
V	З	М	В	Д	О

Примем элемент М (IIIв) за Центр, или Великий Предел (в этой роли может выступать любой из элементов ряда III, так как спираль объемная и замкнутая). Вокруг этого элемента располагаются восемь элементов, которые вместе с ним образуют девятичастную матрицу с построениями элементов в прямом и диагональном крестах. Элементы прямого (янского) креста в последовательности З-О-М-Д-В (IIIб, IIв, IIIв, IVв, IIIг) воспроизводят янскую вертикаль «в», элементы диагонального (иньского) креста в последовательности О-З-М-В-Д (IVг, IIз, IIIв, VIб, IIд) воспроизводят иньскую горизонталь ряда III. Эти последовательности в точности повторяют траектории соединений нечетных и четных чисел в магическом квадрате (относительно изображенного нами в даоской спирали *дао* он повернут вправо на 90 градусов).

Элементы больших прямого и диагонального крестов, которые стоят за элементами рассмотренных малых прямого и диагонального крестов, тоже образуют девятичастную матрицу. Последовательность элементов З-О-М-Д-В большого прямого креста и последовательность О-З-М-В-Д большого диагонального креста тоже соответственно воспроизводят янскую вертикаль «в» и иньскую горизонталь ряда III и тоже повторяют траектории нечетных и четных чисел магического квадрата.

Вне прямых и диагональных крестов остались четыре одноименных элемента М и четыре разноименных элемента О (Iб), З (IVд), В (IIа), Д (Vг). Но они сами образуют свой особый крест и им соответствуют числа Великого Предела: одноименным элементам число 5, разноименным — 10 (ниже в матрице обозначены символом ☉).

Подставив на место элементов даосской спирали числа, а затем на место чисел графические символы триграмм вместе с символами Великим Пределом, мы получим систему адекватного согласования даоского и ицзиновского архетипов *дао*, т. е. код диалога даосской и ицзиновской цивилизаций.

Согласование по числовой матрице магического квадрата

	а	б	в	г	д
I	8	10	1	5	6
II	10	8	3	4	5
III	3	1	5/10	9	7
IV	5	6	7	2	10
V	4	5	9	10	2

Согласование по графической матрице триграмм

☰	☱	☲	☳	☴
☱	☰	☳	☴	☲
☲	☳	☱	☴	☰
☳	☴	☲	☱	☰
☴	☲	☳	☱	☰

Аналогичным образом по архетипическому основанию может быть построен диалог между различными культурами, например, между греческой культурой *логоса* и китайской культурой *дао*. У греков тоже фигурируют пять элементов — земля, вода, воздух, огонь, эфир, упорядоченные по уровням вертикали и сориентированные по сторонам света по горизонтали (в парных противоположностях должно быть 10 элементов). Нередко вместо пяти фигурируют четыре элемента, но тогда в качестве пятого выступает их пульсирующее единство. В том, что эти элементы для Средиземноморья являются общечеловеческим и космическим алфавитом, а также мыслительным кодом, убеждают сами древнегреческие философы. Эти элементы они называют стихиями (от греч. *στοιχείον* — буква, во множественном числе *τα στοιχεία* — алфавит), т. е. алфавитом, из которого в спирали архетипа ткется текст Логоса и организуются мыслительный и эмоционально-чувственный процессы:

Так что из этих стихий все гармонично сложилось,

Ими они размышляют, ими грустят, веселятся...

Ибо землю мы землю, а воду водой постигаем,

Чистым эфиром эфир, огнем же огонь смертоносный,

Знаем Любовью Любовь, Раздор ненавистный Раздором...

Знай же, что все сознает и все разуменью причастно⁸.

Тематика диалога определяется тем содержанием, которое прищуривается к архетипической конструкции. Например, зная соотношенность элементов с человеческими чувствами, можно построить исходную статическую матрицу диалога чувств грека культуры *логоса* и китайца культуры *дао*.

Греческая модель логоса

Вода
вкус

Эфир Земля Огонь
зрение осязание обоняние

Воздух
слух

Китайская модель дао

Огонь
вкус

Дерево Земля Metall
зрение осязание обоняние

Вода
слух

Далее для сопоставления нужно выбрать типы спиральной развертки архетипа (даоский, конфуцианский или ицзиновский со стороны дао и пифагорейский, гераклитовский или эмпедокловский и т.д. со стороны логоса), выявить их графические формулы генетических кодов и по проекции друг на друга определить, в каких фрагментах достигается адекватность понимания.

Тематика диалога по архетипам культур не ограничена, все дело заключается в знании того, что прищуривается к элементам архетипа. Сюда могут быть включены цивилизационные идеи, и тогда разговор пойдет об идейном взаимопонимании цивилизаций. Высшая степень протекания диалога — это организация его в целях пробуждения культур и подлинных цивилизаций по всей ландшафтной спирали.

Диалог не только *может* быть организован, т. е. быть лишь в возможности. Между отдельными культурами он осуществлялся в действительности. Общеизвестен факт распространения индийского буддизма в Китае в I–VI вв., т. е. факт диалога культур, завершившийся их рецепцией. Интересно не только как, но и почему это произошло. Индийский буддизм вырос на почве индийской культуры *ом*, спиральный архетип которой имеет структурно-функциональное сходство с архетипом культуры *дао*⁹. Перемещаясь в Китай и встречаясь с человеком культуры *дао*, буддизм чувствует себя архетипически подготовленным, что прослеживается даже в области простонародного сознания. Вводя в него свои фундаментальные идеи «загробного воздаяния» и «потустороннего мира», буддизм осуществил процедуру архетипического сращивания *ом* и *дао*. Во-первых, он использовал универсальную для всех культур космологическую модель горы и воды, по которой происходит адаптация собственных идей к чужому сознанию. В частности эта архетипическая модель использована буддизмом для проведения идеи «потустороннего мира». Во-вторых, буддизм осуществил пересемантизацию основных понятий, символов и образов, придав им имена и наполнив их содержанием культуры *дао*. В-третьих, количественный состав категорий и персоналий буддийской веры был поставлен в равное соотношение с набором элементов архетипов *ом* и *дао*. Буддизм «пришнуровал» свое идейное содержание к архетипу *дао*. Так произошло с Небесным императором и Четырьмя Владыками-Чатурмахараджами, подвергшимися даосистской пересемантизации. «Подобная эволюция образов — отмечает отечественный исследователь буддизма М.Е. Ермаков, — Небесного императора и Четырех Владык-Чатурмахараджа отражает и общую тенденцию популярной космографии раннего китайского буддизма: ее исконно китайские элементы наполняются буддийским религиозным содержанием, а элементы, привнесенные буддизмом из иных культурных традиций, ассимилируются, приобретают китайские признаки, китаизируются. Собственно говоря, такая тенденция и позволяет столь разнородным и, казалось бы, несочетаемым элементам различных культурных традиций свободно сочетаться в рамках единых религиозно-мифологических представлений»¹⁰. Индийский буддизм врос в почву китайской культуры и китаизировался настолько, что к эпохе правления династии Сун (960–1279) вместе с конфуцианством и даосизмом вошел в состав комплекса «трех [основных] учений» (*самь цзяо*) и до сих пор продолжает оказывать заметное влияние на самосознание китайцев.

Есть и более современный пример попытки диалога культур. Старшее и среднее поколения еще помнят о быстро сложившейся крепкой и искренней дружбе китайского и советского народов в 50-е годы XX столетия. «Русский, китаец — братья навек!» — пелось в песнях, русские назывались старшими, китайцы младшими братьями. И это был не просто лозунг. Выстраивая диалог с русскими, китайцы со своей стороны в качестве основного принципа выдвинули «братство» — одну из пяти составляющих архетипа *дао*, несущего нормы построения отношений между людьми. Этот архетип проходит по многим древнекитайским канонам и в полном виде запечатлен в «Чжун юне» («Следование Середине»): «Великое *дао* Поднебесной исчисляется пятью (отношениями), а то, чем (оно) приводится в действие, исчисляется тремя (качествами). А именно: отношения правителя и подданного, отца и сына, мужа и жены, старшего и младшего братьев (*выделено А.Л.*), друга и друга — эти пять (отношений) и есть Великое *дао* Поднебесной. Мудрость, человеколюбие и мужество — эти три (качества) и есть Великое *дэ* Поднебесной. То, чем они приводятся в действие, есть единое»¹¹. Братские отношения связаны здесь через *дэ* с человеколюбием, но, кроме того, они сами являются тем корнем, из которого человеколюбие взращивается. Таким образом, братские отношения напрямую выводят к архетипической духовной модели *дао* (*дао дэ*) — *жэнь*, *и*, *ли*, *синь*, *чжи*.

Назвав русских старшими братьями, китайцы попытались осуществить невиданный в современной истории ландшафтный, космический и вселенский синтез культур и народов. Вот тут бы русским и ответить архетипом своей культуры, впитать отношения «старшего и младшего братьев» и влить в китайский архетип дао свои братские идеи. Но где было взять этот архетип, где он скрывается и спит, этот архетип Росса? Русские духовно промолчали, продолжительность отношений братства была короткой, и в дело вступили политики псевдоцивилизаций. Китайские политики ударились в «критику Конфуция» и «культурную революцию», т. е. в разрушение архетипических основ культуры дао, а русские политики — в «гонку вооружений» и «холодную войну» (которая вдрызг проиграна, а вооружение до сих пор взрывается на складах, расплывается и растаскивается).

Обратная архетипическая формула «братства» формула «антибратства» не замедлила сказаться: «Появится старший брат — и младший брат погибнет». Такая максима была влита в сознание китайского народа. Мало того, что русский согласно ей мгновенно из брата превращался во врага, он еще воспринимался как «нечеловек», у которого отсутствует одно из главных архетипических качеств добродетели — человеколюбие.

Имеются и современные попытки построения диалога, только не между культурами, а между государствами и странами. Недавний пример — организация «Шанхайской пятерки» (1996). Звучит символично, архетипично и многообещающе: Шанхай — буквально «Надморье», а пять — архетипическое количество стран (оно хорошо вписывается в архетипическую геополитическую карту «Шань хай цзина» — «Канона гор и морей»: в нем есть «Внутриморье», «Заморье», теперь было бы еще и пятиэлементное «Надморье»). После двух саммитов (1996, 1997), способствовавших выработке мер военно-политического доверия в приграничных районах, «Шанхайская пятерка» духовно оживотворилась и обрела «шанхайский дух». После пяти саммитов в «Шанхайскую пятерку» был принят новый член — Республика Узбекистан. «Шанхайская пятерка» утратила свой архетипический лик и превратилась в ШОС — Шанхайскую организацию сотрудничества. К сожалению, в договорной основе ШП и ШОС нет и намек на построение единства по архетипам культур и подлинных цивилизаций. Как быстро и искусственно этот союз возник, также быстро он может и распасться, симптомом чего может быть борьба с афганским терроризмом. Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан предоставили свою территорию вооруженным силам США, а голоса ШОС даже не было слышно, да ее и вообще не спросили. К сожалению, политическая, экономическая и военная конъюнктура оказалась сильнее союзного единства.

В настоящее время в Азиатско-Тихоокеанском регионе вызревает новый экономический, политический и культурный центр планетарного значения, лидером которого по всем данным и общему признанию становится Китай. Социальная футурология псевдоцивилизаций во всей своей научной многоликости задается вопросами: Каковы отрицательные и положительные последствия возвышения Китая для остального, прежде всего западного, мира? Как реагировать на это западной цивилизации — душить, лелеять или бояться? Мы бы добавили сюда еще вопросы: А что представляет собой Китай на настоящий момент? Не утратил ли он своей культурной архетипичности? Можно ли и как построить с ним диалог?

Китай строит «социализм с китайской спецификой», проводя модернизацию путем реформ и открытости¹². Это новый этап органического развития китайской культуры и цивилизации. Аналогично тому, как начало древней цивилизации согласно архетипу дао олицетворялось пятью Первопредками — Фуси, Шэньнуном, Хуанди, Яо и Шунем («И цзин»), новый этап освещается и освящается учениями, идеями и теориями пяти гениальных вождей и личностей — Маркса, Энгельса, Ленина, Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Руководство

страны признает возможность и необходимость сочетания в строящемся типе общества внутреннего — китайских традиций и внешнего — некитайского социализма и достижений капитализма. Как это происходит, можно убедиться не только формально, но и по существу, отыскивая архетипические структуры культуры *дао*.

На территории Китая создается новое общество, т. е. осуществляется социоприродный космогенез. Внутренними энергетическими импульсами для него служат традиции (опора на собственные силы), внешними — социализм (принятый по преимуществу и раньше) и капитализм (принятый в отдельных аспектах и позже). Если этнические культурные традиции признаются и наследуются, то, согласно и новой теории построения социализма с китайской спецификой, в социокосмической сфере должен располагаться известный нам по классической древности структурно-функциональный архетип *дао*. В докладе Цзян Цзэминя на XV Всекитайском съезде КПК говорится: «В исторический момент всестороннего продвижения нашего дела в XXI в. мы торжественно заявляем: вся партия должна без малейших колебаний отстаивать основную линию партии на начальном этапе социализма, а экономическое строительство как центральную задачу вместе с четырьмя основными принципами и двумя основополагающими моментами — реформой и открытостью — привести в единство с великой практикой строительства социализма с китайской спецификой»¹³.

Здесь отчетливо выступает система архетипа *дао*, выполняющего в данном случае функцию *хуаси* — «китаизации», или «растворения западного». В центре стоит элемент *экономического строительства*, в соединении с элементами *реформы* и *открытости* он образует вертикальную триаду, а с *четырьмя основными принципами* — пятиэлементную горизонталь. Все элементы взаимосвязаны и охвачены *единым* — *практикой строительства социализма с китайской спецификой* (это буквальное структурное воспроизведение архетипа *дао* в варианте 1 — Единое, 3 — *дэ*, 5 — *дао* из «Чжун юна», о котором говорилось выше). Привходящий сюда извне *социализм* системно не вписывается, поэтому он специфицируется (=китаизируется). Во-первых, в обобщающей формуле Дэн Сяопина о «сущности социализма» расставляются новые акценты в определении социализма относительно классической европейской марксистской формы социализма. Во-вторых, его положения структурируются по количеству пяти элементов архетипа *дао*: «Сущность социализма — это (1) раскрепощение и (2) развитие производительных сил, (3) уничтожение эксплуатации, (4) устранение поляризации и в конечном счете (5) достижение общей зажиточности»¹⁴.

Дальнейший расширенный анализ обобщающей формулы Дэн Сяопина, проводимый китайскими теоретиками, выявляет в содержании социализма пять бинарных *единств*: (1) единство производительных сил и производственных отношений социалистического общества, (2) единство коренных задач и коренных целей социализма, (3) единство материальной базы и общественных отношений при социализме, (4) единство коренных методов и конечных целей социализма, (5) единство процесса развития и конечных результатов социализма¹⁵. Таким образом, *социализм* вводится в классическую архетипическую формулу *дао*, включающую пять типов отношений. Далее теория социализма подхватывается и раскручивается спиралью модернизации. Данным способом осуществляется содержательный и структурный перенос западноевропейского социализма на китайскую почву и его китаизация (этот же механизм работает и в процессе освоения капиталистических ценностей).

Внутренняя традиция тоже реформируется согласно архетипу модернизации. Получаемые при этом категориальные смыслы диадически совмещаются с категориальными смыслами привходящего извне социализма, сливаются в *дао* и окунаются в практику. Эта операция тоже относится к статусу ар-

хетипической и известна из классической древности: «Сочетание внешнего и внутреннего — это дао. Поэтому своевременное применение его на практике есть то, что необходимо»¹⁶.

Пронизывая весь социально-природный организм, архетип *четырёх модернизаций* выстраивает все его физические, духовные и идеально-мыслительные клеточки по своему генетическому коду. Отсюда получаются четыре сферы приложения духовной культуры, четыре аспекта модернизации человека (идейных взглядов, образа мышления, личностных качеств, образа жизни) и т.д.

Акцентируя внимание на *экономическом строительстве*, теория Дэн Сяопина, однако, не отказывается от духовной традиции. Строительство социалистической экономики с китайской спецификой может нормально идти только в параллели с построением духовной цивилизации, что еще раз подтвердил Цзян Цзэминь: «Строительство духовной цивилизации будет стимулировать строительство материальной цивилизации и сможет гарантировать ее правильное развитие»¹⁷. При этом первостепенное значение уделяется «модернизации человека» и — еще шире — формированию «нового человека». Нужно «лепить человека из материала высокой духовности» (Цзян Цзэминь). В результате должен вырасти настроенный на единые ритмы, хорошо отлаженный, устойчивый и могучий организм Срединной Цветущей Страны.

Как видно, Китай не утрачивает архетипа своей культуры и, более того, он не только сам культурно трансформируется по архетипу дао, но и создает вокруг себя ареал стран «конфуцианской культуры» с системами «конфуцианского социализма» и «конфуцианского капитализма». Китай задает необычный пульс «мировому порядку» и «существованию цивилизаций» и Запад на это реагирует.

В своей книге С. Хантингтон в главе «Цивилизационная война и порядок» развернул сценарий глобальной цивилизационной войны. Источник войны автор видит в «изменении баланса сил между цивилизациями и их срединными государствами». Виновником выступает Китай: «Если оно (т.е. изменение баланса) будет продолжаться, то подъем Китая и растущая самоуверенность этого «крупнейшего игрока в истории человечества» ляжет в начале XXI века тяжким гнетом на международную стабильность. Появление Китая в качестве доминирующей силы Восточной и Юго-Восточной Азии вступит в противоречие с американскими интересами — в том виде, как их исторически интерпретировали»¹⁸.

Получается, что США *могут* иметь кровные интересы в Восточной и Юго-Восточной Азии, а вот Китай у себя дома, на материке, права на это не имеет, иначе — глобальная бойня. Остается только найти предлог и место, откуда она начнется, и С. Хантингтон находит их: место — Южно-Китайское море, яблоко раздора — нефть. Американские компании будут ее быстро осваивать под покровительством Китая и кое-где Вьетнама. Потом Китай заявит о своем приоритете, Вьетнам воспротивится, Китай нападет на Вьетнам, Вьетнам обратится к США, США не откажут в просьбе и, конечно, выступят в роли субъекта «порядка»: «США посчитают необходимым вмешаться, защитить международное право, наказать за агрессию, отстоять свободу судоходства, обеспечить себе доступ к нефти Южно-Китайского моря и предотвратить господство в Восточной Азии единственной державы». Естественно, что «Китай посчитает такое вторжение совершенно нетерпимым»¹⁹. Произойдет столкновение, которое втянет в войну весь мир.

Какой бы «дикой и неправдоподобной фантазией» (по словам самого С. Хантингтона) этот сценарий ни казался, к нему следует отнестись серьезно. Это не виртуальный и безобидный игровой проект, но целая программа, сознательная установка, направленная на подготовку общественного мнения для реабилитации США. Вот, мол, будет глобальная война цивилизаций, а винов-

ник уже есть — посмевающий возвышаться без разрешения «мирового сообщества» Китай.

Сценарий завершается провозглашением истины из двух правил. Первое — «правило воздержания, заключающееся в том, что сердцевинные государства должны воздерживаться от вмешательства в конфликты внутри других цивилизаций». Второе — «правило совместного посредничества — заключающееся в том, что сердцевинным государствам следует вести друг с другом переговоры о сдерживании или прекращении войн по линиям разлома между государствами или группами, входящими в их цивилизации». Вдобавок С. Хантингтон погоревал: «Некоторым государствам, особенно Соединенным Штатам, будет, несомненно, трудно согласиться с этой истиной»²⁰.

Сценарий интересен тем, что С. Хантингтон озвучил то, чего боится Запад, прежде всего США. Китай действительно противостоит США, но не как псевдоцивилизация, а онтологически — планетарно, космически, вселенски. Китай является тем центром, который изготовился к генерации подлинных общечеловеческих духовных ценностей и пробуждению спирали планетарных культур, что вызовет шелушивание оболочки псевдоцивилизаций. Вот чем для них ужасен и страшен Китай. Сомнительно, чтобы Китай, «конфуцианизируя» свое культурное пространство, испытывал агрессивные чувства и пропагандировал войну. «Если жители далеких окраин не покоряются, то совершенствуют культуру и дэ (выделено мной. — А.Л.), чтобы привлечь их. А когда привлекут, то умиротворяют их» — так говорил Конфуций и таково кредо дао²¹.

В онтологии Китай противостоит США прежде всего антропологически. Китаец не утрачивает *человечности* в ландшафтных и вселенских просторах, он сохраняется даже «в пустоте», как говорили древнекитайские мудрецы. Человек США — человек доллара. В периоды кризисов ему оттопчут руки и ноги в любой точке планеты. И чем чаще это будут делать, тем более он будет агрессивен. Его защита — экспансионизм, не прекращающаяся ни на миг экономическая (долларовая) глобализация. Ее можно понимать и в прямом культурологическом аспекте. В отсутствие корневой этнической культуры США инстинктивно, наощупь ищут культуру-донора. Поэтому здесь должен работать сценарий, обратный сценарию цивилизационной войны. Может быть, США нужно не ослаблять Китай, а лелеять его и поступать наподобие кукушки, которая подкладывает свои яйца в чужие гнезда: сделать из Китая инкубатор, в культурный кокон которого подкладывать свои идеи и духовные ценности, выращивать их и выпускать их через Китай в планетарную Поднебесную. Окончательная экономическая глобализация и декультуризация планеты чревата для США трагической кончиной, чем ближе берег глобализации, тем ближе конец США.

Допустим, псевдоцивилизация поглотила бы культуру Китая и планету сотрясла ее предсмертная дрожь. Смогла бы какая-нибудь другая культура выполнить миссию пробуждения планетарной спирали этнических культур? По-видимому, это могла бы быть культура России. Сейчас Россия живет по сценарию палингенезиса (что по пунктам иллюстрируется даосской концепцией палингенезиса и не случайно, ибо здесь наблюдается сродство *женских душ* — даосской китайской и русской):

1. СССР распался на отдельные государства, предпринимается попытка раздробить Россию на малые государства; Россия разоружается, оставшееся оружие не может быть приведено в движение наличными силами; население редет, смертность превышает рождаемость, между поселениями образуются устрашающие непреодолимые пустоты — «Пусть царства станут маленькими, а население редким, чтобы никакое имеющееся в неисчислимом множестве оружие не применялось, чтобы люди под страхом смерти далеко не

переселялись. Хотя есть лодки и колесницы, пусть бы никто в них не сажался. Хотя есть латники, пусть бы никто не строился в боевые порядки».

2. Год от года растет безграмотность, мы начинаем как деды и бабки вязать узелки на память — «Пусть люди вернуться к вязанию узелков на веревках и пользуются ими (вместо письма)».

3. С соседними государствами связь значительно ослаблена, многие отказываются от общего языка общения, теле- и радиокommunikации обрываются и иногда едва теплятся, взаимопонимания почти нет — «Пусть соседние царства взирают друг на друга и слушают друг у друга пение петухов и лай собак, а люди (этих царств) пусть доживают до глубокой старости и друг с другом не общаются»²².

Этот перечень совпадения стадий палингенезиса можно продолжать и продолжать. Однако при всей буквальной схожести своих программ и родстве душ даоский и русский палингенезисы в то же время совершенно различны.

Во-первых, даоский палингенезис программируется по архетипу культуры дао. Русский палингенезис осуществляется внезапно и провоцируется интернационалистической глобализацией извне и бунтующим революционным лакейством внутри («...умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе» — смердяковщина, по Ф.М. Достоевскому). За вакханалией «реформ» не видно действия архетипа Росса.

Во-вторых, человек и человеческое сохраняются в даоском палингенезисе на всем пути вплоть до антропологической первоточки, т. е. до ландшафтного (а значит и космического и вселенского) младенца. Этот китайский младенец-дао поет и танцует под сущностью живой энергии (цзин) и тем самым выражает архетипическую гармонию (хэ), постоянство (чан), как гарантию единства культуры и цивилизации дао, и просветленность (мин) как собственно цивилизационное воплощение культуры дао²³. Мы тоже скоро дойдем до антропологической (тотемной и природно-вещной) первоточки и тоже под импульсом архетипа Росса «запоем и затанцуем». Русский человек войдет в свое язычество и встретится с самим собой в младенце-Россе (уже и сейчас наблюдается спорадическое индивидуальное и коллективное обращение к язычеству). Интересно, какую культурно-цивилизационную разрядку он увидит в своем архетипе? Возможно, архетип Росса долгое время был в анабиозе, и долгое время русская душа оставалась «загадочной», ибо не развернулась во всю ширь. Или архетип Росса все же функционировал, но мы не могли его разглядеть под чужими идейными, идеологическими и религиозными покрывалами. Однако в том и другом случае онтологическое пробуждение архетипа Росса, его культурогенное действие в этническом психологическом, феноменальном вещном и теологическом мире будет способствовать и ландшафтному пробуждению спирали подлинных культур. Главное — импульс, импульс человеческого, тотемного и природного пробуждения этноса, только бы дойти до него и не поддаться иллюзии «бунтующего лакейства» (Н.Бердяев).

Итак, проблема войны культур и цивилизаций в разработке многих современных исследователей трансформируется в теорию «цивилизационной войны и порядка». За словом «порядок», семантически размывающим внимание обывателя, скрывается политический заказ программирования войны цивилизаций, внушения ее реальности и почти неизбежности в случае неподчинения односторонне устанавливаемым нормам глобализации.

В контексте рассмотрения генезиса культур и цивилизаций и их взаимодействия формула войны цивилизаций и порядка может быть транскрибирована иначе, а именно как формула войны и мира культур и цивилизаций. Как следует из изложенного выше, каждая культура вырастает на своем структурно-функциональном архетипе и входит в состав планетарной спирали культур. Каждая культура типологически представляется триединым субъектом — человеком, родовым тотемом и территорией и располагается на трех

уровнях — ландшафтном, космическом и вселенском. Сохраняя свое постоянство, культуры осуществляют по алгоритмам пульсации спиральных архетипов саморефлексию и достигают в самопознании степени просветления/просвещения. В этом акте культуры превращаются в цивилизации, что открывает им способность сознательной активизации энергетических потенциалов в условиях планетарных катаклизмов. Каждая цивилизация подстраховывает и держит свою культуру над естественно изменяющимся ландшафтом и позволяет адаптироваться в нем. *Цивилизация — это диапазон сознательного вживания культуры в новый ландшафт.* В генетическом коде этих подлинных культур и цивилизаций нет гена войны, а потому в их мире царит мир.

Воюют цивилизации мутанты, которые либо отпали от своих культур, либо сформировались на голом (=чужом) месте. Обладая знанием о культуре и цивилизации, они рядятся под них каждая на свой лад и выживают за счет создаваемого искусственного ландшафта. Они создают и себе подобный тип искусственного человека — марионетку товарных отношений. Эти псевдоцивилизации замешаны и выпечены на огне войны и потому в их войне царит война. Здесь не может быть научной теории решения проблемы войны: там, где завязывается экономический узел, сейчас же политическими средствами в скрытой или явной форме развязывается конфликт. Единственным средством против войны псевдоцивилизаций является пробуждение и возрождение подлинных культур.

1. Запись реставрирована по тексту «Бо ху тун» («Дискуссия в зале Белого Тигра»). См.: Бо ху тун. Перевод отдельных глав Т. В. Степугиной // Древнекитайская филология. Эпоха Хань. М., 1990.
2. Там же. С. 236-238.
3. Сицы чжуань (Комментарий привязанных (пришнурованных) афоризмов) // Чжоу и (Чжоуские перемены) // Сы шу у цзин (Четыре книги [и] Пять канонов). Т. 1. Пекин, 1983. Верхний раздел, §4.
4. Там же. §12.
5. См.: Там же. Нижний раздел. §2.
6. Там же.
7. Шань хай цзин. Шанхай, 1985. С. 286.
8. Эмпедокл. «О природе». Фрагменты из поэмы. Перевод А. В. Сёмушкина // Сёмушкин А. В. Эмпедокл. М., 1994. С. 238-239.
9. Сходство архетипов культур адо и ом см.: Лукьянов А. Е. Истоки Дао (древнекитайский миф). М., 1992. С. 41-42.
10. Ермаков М. Е. Мир китайского буддизма. СПб., 1994. С. 50-51.
11. Чжун юн. §20. (Следование середине) // Сы шу у цзин (Четыре книги [и] Пять канонов). Т. 1. Пекин, 1983. П. 20.
12. См.: Титаренко М. Л. Китай: цивилизация и реформы. М., 1999. С. 74-122.
13. Цит. по: Теоретические дискуссии о пути развития КНР. Издание подготовили Д. А. Смирнов, П. М. Кожин. М., 1998. С. 39.
14. Там же. С. 6.
15. См.: Там же. С. 11.
16. Чжун юн. §25.
17. Цит. по: Теоретические дискуссии о пути развития КНР. С. 69.
18. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка (отрывки из книги) // Project Contra. Т. 2, № 2. Весна. 1997..
19. Там же. С. 152.
20. Там же.
21. Лунь юй. ХУІ. 1.
22. Дао дэ цзин. §80.
23. Там же. §55.

Культура

Мисима Юкио: поиски себя в послевоенной Японии

© 2002

О. Железняк, А. Раевский

2 сентября 1945 г., в 9 часов утра на борту вошедшего в Токийский залив американского линкора "Миссури" был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. От Японии его подписали министр иностранных дел Сигэмицу Мамору и генерал Умэдзу Ёсидзиро. Кончилась эпоха милитаристской Японии, а с ней ушёл в прошлое и лозунг "Сильная армия — сильное государство". Окончательный отказ от него был закреплён в 9-ой статье новой конституции, принятой в 1947 г.

В результате этого, как считали многие видные деятели страны, японцы утратили боевой дух и нация стала деградировать. Такой точки зрения придерживался и известный писатель Юкио Мисима.

25 ноября 1970 г. в 12.00 он устраивает мятеж на одной из баз Сил самообороны в центре Токио, произносит перед солдатами пламенную речь о деградации Японии, но его никто не поддерживает. Не закончив речь, Мисима совершает самоубийство широко распространённым в феодальной Японии способом сэппуку.

Однако даже смерть Мисимы не вызвала особого резонанса в стране. Большинство японцев считало Мисиму сумасшедшим фанатиком, свихнувшимся на самурайстве, кто-то называл его просто клоуном, желающим прославиться подобным образом. Лишь немногочисленные деятели правой политической ориентации были согласны со стремлением Мисима возродить самурайский дух и вернуть "нацию к её исконно японскому духу". Но, как пишет известный американский японовед Г.Стокс,¹ он оказался бессильным что-либо сделать.

Наиболее вероятной представляется версия, по которой Мисима, как воспитанник старой "дооккупационной" Японии, не мог смириться с отказом от большинства существовавших ранее ценностей и предпочёл уйти в прошлое со старой Японией, не найдя в себе сил существовать в новой стране. Уйти согласно всем правилам кодекса бусидо и своим собственным принципам. Такая смерть была для Мисимы закономерна, доказательство чему можно найти в его произведениях, во многих из которых так или иначе присутствует тема

Железняк Оксана Николаевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Раевский Александр Евгеньевич, студент Института Азии и Африки МГУ.

смерти. Мисима ушёл из жизни, оставив после себя десятки томов сочинений и не меньшее количество загадок о своей жизни.

Мисима Юкио (настоящее имя — Хираока Кимитакэ) родился 14 января 1925 г. С 1931 г. учился в Гакусюин — привилегированной токийской школе для детей из знатных семей, окончил её в разгар войны, в 1944 г., после чего поступил на юридический факультет Токийского университета. Из-за слабого здоровья в армию он не попал и даже был этому рад, о чем напишет в автобиографическом романе “Исповедь маски”.

Уходило в прошлое время успешного продвижения Японии по архипелагам Тихого океана, её флот терял корабли, а восполнить потери не было сил и средств. Военно-морские силы США быстро наращивались и освобождали захваченные Японией острова, приближаясь к самой стране. В Токио началась подготовка к созданию специальных отрядов гражданского населения на случай военного вторжения. Сдержат американское наступление японцы уже не могли, так как не было ни военной техники и вооружения, ни подготовленных специалистов. Был лишь дух бусидо и готовность к самопожертвованию. Именно поэтому в 1944 г. стали формироваться отряды летчиков-камикадзэ, направлявших свои самолёты на американские корабли.

Многие сверстники Мисимы, призванные в армию, погибли. Сам он закончил юридический факультет и поступил на работу в Министерство финансов. В стихах и рассказах, которые он писал в то время, неизменно присутствовала тема смерти. В тот период его отношение к смерти двойственно: с одной стороны, он заворожён её красотой, находясь под литературным влиянием поэтов-романтиков, а с другой — боится её, осознавая своё физическое несовершенство. Мисима растерян и напуган тем, что происходит в его душе и вокруг него. Это наслонение переживаний даёт колоссальный стимул для творчества. И в этом Мисима находит на тот момент облегчение.

Кардинальные изменения, произошедшие в Японии после окончания Второй мировой войны, не оставили Мисиму равнодушным к ним. И если вначале он был ещё счастлив, что не стал смертником-камикадзэ и не погиб за страну, то вскоре стал корить себя за это.

Испытывая растерянность и стремясь обрести душевное равновесие, он решает исповедаться. Первая писательская исповедь выходит в 1949 г. и носит интригующее, но весьма противоречивое название: “Исповедь маски”.

Если в первом слове читается желание раскрыть душу, то второе свидетельствует о её сокрытости. Сочетание двух противоположных начал в названии — раскаяния и скрытности — вызывает некую долю скепсиса ко всему излагаемому в романе и нет доверия к “маске”, рассказывающей эту историю.

Герой произведения хилый болезненный мальчик Кимитакэ Хираока испытывает ряд мучительных нравственных терзаний, переживает из-за того, что избежал армии: “Молоденький военный врач принял хрипение моих простуженных бронхов за лёгочные шумы. Я ещё и нарочно преувеличил своё болезненное состояние, после чего был отправлен на анализ крови. Из-за высокой температуры результат получился убийственный: врач объявил, что у меня туберкулёз, и велел немедленно возвращаться домой”.² Обманув врача и радуясь тому, что тот велел ему идти домой, юноша тем не менее в смятении, его одолевают сомнения: “Я сам не понимал, какая сила заставила меня со всех ног мчаться обратно от казармы. Неужто я всё-таки хочу жить?... Меня захлестнула волна стыда... Каким же мучительным стало для меня это открытие! Куда приятнее было бы считать, что Смерть не приняла, отринула меня”³. В тот период жажда смерти оказалась надуманной, Мисиме хотелось жить и творить. Свою вину перед Японией он начинает чувствовать лишь спустя четыре года после окончания войны, в годы оккупации.

Жизнь Мисимы — это попытки достигнуть гармонии. После написания “Исповеди маски” он обрёл душевное равновесие, но понял, что этого недостаточно. На момент создания романа Мисима недалеко ушёл от описываемого там болезненного мальчика. В то время он занимался прежде всего совершенствованием своего литературного стиля, а не физического состояния.

Только после путешествия в Грецию в 1951 г. и возвращения в Японию он начинает заниматься каратэ, кэндо, фехтованием и лёгкой атлетикой. Именно тогда меняется его отношение к смерти — если раньше он был завожжён её красотой и в то же время напуган вероятной близостью, то теперь появляется стремление достойно её встретить. Укоры самому себе в слабости сменяются жаждой действия, вместо растерянности после поражения Японии вырабатывается личное отношение ко всему происходящему в стране. Он стремится хотя бы через свои произведения возродить ту Японию, которую терял.

В 1956 г. Мисима пишет роман “Золотой храм” (“Кинкакудзи”), плач по уходящей в прошлое “великой стране Японии” и великому боевому “духу Ямато”. Киотоский храм Кинкакудзи олицетворяет старую Японию. Его поджигает монах Мидзогути. Писатель пытается показать, как слепы и бесчувственны люди, желающие забыть и уничтожить ту Японию, героем которой считал себя Мисима. Для Мисима, — пишет наш известный специалист по японской литературе К. Рехо, — поджог храма ещё и акт мести ненавистной ему послевоенной японской действительности, когда люди, по мнению писателя, утратили высокое стремление к красоте, каждый гонится лишь за сытой жизнью⁴. Роман написан на основе реального факта-поджога Кинкакудзи, совершённого в 1950 г. К этому времени уже четыре с лишним года американцы находились на территории Японии.

С оккупацией страны перед американцами встала непростая задача — изменить представления о них у японцев. Во время войны им внушали, что американские завоеватели “начнут прорезать руки японским женщинам, чтобы, подобно монголам XIII в., на веревках и цепях увести их в рабство, а черепа японцев американцы будут высылать своим невестам в качестве сувениров”⁵. Так, например, журнал “Лайф” за май 1944 г. поместил на обложке изображение черепа японца с дарственной надписью на нем — “подарок” американского моряка своей невесте. Ступив на землю Японии, американцы должны были представить себя благородной силой, заботящейся о процветании японской нации.

В этих целях была создана радиостанция “Дальневосточная сеть”, которая транслировала англоязычные и японоязычные новости, музыку, спортивные достижения. Радиопередачи служили одним из каналов, по которым японский язык начали проникать десятки, сотни выражений, засоряющих его чуждой лексикой, вытесняющих привычные слова. Чудовищно звучат не только соответствующие новым понятиям “хамбага”, “сабису” или “айсу куриму”, но и дубликаты исконно японских слов⁶. Манипулирование сознанием масс было продумано социологами США “на отлично”. Победа США заставила японцев, доселе верующих в собственную исключительность и непобедимость, задуматься о своей слабости, а весёлые развязные янки со своей простой массовой культурой бейсбола, джаза, виски, кока-колы и т.д. стали для них достаточно привлекательными. Японцы, переживавшие в тот момент шок от собственного поражения, с головой погрузились в американскую культуру, с лёгкостью проникаясь всё новыми и новыми её элементами. “Дух Ямато”, дух Японии, державшийся на кодексе бусидо, неминуемо уходил в прошлое “при попустительстве самих японцев”, считал Мисима. Об этом и написал “Золотой храм”.

Но если в этом произведении тема деградации прежней Японии, как это понимал Мисима, только намечается, то с начала 60-х гг. становится гла-

венствующей в его творчестве. Он уже просто взывает к своему народу. Заканчивается период его литературного "взросления". Мисима продолжает писать, но призыв его наполняется другими устремлениями. Они-то и привели его к событиям 25 ноября 1970 г. Последние 10 лет жизни Мисимы — его путь к смерти.

В 1960 г. выходит роман "После банкета", в котором автор отразил ненависть к демократическому движению в Японии того времени. В этом произведении Мисима проводит мысль о том, что все демократические институты, учрежденные после войны, не могут заменить верховную власть императора, стержень японской жизни. Мисима сожалеет, что после войны император сам отрекся от своего божественного происхождения и превратил его снова в Бога уже нельзя. Отсюда нравственный хаос в современной Японии⁷. Сразу же после этого Мисима приступает к созданию трилогии "Патриотизм" (1960), "Хризантема" (1961) и "Голос павшего героя" (1966). Трилогия посвящена путчу "молодых офицеров", или так называемому "инциденту 26 февраля" 1936 г. Опасаясь роста антивоенных сил в стране, мятежники, офицеры ультраправого крыла японской армии, попытались свергнуть правительство. Однако путч поддержки не получил, и его зачинщики были осуждены и казнены.

Мисима расценивает действия "молодых офицеров" как подвиг, описывает их как героев, которых народ перестал ценить.

Первая часть трилогии — "Патриотизм" — интересна тем, что в ней своеобразно предсказаны события 25 ноября 1970 г. Поручик Такэяма и его молодая жена совершают принятое в Японии "двойное самоубийство" во имя императора и родины. Через 10 лет после написания произведения Мисима и один из его студентов-соратников также совершат двойное самоубийство на базе Итигая в Токио.

В последней части трилогии — "Голос павшего героя" — духи казнённых офицеров спускаются на грешную землю, таща за собой младших братьев-смертников, "разбившихся как яшма" в сражениях на Филиппинских островах⁸. Мисима считал, что его современники, живые японцы предали своих героев и свое прошлое. Как офицеры, поднявшие путч в 1936 г., так и смертники-камикадзе, шли на гибель с именем императора на устах во имя своей родины, которую считали божественной. Но они были обмануты, так как сразу же после окончания войны император отказался от своего божественного происхождения, и все их жертвы оказались напрасными. Также оказалось обманутым и гражданское население Японии, которое было готово, подобно камикадзе, отдать жизнь за своего императора, за свою родину.

Глядя на то, как японская культура вытесняется в быту американской, Мисима призывал вспомнить один из лозунгов японских националистов, выдвинутый во время войны: "Итиоку гёкусай" — "Сто миллионов погибают славной смертью". В этом лозунге сознательно и с определенной целью была использована символика древности. "Гёку" означает "драгоценность" (яшма), "сай" — "разбиваться". Буквально это значило: "лучше разбиться будучи яшмой, чем остаться, став черепицей", то есть "славная смерть лучше жалкого существования"⁹. По мнению Мисимы, Япония, которую он видел вокруг себя, деградировала, он убеждал себя в этом по мере личного самосовершенствования. Его Япония была "недостойна такого позорного существования". Теперь писательская деятельность отошла у Мисимы на второй план. Он пытался найти себя в кругу различных националистских групп, иногда даже становясь их идеологом¹⁰, взяв за основу самурайский дух и самурайские принципы, о чём сам неоднократно заявлял.

В 1966 г. Мисима открыто примкнул к правым экстремистам и готовился бороться за идеалы прежней "доокупационной" Японии. В том же году он

совершил очередное “пророчество” — снялся в главной роли в фильме “Патриотизм”, продемонстрировав в нем сэппуку по всем правилам кодекса самурая. В одном из интервью, опубликованном в “Нью-Йорк таймс мэгэзин”, он сказал: “По моему убеждению, исконный японский характер зачах под влиянием модернизации на западный манер. От Запада мы заразились душевными болезнями”¹¹. Мисима полагал, что после поражения во Второй мировой войне в Японии возобладал женский и слабохарактерный дух, и считал необходимым восстановить “воинственные” и самурайские традиции в японской культуре. В вышеупомянутом интервью он также заявил: “Я пытаюсь вернуться к твердому характеру самурая, каким он предстает в военных повестях средневековья”¹².

В 1965 г. он написал “Хагакурэ нюмон” — “Введение в Хагакурэ”. Эта книга о том, как следовать Пути Самурая в послевоенной Японии, когда времена бусидо безвозвратно ушли в прошлое.

“Хагакурэ” (буквально “Сокрытое в листе”) создал монах Ямамото Цунэтомо, живший в XVI веке в Японии. “Хагакурэ” — это жестокий, поэтический и парадоксальный свод правил, насыщенный выдержками из сочинений великих самураев, а также различными историями о верности и долге. Начинается он словами “Я постиг, что Путь Самурая — это смерть”.

Мисима обратился к бусидо совсем не случайно. По его мнению, “за двадцать лет, которые прошли после войны, Япония преобразилась в точности так, как было предсказано в “Хагакурэ”. Теперь в Японии нет самураев, нет войны; экономика начала возрождаться; жизнь вошла в мирное русло — и юноша заскучал”¹³. Для того, чтобы избавиться от скуки, считал Мисима, нужно “лечить” ее смертью. “Главное для самурая — это смерть. Какой бы мирной ни была эпоха, в которую живёт самурай, смерть — его главная движущая сила... Однако, конституция современной Японии объявляет смерть вне закона”¹⁴. Мисима приводит слова австрийского поэта Р. М. Рильке о том, что “смерть человека в наши дни стала меньше”, тогда как раньше умирали достойно и относились к ней по-другому, и лишь в последнее время появилась “западная” тяга к жизни и ужас перед смертью. В свою очередь Мисима считает, что “японское искусство обогащает не жестокая и дикая смерть, а скорее смерть, из-под ужасающей маски которой бьёт ключ чистой воды”¹⁵.

Пишет Мисима и о гибели камикадзе: “Подвиги летчиков-самоубийц называют самой бесчеловечной тактикой боевого применения авиации, и поэтому имена этих парней нынче открыты позором. Однако, ничто в длинной истории Японии не соответствует лучше ясному идеалу жизни и смерти в духе “Хагакурэ”, чем смерть тех, кто отдал жизнь во имя своей страны”¹⁶.

В последние пять лет Мисима переосмысливает свои взгляды. Он приходит к выводу, что бесполезно взывать к народу и втолковывать ему свои принципы и высокие идеалы, лучше просто уйти и согласно правилам кодекса бусидо достойно завершить свою жизнь. Уже тогда он начинает в деталях обдумывать и готовить собственную смерть.

С 1965 по 1968 г. Мисима работает над второй исповедью — эссе “Солнце и Сталь”. В этом произведении он описывает свое физическое совершенствование после вышеупомянутой поездки в Грецию. Мисима развенчивает культ Слова и пытается доказать на примере своей жизни, что Слово само по себе ничего не стоит. Он описывает свое существование в армейских условиях, рассказывает, какого труда ему, уже не молодому, но полному энергии человеку, хилому и болезненному до двадцати пяти лет, стоило достичь того, что в 1963 г. в энциклопедии по культуризму была опубликована его фотография.

В "Солнце и Стали" Мисима также делится своими впечатлениями от посещения музея Этадзима, посвящённого погибшим камикадзэ. Именно тогда он, потенциальный смертник, не ставший им из-за ослабленного физического здоровья и так и не простивший себе этого, по его словам, оценил по-настоящему их подвиг. Его поразили предсмертные прощальные стихотворения молодых парней, готовившихся "вылететь на смерть".

Жизненные ценности камикадзэ совершенно непонятны людям с западным образом мышления. Плен для них означал несмыаемый позор, а смерть на поле боя — высшую награду. В годы войны среди солдат была популярна поговорка эпохи Мэйдзи: "Долг тяжелей горы, смерть легче пуха". Милитаристская пропаганда и этнические традиции сформировали у японцев отличный от европейского подход к жизни и смерти. К концу Второй мировой войны тысячи молодых японцев стремились в отряды камикадзэ, чтобы умереть за Японию, за императора. После войны один из офицеров штаба части, принимавший участие в первых атаках смертников, так объяснил мотивы, которыми руководствовались летчики-камикадзэ: "Наши чувства можно было выразить следующим образом: мы должны отдать свою жизнь за императора и отечество. Это наше врожденное чувство. Я боюсь, что вы этого не поймете или назовете безрассудством. Мы, японцы, строим нашу жизнь на покорность императору и верность отечеству. С другой стороны, после смерти мы хотим лучшего места в потустороннем мире, как того требует бусидо. Камикадзэ является для нас воплощением этих чувств"¹⁷.

В 1968 г. Мисима создаёт своё тайное общество "Татэ-но-кай" ("Общество щита"), куда входят молодые студенты, последователи его идей. Члены этого общества проходят многомесячные сборы на тренировочных базах Сил самообороны. Сам писатель отрабатывает прыжки с парашютом и пилотирование сверхзвукового истребителя F-104.¹⁸

За четыре месяца до смерти он пишет эссе "Последние 25 лет для меня", которое начинается словами: "Когда я думаю о своих последних двадцати пяти годах, я всё ещё удивляюсь их пустоте. Я с трудом могу сказать, что "жил"...То, что я ненавидел двадцать пять лет назад, всё ещё продолжает существовать с такой же неистребимостью, как и всегда. Не только продолжает существовать, но и пронизало Японию с удивительной плодовитостью. Это так называемая ужасающая "бацилла" послевоенной демократии и возникшего от неё лицемерия"¹⁹.

Последние четыре года своей жизни Юкио Мисима работает над итоговым произведением — тетралогией "Море плодородия": "Весенний снег", "Мчющийся конь", "Храм на рассвете" и "Падение ангела". Это результат размышлений Мисимы о судьбе Японии, квинтэссенция его творчества. Мисима обещал себе, что когда закончит последнюю часть тетралогии, совершит самоубийство. Обещание он сдержал.

Утром 25 ноября 1970 г. Мисима позавтракал, написал записку "Жизнь человеческая ограничена, но я хотел бы жить вечно", облачился в мундир "Общества щита" и вышел. У входа его ждал автомобиль с четырьмя близкими друзьями: Кога Хироясу, Кога Масаёси, Морита Масакацу и Огава Масахиро. Они отправились на базу Итигая, где у Мисимы была оговорена встреча с ее командиром генералом Масита. В Итигая Мисима с друзьями сразу прошли к генералу и после непродолжительной беседы связали его. Затем, отбившись от ничего не понимающих офицеров, Мисима потребовал выстроить всех солдат базы на плацу, чтобы обратиться к ним с речью. Требование было выполнено.

В 12.00 Мисима вышел на балкон и, взобравшись на широкий парапет, произнес:

“Печально говорить с вами при подобных обстоятельствах. Я считал вас последней надеждой Японии, последней твердыней японской души. Но сегодня японцы думают о деньгах, только о деньгах. Я вижу, вас превратили в защитников конституции!.. Мы долго ждали, раздастся ли в войсках голос протеста против унижительной конституции, и, я вижу, не дождались. Куда девался ваш самурайский дух? На каком военном складе вы его похоронили?! Мы ждём ещё тридцать минут, последние тридцать минут! Неужели среди вас нет настоящих мужчин, кто пошёл бы на смерть, чтобы уничтожить конституцию, которая лишила Японию того, что делало её Японией? Если есть, то поднимите выше головы и умрите с нами как подлинные самураи!”²⁰

Не закончив речь, он вернулся в кабинет со словами “Они даже не слушали меня”, сел на пол, расстегнул мундир и взял в правую руку короткий самурайский меч. Затем со словами “Да здравствует император!” с силой вогнал клинок себе в живот. Через несколько минут сэппуку совершил и Морита Масакацу. Некоторое время спустя в кабинет наконец ворвалась полиция...

Трагедия Мисимы в том, что его сэппуку не вызвало фурора в Японии и мало кто просто заметил и то, что он был, и то, что он умер. Из модного и скандального писателя он в одно утро в глазах многих превратился в мятежника и героя-самоубийцу, но его имя лишь с неделю помелькало на газетных полосах, а потом всё затихло, и никто не вспоминал больше о его самоубийстве, как об одном из последних пережитков старой Японии...

Мисима, посвятивший свою жизнь воспитанию духа и закалению тела, а смерть — родине и императору, видимо, стал последним самураем Японии, но родившимся слишком поздно. В произведениях он выражал своё несогласие с отходом от прежних ценностей, с тем, что Япония менялась, трансформировалась. Мисима стремился достичь совершенства, духовного и физического, но в нормах прежней самурайской Японии, не соответствовавших той стране, которую наблюдал вокруг себя. Писатель с горечью ощущал превращение твёрдохарактерной Японии в типичную, по его понятиям, расхлябанную и слабохарактерную западную страну с западными ценностями и ориентирами. И это не было призывом к милитаристскому курсу, как это часто преподносилось в журналистских публикациях. Скорее можно согласиться с мнением американского композитора Ф. Гласа, написавшего музыку к фильму П. Шредера “Мисима”, который утверждал, “что в фигуре японского писателя он видит не проявление правого радикализма, а конфликт между Западом и Востоком, между модернизмом и традицией”²¹.

Во второй книге “Хагакурэ” говорится: “Как бы страстно человек ни желал сделать мир таким, каким мир был сто или больше лет тому назад, это невозможно. Посему важно научиться получать максимум из каждого поколения. Люди, привязанные к прошлому, часто совершают ошибки, потому что не понимают этого. С другой стороны, люди, знающие только традиции своей эпохи и не уважающие прошлого, слишком беспринципны”²².

Сам Мисима был “привязан к прошлому” слишком сильно, и поэтому его смерть, возможно, трагическая ошибка, но он достоин уважения хотя бы потому, что тоже мог сказать: “Я постиг, что Путь Самурая — это смерть”.

-
1. Henry Scott Stokes// Mishima: fanatic, clown or conscience of the nation? The Nikkey weekly/ December 11, 1995;
 2. Мисима. Ю. Исповедь маски. С-Пб, 1999. С.98;
 3. Там же. С. 100;
 4. Рехо. К. Современный японский роман. М., 1977. С.52;
 5. Спесваковский А.Б. Религия синто и войны. Л., 1987. С.72;

6. Тавровский Ю.В. Загадки "японского" духа. М., 1989. С.55;
7. Рехо. К. Современный японский роман. М, 1977. С.56
8. . Там же. С.55;
9. Слеваковский А.Б. Религия синто и войны. Л., 1987. С.89;
10. Кассис В.Б. Камикадзе берёт штурвал. М., 1980. С.7;
11. New York Times Magazine, August 2, 1970. цит. по: К. Рехо. Современный японский роман. С. 59;
12. Там же. С. 60
13. Книга самурая. С-Пб., 2000. С.232;
14. Там же. С.243
15. Там же. С.303
16. Там же. С.304
17. Николс Ч., Шоу Г. Захват Окинавы М., 1959, цит. по: Слеваковский А.Б. Религия синто и войны. Л., 1987. С.78;
18. Mishima Yukio 25-75, shashinshu. Tokyo, 1990.
19. АСТА ASIATICA, № 79. Tokyo 2000. С. 67;
20. Дубшин Д. Мисима. Скорбь о родине, www.newhercules.ru
21. Япония: мифы и реальность. М.,1999. С.196;
22. Книга самурая. С-Пб., 2000. С.291.

Научная жизнь

Защита диссертаций по экономическим наукам в ИДВ РАН в 2001 году

© 2002

В. Чуванкова

Диссертационный совет (Д 002.217.01), рассматривающий диссертации по специальности 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки), начал действовать в ИДВ РАН с 03 января 2001 г. (Срок полномочий прежнего диссертационного совета Д 002.54.02 в ИДВ РАН, принимавшего к защите диссертации по экономическим наукам, истек 31 декабря 2000 г. в связи с утверждением приказом Миннауки России новой Номенклатуры специальностей научных работников.) Председатель диссертационного совета — главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор экономических наук, профессор Э.П. Пивоварова, заместитель председателя — зам. директора ИДВ РАН, доктор экономических наук В.В. Михеев.

В 2001 г. в диссертационном совете были рассмотрены и успешно защищены три кандидатских диссертации, актуальность тематики которых определяется значимостью китайского опыта подключения экономики страны к системе мирохозяйственных связей и ее перевода на рыночные принципы функционирования на рубеже столетий. Основные результаты и выводы подготовленных исследований имеют большое научное и практическое значение и могут быть полезны правительственным и научным организациям России при разработке перспективной внешней и внешнеторговой политики в отношении КНР, в исследовательских целях, а также при подготовке учебных программ вузов в рамках специальности "Мировая экономика".

Антон Викторович Ревуцкий, третий секретарь Первого департамента Азии Министерства иностранных дел РФ, аспирант ИДВ РАН без отрыва от производства (научный руководитель — кандидат экономических наук Г.А. Ганшин), защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему "Зерновая проблема в стратегии обеспечения продовольственной безопасности КНР".

Диссертация А.В. Ревуцкого актуальна, носит новаторский характер. Предметом ее исследования является всесторонний анализ и оценка ситуации в области обеспечения продовольственной безопасности КНР в период до 2010 г., прежде всего зернового хозяйства — ядра продовольственной проблемы в Китае. Задача обеспечения национальной экономической безопасности и, как важная ее часть, обеспечение продовольственной безопасности становится одним из ключевых элементов, определяющих стратегию экономического развития КНР в условиях ускоряющихся процессов глобализации. Если раньше

продовольственный вопрос в этой самой многонаселенной стране мира был исключительно внутренней проблемой, то в новых условиях и особенно в связи со вступлением КНР во Всемирную торговую организацию (ВТО) он приобретает международное значение.

В работе национальная продовольственная безопасность рассматривается как комплексная многогранная проблема, которая включает в себя производство продовольствия внутри страны, возможности его импорта, оплаченный спрос на продовольствие, связанный с уровнем жизни населения, формы государственного регулирования. Центральное место уделяется вопросам производства и потребления основных зерновых культур. Автором выявлен главный в китайских условиях показатель продовольственной безопасности — доля импорта в потребляемом продовольствии, дана оценка государственной стратегии внешней торговли; показаны взаимосвязь между индустриализацией и развитием зернового хозяйства страны, несоответствие между существующими подходами к решению проблемы национальной безопасности и обязательствами, принятыми КНР при вступлении в ВТО. На основе проведенного исследования автор пришел к выводу, что сельскохозяйственные ресурсы и уровень научно-технического развития Китая в обозримом будущем позволяют обеспечить его продовольственную безопасность.

Мария Викторовна Александрова, младший научный сотрудник ИДВ РАН, аспирантка ИДВ РАН без отрыва от производства (научный руководитель — доктор экономических наук, профессор Э.П. Пивоварова) защитила диссертацию “Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ” на соискание ученой степени кандидата экономических наук.

Диссертация написана на актуальную тему современных международных экономических отношений и посвящена важнейшей проблеме развития внешнеэкономических связей двух государств, переживающих переход от планово-административной к рыночной системе хозяйствования — определению условий, форм, эффективности и перспектив регионального экономического взаимодействия России и КНР. Тема приобретает особое значение в связи с важной ролью приграничного и межрегионального сотрудничества в общем комплексе российско-китайских торгово-экономических отношений и вступлением КНР в ВТО.

Работа представляет собой первое в российской науке комплексное системное исследование всех аспектов приграничного и межрегионального сотрудничества России и Китая (ПМС) в период реформ с учетом как экономических, так и историко-географических, и правовых факторов. Объектом рассмотрения стали торгово-экономические связи регионов России и Китая, расположенных по обе стороны государственной границы: с российской стороны — Дальний Восток и Сибирь, с китайской — Северо-Восточный Китай, автономный район Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский автономный район. В диссертации проанализированы итоги развития приграничного и межрегионального сотрудничества между РФ и КНР в 90-е годы, дана оценка внешнеэкономического потенциала российских и китайских приграничных регионов для дальнейшего развития их сотрудничества; исследованы организационная структура, формы и методы ведения ПМС, степень их правового обеспечения; выявлены позитивные и негативные результаты этого взаимодействия для экономического развития обеих стран, в том числе и возможные последствия для России в результате вступления КНР в ВТО. Автором предложены наиболее перспективные направления и формы развития ПМС в начале XXI века, в частности такие, как создание объединенной транспортной инфраструктуры, развитие приграничных торговых комплексов, технопарков и тех-

нополюсов на территории РФ в топливно-энергетической, лесной, легкой и пищевой промышленности, машиностроении, а также в социально-бытовой и рекреационной сферах. Особо следует отметить богатую источниковедческую базу работы, оснащенность ее значительным количеством статистических таблиц, диаграм, графиков и карта-схем.

Дмитрий Николаевич Шаринов, главный специалист в Международном департаменте ОАО "Русский алюминий", аспирант ИДВ РАН без отрыва от производства (научный руководитель — доктор экономических наук В.Я. Портяков), защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему "Формирование и регулирование фондового рынка КНР (на примере рынка акций)".

Диссертация представляет собой первое в отечественной синологии системное исследование китайского фондового рынка в его взаимосвязи со всем народным хозяйством КНР и проводимыми рыночными преобразованиями, восполняющее существенный пробел в исследованиях такого важного инвестиционного инструмента, как акции. Актуальность избранной темы обусловлена значимостью проблемы генезиса и развития фондового рынка в переходной экономике, возрастанием его роли в функционировании хозяйственного механизма КНР, в частности в привлечении инвестиций для решения народно-хозяйственных задач и формировании доходной части государственного бюджета. Еще большую актуальность теме придает важность и сопоставимость стоящих перед Китаем и Россией задач в этой области в связи с осуществленным КНР и планируемым РФ вступлением в ВТО и соответствующей рыночной либерализацией их экономик.

Главной целью данной работы является рассмотрение и анализ всех основных аспектов развития рынка акций КНР в 80–90-е годы XX века. Автором выявлены концептуальные основы и тенденции развития рынка акций в условиях углубления рыночных реформ в экономике КНР и ее финансовой сфере; детально рассмотрены его общие и специфические черты, механизм функционирования и институциональная структура, этапы развития, формы и методы регулирования и особенности соответствующей законодательной базы; проведен сравнительный анализ китайского и российского рынков акций; проанализированы последствия вступления в ВТО для фондового рынка КНР. Основным уроком развития рынка акций в Китае для России, по мнению автора, является принцип соответствия рынка акций уровню развития рыночных отношений в стране, с одной стороны, и степени внешней открытости рынка — его внутренней зрелости, с другой.

© 2002

*В. Чуванкова,
Ученый секретарь диссертационного
совета в ИДВ РАН,
кандидат экономических наук*

Рецензии

Лю Гогуан. Чжунго цзинцзи юньсин юй фачжань (Функционирование и развитие китайской экономики). Пиншо Чжунго цзинцзи цуншу. (Серия "Оценки экономики Китая"): Гуандун цзинцзи чубаньшэ, Гуанчжоу, 2001. 323 с.

Профессор Лю Гогуан относится к числу наиболее авторитетных и влиятельных экономистов современного Китая, что обуславливает значительный интерес издателей к публикации его новых работ. В сборник "Функционирование и развитие китайской экономики"¹ вошло около трех десятков статей, интервью и выступлений на конференциях, большая часть которых относится к периоду 1998 — 2000 годов. Идеи Лю Гогуана принимаются во внимание нынешним китайским руководством при разработке экономической политики, его размышления об экономических проблемах находят отклик в высших эшелонах власти. Ознакомившись с выступлением ученого о современной экономической ситуации на заседании Госсовета осенью 1998 г., премьер Чжу Жунцзи сказал: "В статье товарища Лю Гогуана точка зрения ясна, доводы убедительны, логика сильна, это хорошая статья" (с.10, примечание).

Формирование теоретических взглядов Лю Гогуана прошло через два весьма различных между собой этапа. На первом — ученый ознакомился с западными представлениями о рыночной экономике, на втором — ему были преподаны основы централизованной плановой экономики советского образца. До 1949 г. Лю Гогуан изучал экономику по американским учебникам в Юго-Западном объединенном университете в Куньмине, тогда его наставником был эвакуированный из Пекина профессор экономики из Университета Цинхуа Чэнь Дайсунь, получивший образование в 1920-е годы в Гарварде. После создания КНР Лю Гогуан вместе с первой группой китайских аспирантов в 1951 г. был направлен в Москву, откуда в 1955 г. он

вернулся кандидатом экономических наук.

Его последующая деятельность разворачивалась в стенах академического Института экономики и в руководящих структурах Академии общественных наук Китая. В наши дни 78-летний ученый не скрывает своих переживаний по поводу судьбы этой организации. Он гордится тем, что исследовательский состав АОН Китая очень сильный, что еще в начале 1980-х годов за границей АОН называли "мозговым штабом" Дэн Сяопина. Вместе с тем он переживает, что в силу ухудшившихся материальных условий часть кадров была потеряна. События последних лет внушают Лю Гогуану оптимизм: "Сейчас обстановка хорошая, ЦК КПК усилил руководство АОН Китая, президентом АОН стал Ли Теин. Он член Политбюро, с его приходом обстановка стала иной, чем прежде, усилилось не только руководство в профессиональной области, материальные условия также намного улучшились, сейчас в главном здании идет ремонт. Поэтому у АОН появился новый шанс внести еще больший вклад в дело нашей партии и государства в области экономического и социального развития" (с.54-55).

На страницах книги Лю Гогуан не раз обращается к событиям периода реформ, сопровождавшим вхождение в китайскую официальную экономическую идеологию таких ключевых понятий, как рыночное регулирование, товарная экономика и рыночная экономика. Ученый напоминает, что этот процесс не был быстрым, возникавшие при этом идеологические дискуссии носили острый характер. Мнения и свидетельства Лю Гогуана по этому вопросу представляют значитель-

ную ценность, так как он был непосредственным участником и свидетелем происходивших событий.

Лю Гогун напоминает, что в конце 1970-х понятия "товарная экономика" и "рыночная экономика" оставались в "запретной зоне", ибо в то время рыночная экономика для многих ассоциировалась с капитализмом. Лишь недавно стало известно о том, что уже в ноябре 1979 г. Дэн Сяопин при встрече с делегацией во главе с заместителем председателя издательского комитета американской энциклопедии Britannica четко заявил: "Говорить, что рыночная экономика существует только в капиталистическом обществе, что есть лишь капиталистическая рыночная экономика — это определенно неверно. Почему при социализме нельзя заниматься рыночной экономикой? Это нельзя назвать капитализмом. У нас главной является плановая экономика, она сочетается с рыночной экономикой, это социалистическая рыночная экономика" (с.37). Лю Гогун отмечает, что хотя эти слова произнес сам "архитектор реформ", их долгое время скрывали из-за запрета на упоминание понятия "рыночная экономика" применительно к социалистической экономике КНР. Первым шагом в сторону адаптации экономической идеологии к реалиям рынка стала легализация в 1984 г. понятия "товарная экономика".

Лю Гогун вспоминает и том, как в сентябре 1982 г. он опубликовал в "Жэньминь жибао" статью по проблемам планирования. Тогда он написал о трех формах управления экономикой (директивное планирование, индикативное планирование и рыночное регулирование) и призвал постепенно расширять сферу индикативного планирования по мере формирования "рынка продавцов" и рационализации цен. Хотя через два года эта точка зрения была официально одобрена в партийных решениях, непосредственно после публикации Лю Гогун был вынужден выступить с самокритикой (*цзяньтао*). Примечательно, что ученый покался лишь в том, что не придерживался единства с формулировками центра, но так и не признал, что его точка зрения была ошибочной по существу.

Подчеркивая прозорливость опережавшего время "архитектора реформ",

Лю Гогун напоминает, что широко распространённые после 1992 г. слова Дэн Сяопина "плановая экономика не тождественна социализму, рыночная экономика не тождественна капитализму" были впервые произнесены как минимум пятью годами ранее. Еще в феврале 1987 г. на совещании с руководителями центрального уровня Дэн Сяопин указал: "Почему как только заговорят о рынке, так речь идет о капитализме, и только когда имеется план — это социализм? План и рынок — это ведь методы" (с.39). Промедление с превращением этой идеи в программную установку КПК было связано с тем, что развернувшиеся на фоне перегрева экономики политические события 1989 г. были использованы частью политиков и теоретиков как повод для того, чтобы списать экономические проблемы последних лет на избрание рыночной направленности реформ. Непосредственно после событий 1989 г. "маркетизация" (*шичангуа*) экономики зачастую характеризовалась как главное содержание политически неприемлемой "мирной капиталистической эволюции". Лишь после поездки Дэн Сяопина на юг Китая реформы вернулись в рыночную колею.

Через собранные в книге публикации Лю Гогуана красной нитью проходят две наиболее дискутируемые проблемы китайской реформы конца 1990-х годов. Первая проблема — это осмысление итогов политики "мягкой посадки" экономики, одним из разработчиков которой был сам Лю Гогун. Вторая проблема — это беспокоящий многих экономистов и политиков феномен дефляции (*тунхо цзиньсо*), возникшей в результате "мягкой посадки". Ученый подробно и многосторонне рассматривает эти вопросы, неизменно сохраняя при этом верность идеям стабилизации экономики и недопущения инфляции, доминирующим в его теоретических исследованиях.

Лю Гогун позитивно оценивает результаты политики "мягкой посадки" экономики и не соглашается со своими оппонентами, называющими ее "посадкой в трясины". По его мнению, она в любом случае была предпочтительнее "жесткой посадки", ведущей к большому падению после большого взлета. Последний пере-

грев экономики КНР имел место в 1992-1993 гг., после чего темпы роста экономики удалось постепенно замедлить, темпы роста цен также понизились. К концу 1996 г. "мягкая посадка" экономики была успешно осуществлена. Вместе с тем Лю Гогуан признает, что после прохождения этой точки темпы роста экономики год за годом продолжали уменьшаться — 8,8%; в 1997 г., 7,8% в 1998 г., 7,1% в 1999 г. Ученый настаивает, что это было вызвано изменениями внутренней и внешней ситуации, а также глубинными структурными и системными причинами, и "не было, как считают некоторые товарищи, результатом политики умеренного сдерживания" (с.187).

В качестве ответа критикам разработанной им политики "мягкой посадки" Лю Гогуан неоднократно указывает на ряд объективных причин продолжающегося замедления темпов роста экономики. Во-первых, эта тенденция обладает инерционностью, ее невозможно переломить в одночасье. Во-вторых, по мере смены систем постепенно исчезает дефицитная плановая экономика, создается рынок продавцов, и экономическое развитие все больше подвергается ограничениям со стороны рыночного спроса. В-третьих, увеличились масштабы системных реформ и структурного урегулирования, что ведет к долгосрочному повышению эффективности при временном снижении темпов в период реструктуризации. В-четвертых, азиатский финансовый кризис негативно сказался на китайском экспорте и привлечении в страну иностранного капитала. По мнению ученого, принимавшиеся правительством контрмеры были адекватны, но они не поспевали за развитием событий, политика увеличения внутреннего спроса и наращивания капиталовложений не успевала сыграть ожидаемую позитивную роль (с.3, 33).

Так или иначе, "мягкая посадка" китайской экономики является уже свершившимся фактом, и потому наиболее напряженные споры происходят сейчас вокруг проблемы дефляции. В экономических кругах КНР нередко звучат утверждения, что дефляция стала врагом номер один экономического развития страны, в связи с чем предлагается сделать ее преодоление

важнейшей целью. Высказывается мнение, что если в интересах стимулирования экономики не будет проводиться еще более активная финансовая политика и экспансионистская денежная политика, то будет трудно избежать нового спада. Сам Лю Гогуан считает, что хотя и "нужно со всей серьезностью относиться к проблеме дефляции, но вопрос далеко не такой критический" (с.144). Лю Гогуан выступает против того, чтобы бороться с дефляцией путем проведения политики "небольшой инфляции", существующий же разброс мнений по поводу феномена дефляции от отрицания факта наличия этой проблемы до признания дефляции "угрозой номер один" ученый объясняет различиями в понимании дефляции в специфическом контексте китайской экономики.

Лю Гогуан полагает, что у нынешней китайской дефляции есть целый ряд отличительных особенностей. Прежде всего, она сравнительно легка (*цинду*), снижение общего уровня цен длилось всего два с лишним года, цены же понизились лишь на 2-3%. Во-вторых, дефляция сыграла положительную корректирующую роль (в 1993-1995 гг. годовая инфляция достигала уровня в 13,2, 21,7 и 14,8% соответственно). "В уровне цен была доля "мыльного пузыря". Поэтому в снижении общего уровня цен была рациональная сторона, оно сыграло корректирующую роль в отношении инфляции предшествующего периода и "мыльного пузыря" в ценах" (с. 151). В-третьих, дефляция сопровождалась не падением экономики и депрессией, а экономическим ростом. Помимо этого, фактором возникновения дефляции стали крупные сдвиги в переходной экономике страны, когда сложилась ситуация превышения предложения над спросом. Дополнительным внешним стимулом стало влияние понижающихся мировых цен, испытывавших воздействие научно-технического прогресса и удары азиатского финансового кризиса.

В вопросе о способах борьбы с дефляцией позиция Лю Гогуана отличается осмотрительностью. Он выступает лишь за активную финансовую политику, тогда как часть экспертов предлагает для стимулирования экономики проводить экспансионистскую денежную политику.

Ученый считает правильным обращение правительства страны к проведению начиная с 1998 г. активной финансовой политики, которая помогла увеличить инвестиции, стимулировать потребление и экспорт.

Читателям сборника стоит обратить внимание на весьма интересную и содержательную статью, в которой Лю Гогуан представил свои соображения по поводу воздействия активной финансовой политики на ситуацию с внутренним спросом². Ученый проанализировал еще одну сферу китайской экономики, в которой применение стандартных приемов экономической политики не гарантирует автоматического достижения желаемых результатов. Проблема состоит в том, что, в отличие от прошлых периодов, в последнее время государственные инвестиции в экономику Китая перестали оказывать ощутимый эффект на стимулирование общественного спроса.

Как отметил Лю Гогуан, существует немало различных приемов увеличения потребления населения, однако большая их часть не дает в китайских условиях немедленных результатов. К примеру, немало споров идет по поводу "кредитования потребления", которое, само по себе, является хорошим способом стимулирования спроса с точки зрения длительной перспективы. Однако в Китае этот путь не сулит быстрой отдачи. Лю Гогуан подчеркивает, что китайцы не привыкли "сегодня поедать зерно будущего урожая". В этой ситуации люди с низким уровнем доходов не осмеливаются даже спросить о возможности получения кредита, процедура оформления кредита сложна, гарантии по кредиту получить трудно — в общем, препятствий слишком много, дело продвигается медленно. По образному сравнению ученого, получается так, что в области кредитования "кричат браво, но не делают полного сбора" (*цзяо хао бу цзяо цзо*) (с.90).

Ученый сомневается и в том, что в Китае возможно увеличить внутренний спрос при помощи опробованного в развитых экономиках приема снижения процентной ставки. Лю Гогуан полагает, что главным стимулом для накопления сбережений китайцами является обеспечение

себя средствами на будущее, и потому снижение процентной ставки не сможет заметно стимулировать спрос за счет уменьшения сбережений. Он ссылается на результаты проведенного в Шанхае обследования мотиваций вкладчиков, показавшего, что среди стимулов к сбережениям, помимо накопления для повседневной жизни, стоят образование детей (16,3%), покупка жилья (16%) и обеспечение в старости (13%). Из этого можно сделать вывод, что при данной структуре мотиваций люди не изменят своих планов даже при снижении процентной ставки и не начнут активнее тратить деньги.

Лю Гогуан не согласен и с теми экспертами, которые полагают, ссылаясь на опыт развитых стран, что повышение курса акций приведет к появлению у части людей психологического ощущения богатства, после чего они начнут больше тратить на покупки. Он исходит из того, что в Китае большинство акционеров — это мелкие индивидуальные держатели ценных бумаг, которые, заработав некоторую сумму денег, вновь покупают акции и редко тратят деньги на потребление. Ученый предостерегает от того, чтобы возлагать большие надежды на снижение процентных ставок и оживление рынка акций, считая неправильным преувеличение возможного влияния этих мер на потребительский спрос в КНР.

Хотя Лю Гогуан положительно оценивает проводимую в КНР с конца 1990-х годов активную финансовую политику, он решительно выступает против предложений ослабить денежную политику. Ученый полагает, что инфляция, в условиях которой даже плохая продукция продается, помешает техническому прогрессу и естественному отбору, затруднив урегулирование структуры национальной экономики. Он не согласен с использованием для лечения китайской дефляции "сильных лекарств" (*мэн яо*) инфляционного толка, исходя из того, "если лекарство будет очень сильным, это неизбежно приведет к трудноизлечимым последствиям" (с. 209-210). В комментарии к высказываниям Лю Гогуана по поводу инфляционной опасности газета "Шичан цзинцзи бао" отметила, что ученый, "считающийся в Китае и за рубежом представителем

школы стабильности в экономической науке, вновь прозорливо предостерег нас" (с.223).

Помимо стержневой проблемы дефляции, на страницах книги упоминаются и другие экономические проблемы современного Китая, среди которых, в частности, вопросы собственности и системы распределения. Лю Гогун отмечает, что в настоящее время на государственных промышленных предприятиях сконцентрировано 2/3 промышленного капитала и 70% банковских кредитов, однако они создают лишь половину валовой продукции промышленности. Низкая эффективность госпредприятий уже оказывает негативное влияние на перспективы экономического роста Китая, в связи с чем их реформа становится безотлагательной. Вместе с тем реформирование госпредприятий сталкивается со значительными трудностями. С одной стороны, властные структуры сохраняют сильный контроль над предприятиями, с другой стороны, хотя предприятиям и дали расширенные права, управление их имуществом налажено плохо, отсутствуют механизмы контроля над менеджерами, из-за чего возникают острые проблемы "инсайдерского контроля" над государственным имуществом и его "утечки". По словам Лю Гогуна, на многих госпредприятиях возникла ситуация "обогатившихся монахов и обедневшего монастыря" (с.43).

Затрагивая актуальную для современного Китая проблему неравенства в сфере распределения, Лю Гогун признает, что часть людей и в самом деле "обогатилась в первую очередь" не за счет честного труда и рационального хозяйствования, а благодаря связям, власти, положению, что привело к увеличению разрыва между богатыми и бедными. На вопрос относительно проблемы коррупции он заявил, что пока некоторые "накапливали богатство по кирпичику", другие "использовали щели, шли бесчестными путями, обменивали власть на деньги — боюсь, что таких было больше. Обогатились те, кто не должен был обогатиться, что вызывает у людей душевное неравновесие" (с.35).

В заключительной части сборника читатель может найти подборку статей,

отражающих видение Лю Гогунаном глобальных перспектив китайской экономики в начале 21 века. Ученый отмечает, что в настоящее время страна находится на важном этапе одновременного осуществления смены экономической системы, урегулирования структуры и смены типа экономического роста. Основными отличительными особенностями этого этапа Лю Гогунан считает уход в прошлое прежней экономики дефицита и традиционной плановой системы. На смену ограничениям со стороны предложения пришли ограничения по спросу, созданы основы социалистической рыночной экономики, близкое вступление Китая в ВТО знаменует начало нового этапа в осуществлении политики открытости.

На основании анализа факторов, влияющих на перспективы экономического роста Китая в 21 веке (с.167-171), Лю Гогунан приходит к выводу, что нереально надеяться на сохранение в будущем темпов прежних темпов роста на уровне 10% в год. Ученый полагает, что наиболее привлекательным сценарием развития китайской экономики в начале нового столетия станет обеспечение более высокой эффективности и создание большего числа рабочих мест на базе 7-8% годового роста. В соответствии со средне- и долгосрочной программой развития, к 2010 г. ВВП Китая вновь увеличится в два раза, при этом экономический рост составит 7,2% в год, что, по мнению Лю Гогуна, является реалистичной задачей. Ученый не разделяет мнения экспертов, полагающих, что после перехода Китая от экстенсивного к интенсивному развитию темпы роста экономики продолжат снижаться подобно тому, как это происходило ранее в Японии и Южной Корее (с.169).

Однако для поддержания умеренно высоких темпов роста китайской экономики необходимо обратить первостепенное внимание на ряд важных вопросов, к которым Лю Гогунан относит расширение внутреннего спроса, урегулирование индустриальной структуры, развитие западных районов Китая и сбалансированное региональное развитие страны в целом, развитие мелких городов и поселков, проведение реформы госпредприятий, урегулирование отношений между стабильно-

стью, реформой и развитием. Эти задачи нашли отражение в проекте 10-го пятилетнего плана, в подготовке которого участвовал сам Лю Гогуан.

Обсуждая особенности нового пятилетнего плана, ученый отметил, что это первый план на рубеже веков, который также станет первым планом, осуществляемым в Китае после выполнения в основном задачи достижения уровня среднего достатка. Лю Гогуан подчеркнул, что в "Предложениях" по плану есть только одна цифра, лишь один показатель — за десять лет удвоить ВВП (*фань и фань*). По мнению ученого, хотя рынок и играет главную роль в размещении ресурсов, во избежание возникновения беспорядка на рынке правительство обязано продолжать осуществлять макроконтроль над экономикой. Вместе с тем в условиях социалистической рыночной экономики план будет отличаться от плана в плановой экономике. "При современном плане правительство не должно заниматься всем подряд, оно должно заниматься только большой политикой, главным направлением, большой стратегией" (с.226).

Обращает на себя внимание данное ученым краткое и исчерпывающее изложение четырех опорных частей программно-идеологической "матрицы", лежащей в основе нового пятилетнего плана. "Во-первых, развитие является главной темой (*чжунти*). Во-вторых, стратегическое урегулирование структуры является главной нитью (*чжусянь*). В-третьих, есть две движущие силы (*дунли*). Одна — это реформа и открытость, другая — это научно-технический прогресс, иначе это называется научно-технической инновацией и институциональной инновацией. В-четвертых, исходным пунктом (*чуфадянь*) и конечной точкой (*гуйсу*) составления плана является повышение уровня жизни народа" (с.226-227). Эти слова Лю Гогуана побуждают читателя задуматься о темах, выходящих за рамки изучения экономики КНР и затрагивающих основы китайского традиционного менталитета. Необычайно четкое выделение ученым четырех компонентов "матрицы" (*чжунти* — *чжусянь* — *дунли* — *чуфадянь\гуйсу*) весьма сложного и пространного экономического документа вновь заставляет обратиться к

проблеме присутствия в современном китайском общественно-политическом сознании унаследованных из глубокой древности методов осмысления реальности при помощи символов и чисел. Примечательно, что в конечном счете эта "матрица" была воспроизведена в посвященном пятилетнему плану докладе премьер-министра Чжу Жунцзи на сессии ВСНП в марте 2001 года³.

Дальнейшие рассуждения Лю Гогуана о будущем Китая отталкиваются от слов Дэн Сяопина "развитие есть непреложный закон вещей" (*фацжань ши ин даоли*) (с.246). Ученый подчеркивает, что многочисленные проблемы и противоречия Китая могут быть решены исключительно на основе развития. Без развития невозможно повысить уровень жизни населения, у которого средний доход составляет 800 долларов, а потребление — лишь немногим более 400 долларов в год на человека. Без развития Китаю тяжело будет поспевать за идущими в мире процессами научно-технического развития и глобализации, стране будет трудно справиться с вызовами международной конкуренции после вступления в ВТО.

Рассуждая о перспективах развития Китая в годы 10-й пятилетки, Лю Гогуан не смог обойти волнующую проблему инфляции⁴. Ученый заявляет, что в новой пятилетке будет необходимо продолжить в течение некоторого времени активную финансовую политику. Вместе с тем он уверен, что политика, основным содержанием которой является наращивание финансовых заимствований для увеличения государственных инвестиций, не может проводиться долгое время. Лю Гогуан наметил три возможных сценария развития событий на заключительном этапе 10-ой пятилетки:

Первый вариант предусматривает успешное расширение внутреннего спроса, преодоление дефляции и переход к нормальному развитию. В этом случае макроэкономическая политика будет нейтральной. Второй вариант исходит из возможности появления ростков перегрева и перехода к новому витку инфляции. В данном случае государству будет необходимо проводить политику сдерживания, тогда как приостановка активной финан-

совой политики произойдет естественным путем. В соответствии с третьим вариантом, дальнейшее проведение активной финансовой политики так и не приведет к расширению спроса и решению проблемы дефляции. В таком случае встанет вопрос о том, стоит ли далее продолжать выпускать госзаймы для увеличения инвестиций.

Будучи сторонником проведения активной финансовой политики на современном этапе, Лю Гогуан предостерегает от чрезмерного увлечения финансированием экономики путем наращивания дефицита. Он замечает, что если такая политика станет долговременной, государству придется принять во внимание ее возможные негативные последствия. Среди этих последствий ученый называет увеличение шансов возникновения финансового кризиса, рост долга и дефицита может привести к кризису платежеспособности и инфляции. В долгосрочной перспективе активная экспансионистская финансовая политика, полагает Лю Гогуан, войдет в противоречие с рыночными целями китайских экономических реформ из-за неизбежного усиления плановой составляющей в размещении ресурсов и снижения эффективности государственных инвестиций. Все это, в свою очередь, создаст условия для сохранения "экономики наложения резолюций" (*шэньли цзинцзи*) и создания питательной среды для коррупции (с.252-253, 231).

Несмотря на отсутствие в нынешней китайской экономике явных признаков надвигающейся инфляции, Лю Гогуан призывает вести борьбу на два фронта: "Хотя сейчас главным для нас является преодоление дефляционных тенденций, однако во время преодоления дефляции нельзя не быть бдительными по отношению к инфляции, в особенности надо быть бдительными по отношению к тому, что теория "полезности инфляции" вновь поднимает голову" (с. 256). Ученый считает, что с точки зрения средне- и долгосрочной перспективы правительство должно следить за предотвращением возможного перегрева экономики и возникновения инфляции. Авторитет Лю Гогуана как специалиста по борьбе с инфляцией, множенный на его репутацию близкого к правительственным кругам экономиста,

привел к тому, что предупреждения об опасности инфляции были поняты как утечка "инсайдерской" информации о близящихся переменах. По словам ученого, "после моего выступления о необходимости предотвращения инфляции, некоторые люди решили, что "волк уже пришел". Но я имел в виду не это. Если понимать таким образом, то это означало бы перенесение центра тяжести в нашей работе"³.

Напутствуя молодых китайских экономистов, Лю Гогуан призвал помнить о том, что изучение экономики должно служить процветанию государства и улучшению жизни народа, а это обязывает постигающих экономическую науку "стоять на позиции большинства людей". Теория, напомнил он, должна быть связана с китайской практикой и не должна быть "теорией ради теории". "Нужно изучать и впитывать знания и квинтэссенцию зарубежной экономической науки, в особенности передовой опыт стран с рыночной экономикой, но это можно делать лишь для нашего сведения. Сейчас есть такое явление, что только соответствующее критериям зарубежной экономической науки считается подлинной экономической наукой — в статье есть столько-то математических формул, статья опубликовано в таком-то иностранном журнале и т.д. Мы не можем излишне поклоняться иностранным вещам; Нобелевскую премию мира дали далай-ламе, дали Горбачеву, в прошлый раз ее присвоили американским экономистам, которым в этом году полетели кувырком на международном финансовом рынке (очевидно, здесь подразумеваются лауреаты Нобелевской премии по экономике 1997 г. Р.Мертон и М.Скоулз — прим. авт.), разве это не может как следует пояснить вопрос? Экономическая наука — это не чистая математика, заниматься чистым теоретизированием нельзя, обязательно надо быть связанным с китайской практикой, решать проблемы Китая" (с. 55-56).

В целом знакомство с новой книгой Лю Гогуана убеждает в справедливости отнесения ученого к числу представителей китайской школы "умеренных" или "осторожных" реформ. Хотя в собранных на страницах книги публикациях нередко встречаются повторения одних и тех же

мыслей и суждений, они отражают неизменную позицию ученого по таким ключевым вопросам китайской экономической реформы, как проблема дефляции, расширение внутреннего спроса, урегулирование экономической структуры и устойчивое развитие. Как в жизни, так и на страницах своих книг ученый очень последователен, он упорно, настойчиво и доходчиво доводит свою позицию до сведения научной общественности и государственных политиков. На протяжении последнего десятилетия Лю Гогуан, которого невозможно отнести ни к консерваторам старой школы, ни к представителям нового поколения исследователей, выполняет в китайской экономической идеологии важную неформальную миссию — заняв срединную позицию взвешенного рефор-

маторства, он сдерживает процесс распространения радикальных экономических идей. Исполняемая Лю Гогуаном функция “хранителя” устойчивости китайских реформ наиболее очевидно проявляется в его частых выступлениях по поводу угрозы возвращения инфляции и возможных происков со стороны последователей теории “безвредности инфляции”. Беспокойство ученого по этим вопросам столь велико, что он начинает бить тревогу даже при кажущемся отсутствии видимых причин для этого. Что до самой книги, то ее можно смело порекомендовать всем, кто интересуется проблемами современного Китая. Знакомство со сборником помогает лучше уяснить не только актуальные проблемы сегодняшнего дня, но и долгосрочные перспективы развития экономики КНР.

© 2002

О.Борох,
кандидат экономических наук

1. Помимо книги Лю Гогуана, в серию “Оценки экономики Китая” вошли также сборники работ Ван Мэнкуя, Чжоу Сяочуаня, Гуй Шиюна и Гао Шанцюаня. Главным редактором серии выступает сам Лю Гогуан. Подчеркнем, что составители целенаправленно отобрали для публикации произведения лишь тех ученых-экономистов, которые сочетали исследовательскую работу с практическим администрированием, оказывавшим непосредственное влияние на ход реформ последних десятилетий. Ван Мэнкуй руководит Центром экономического развития при Госсовете КНР, Чжоу Сяочуань занимает пост председателя Комитета по надзору за ценными бумагами, Гуй Шиюн прежде возглавлял канцелярию Госсовета, тогда как Гао Шанцюань в прошлом был заместителем председателя Государственного комитета по реформе экономической системы.
2. Упомянутая статья “Взгляд на некоторые проблемы экономической ситуации в нашей стране и макроконтроль” была особо отмечена китайскими коллегами Лю Гогуана. Ее слегка измененный вариант, увидевший свет в журнале “Гайгэ” (1999. №5), был включен в сборник (Чжунго цзинци чжуаньцзя синь сысян няньцзи 2000.) Ред. Се Фучжай. (Сборник новых идей китайских специалистов по экономике за 2000 год). Пекин: Чжунго фачжань чубаньшэ, 2000. С.11-22).
3. Чжу Жунци о руководящем курсе на разработку десятого пятилетнего плана. // Материал русской ленты агентства “Синьхуа”. Пекин. 2001. 5 марта.
4. Статья “Современная экономическая ситуация и тенденции политики макрорегулирования в период 10-й пятилетки”(С.244-256), содержащая рассуждения Лю Гогуана о перспективах активной финансовой политики, была включена в очередной сборник (Чжунго цзинци чжуаньцзя синь сысян няньцзи 2001.) (Сборник новых идей китайских специалистов по экономике за 2001 год). Ред. Се Фучжай. Пекин: Чжунго фачжань чубаньшэ, 2001. С.11-21.
5. Лю Гогуан. Во дуй хунгуань цзинци цигэ зънги дэ каньфа (Моя точка зрения на некоторые вопросы макроэкономики). // Синьхуа зъньчжай, 2001. №7. С.37-38 (перепечатка из “Цзинци канькаобао” от 11апреля 2001).

Как управляется Китай. эволюция властных структур Китая в 80-90 гг. XX века. Москва. ИДВ РАН. 2001 г. 418 стр.

Уже второе десятилетие Россия решает вопросы своей управленческой системы, вполне понятен поэтому интерес нашего народа к тому, как обстоят дела в области управления у других стран и народов.

В предлагаемой вниманию читателей монографии анализ сложнейшей темы, как управляется Китай проведен коллективом высококвалифицированных ученых-специалистов Института Дальнего Востока РАН во главе с его директором, членом-корреспондентом РАН профессором М.Л. Титаренко. В работе представлен добротный и обстоятельный анализ целой эпохи формирования властных структур не только непосредственно в КНР, но и во входящих в ее состав других специфических образований, что придает исследованию уникальный характер. Тщательному рассмотрению в постоянном сопоставлении подверглись три политические системы, сосуществующие на территории одного государства, — случай, вообще не имеющий прецедента в мире. Помимо собственно Китайской Народной Республики, занимающей материковую часть страны, в монографии дается научная картина системы власти и управления на острове Тайвань, который КНР считает своей провинцией, а также находящегося на особом положении Сянган (Гонконга), представляющего собой специфическую автономию в составе КНР.

В центре исследования китайского управленческого механизма закономерно находится Коммунистическая партия Китая (КПК), которая является правящей партией КНР, то есть основной и главной частью политической системы. Это сочетается с наличием в КНР многопартийности, которая определяется формулой о многопартийном сотрудничестве и политических консультациях под руководством КПК. Помимо коммунистической в стране насчитывается восемь демократических партий, открыто заявляющих о том, что они «принимают руководство» компартии. Политическая реформа уже давно стоит в повестке дня в КНР, но реальная обстановка в стране, острая потребность сохранения стабильности, кото-

рую может нарушить недостаточно подготовленное проведение этой реформы, побуждают китайское руководство не спешить с ее реализацией.

Несколько иначе обстоит дело на Тайване. В марте 2000 г. впервые за все время своего господства на Тайване Гоминьдан потерпел поражение на президентских выборах, уступив пост президента лидеру Демократической прогрессивной партии (ДПП) Чэнь Шуйбяню. По мнению авторов монографии, это открывает реальную возможность установления на Тайване многопартийной системы со сменяющимися друг друга у власти партиями.

Что касается Сянгана (Гонконга), то его самоуправление основывается на собственных институтах, в том числе и перешедших в несколько модифицированном виде из колониального прошлого. Сянган обладает широкой автономией во внутренних делах, хотя его высшее должностное лицо — Глава администрации, перенявший полномочия британского губернатора, назначается Центральным народным правительством КНР.

Для характеристики места и роли КПК в политической системе КНР достаточно было бы просто констатировать, что компартия является стержнем этой системы. По существу такое утверждение является совершенно справедливым, но оно не исчерпывает всей проблемы.

Действительно, компартия, изначально выражая чаяния трудящихся классов Китая, ныне, вобрав в себя 64 миллиона представителей всех слоев населения, превратилась в общенациональную силу, в главный фактор сохранения и укрепления единства страны, конструктивного разрешения существующих общественных противоречий, сохранения внутриполитической стабильности, обеспечения безопасности страны от внешних угроз. Она сумела аккумулировать и выступить выразителем исторических общенародных интересов, воплощенных в стремлении к превращению Китая в современную могучую и процветающую державу с высоким жизненным уровнем всего народа.

Как прослеживается в монографии, путь к пониманию руководством партии

ее нынешней роли и конкретных методов осуществления этой роли не был простым и легким. Важнейшим этапом на этом пути стал состоявшийся в конце 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, выдвинувший принципы «реалистического подхода к делу», поставивший на первый план задачу развития производительных сил, положивший начало формированию в руководящих кругах страны нового подхода, отвечающего требованиям изменяющейся обстановки. Придерживаясь этих принципов, партия шаг за шагом формировала и новую экономическую политику, прошедшую процесс от «плановой товарной экономики» к «социалистической рыночной экономике», курс на построение которой был взят на 3-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва в ноябре 1993 г.

Авторы подробно рассматривают как труднейший период подступа к началу реформ, так и перипетии самого реформенного процесса, его сложные и противоречивые элементы, откровенно указывая на то, что нередко реформаторам пришлось действовать методом проб и ошибок. Но даже в самые драматические моменты главному архитектору преобразований Дэн Сяопину хватало мудрости и мужества заявлять о том, что он готов решительно отказаться от тех направлений преобразований, которые выявили свою неоправданность, а тем более вредоносность. КПК, как убедительно представлено в данной работе, категорически отвергала принцип «реформы ради реформ» и тем самым избавила свою страну от пагубных экспериментов и никчемных начинаний.

В монографии тщательно прослеживается эволюция подходов КПК к управленческим проблемам от съезда к съезду на протяжении 80-х и 90-х годов. Так, после XIV съезда партии (октябрь 1992г.), поставившего задачу построения социализма с китайской спецификой и ускорения процесса экономических реформ, наметилась активизация законодательной и нормативной деятельности центральных и исполнительных органов власти, направленной на юридическое обеспечение и регулирование экономических преобразований. В результате система управления страной на легитимной основе все в большей мере захватывала области, ранее регулировавшиеся главным образом партийными «правилами и распорядками».

Представляется интересным вывод о том, что усиление законодательной функции Всекитайского собрания народных

представителей и его Постоянного комитета и активная нормотворческая работа Госсовета (правительства) не ведут к столкновениям с партийным центром. Складывается система взаимодействия партийно-государственных органов на новой основе, которая характеризуется в монографии в качестве специфической особенности современной политической жизни КНР.

Процесс размежевания функций партии и государства носит выборочный характер, тщательно корректируется в зависимости от обстоятельств. Эта тенденция явственно проявилась в решениях XV съезда КПК (сентябрь 1997 г.), который взял курс на ускорение формирования системы законности и правопорядка, поставив конкретный срок завершения «формирования социалистической правовой системы» и построения законодательной базы социалистической рыночной экономики — 2010 г. Таким образом, речь идет о построении целостной системы управления страной на легитимной основе и создании нового правового поля жизнедеятельности государства и общества. Вместе с тем, как подчеркивается в книге, на съезде обозначилась тенденция к усилению партийных органов контроля и надзора над исполнением законов и над работой государственных органов. При решении этой задачи особое значение придается повышению требований к соблюдению членами партии норм партийной жизни, и прежде всего принципа демократического централизма.

Тщательное изучение каналов партийного влияния на государство и общество позволило авторам книги выделить один из основных — это совмещение высших партийных и правительственных постов. Избранный XV съездом состав ЦК КПК продемонстрировал беспрецедентное и широкомасштабное привлечение в состав ЦК партийных и правительственных руководителей и их заместителей на уровне провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Усиление партийного влияния в государственных органах наглядно проявилось и при формировании нового кадрового корпуса на 1-й сессии ВСНП 9-го созыва. Не менее значительно также присутствие высших руководящих деятелей КПК в структуре Госсовета (правительства).

Отмечается усиление внимания КПК к задачам духовно-нравственного воспитания как внутри партии, так и китайского народа в целом, что рассматривается в

качестве эффективного средства сохранения и повышения роли КПК как правящей партии. В систему намечаемых и уже проводимых мероприятий входит также ужесточение контроля партийных органов над средствами массовой информации.

Обобщая процессы преобразований в политической системе КНР, авторы монографии приходят к выводу, что есть основания говорить о постепенном переходе КПК как правящей партии от командно-административного стиля управления государством и обществом к менее централизованной форме руководства, предусматривающей активное функционирование государственных и общественных структур и включающей элементы диалога компартии с другими политическими партиями. В специальном разделе монографии приводятся интересные сведения о демократических партиях, их деятельности и формах их взаимодействия с КПК.

* * *

Что касается Тайваня, то при всей своей постоянно демонстрируемой самостоятельности и независимости Тайвань отнюдь не свободен от воздействия КНР.

Как известно, Гоминьдан после президентских выборов 2000 г. из правящей партии перешел на положение оппозиционной партии. Действующая на Тайване Конституция предусматривает независимость государства «от партийных влияний», что лишило Гоминьдан правовой базы правящей партии и воздвигло юридические преграды для прямого вмешательства в деятельность государственных органов. Тем не менее авторы монографии вовсе не списывают Гоминьдан с политической авансцены Тайваня, подчеркивая, что позиции Гоминьдана остаются достаточно весомыми на всех, особенно на низовых уровнях власти. Разветвленная организационная структура Гоминьдана до сего дня гарантирует партии контроль над формированием низовых властных структур на уровне отдельной волости, поселка, деревни.

Анализ внутрипартийной борьбы авторы монографии тесно связывают с более широкими явлениями общественной жизни на Тайване: так, наряду с изменениями в политической жизни отмечаются нарастание тенденции к увеличению разрыва между богатыми и бедными слоями населения, рост коррупции и сращивания власти с преступным миром и олигархией.

Многopартийная система на Тайване переживает свой начальный этап развития. Численность Демократической прогрессивной партии (ДПП), лидер которой на последних выборах завоевал пост президента Республики, составляет всего 150 тыс. человек. Ее социальную опору составляют такие слои общества, как городские жители с невысокими доходами, молодая интеллигенция, недовольная своим экономическим положением и требующая широкой демократии, уроженцы Тайваня, выступающие за независимость острова. Все это выглядит незначительным на фоне Гоминьдана, формально насчитывающего в своих рядах около 2 млн. членов. Однако сам факт поражения Гоминьдана на президентских выборах свидетельствует о том, что ДПП, по-видимому, более чутко улавливает требования нынешнего времени и набирает силу.

Давая краткие характеристики другим менее значимым партиям на Тайване, авторы монографии заключают, что на Тайване уже действует многopартийная система, установление которой произошло мирно, без эксцессов и конфронтации в обществе и под патронажем правившей долгие годы партии Гоминьдан.

Полезные страноведческие сведения можно почерпнуть в монографии и о политических партиях, функционирующих в Сянганском особом административном районе.

* * *

Умело и по научному глубоко рассмотрев основополагающие принципы деятельности всех трех политических систем Китая, авторы монографии столь же профессионально рассматривают, как эти принципы осуществляются на практике и реализуются в конкретных делах. Здесь речь идет о представительных системах, об исполнительной власти, о правоохранительных и контрольных органах. Эти разделы требуют самостоятельной развернутой рецензии. Не имея такой возможности, отметим лишь некоторые моменты этой тематики, представляющей несомненный практический интерес.

Представительная система КНР, сложившаяся после образования Республики в 1949 г., была основательно разрушена в период «культурной революции». Восстановление ее началось после окончания «десятилетней смуты». Однако прошло еще четыре года, прежде чем в

1982 г. была принята новая Конституция КНР, действующая и по сей день и ставшая основой подлинного возрождения представительной системы страны. Резко возросли полномочия Постоянного комитета ВСНП, на который возложено толкование законов.

Тайваньскую систему местного самоуправления авторы монографии характеризуют снижением статуса провинциальных властей и расширением полномочий уездных.

Общей тенденцией развития представительных систем Китая авторы монографии считают постепенную демократизацию порядка их формирования и деятельности (с. 187).

Пристального внимания заслуживает традиционно существующая в Китае система низового самоуправления, которая является связующим звеном между государственным управлением и непосредственно населением. В монографии дается весьма интересный и полезный материал о различных сторонах этой системы, во многих аспектах имеющий поучительное значение для нашей страны.

Большой раздел посвящен в монографии теме исполнительной власти. Он охватывает такие темы, как институт главы государства (региона), система административных органов и административные реформы, система государственной (гражданской) службы. Одна из целей реформирования нынешней административной системы в КНР, как отмечается в книге, — это переход от чисто административных методов управления предприятиями и учреждениями к экономическим и правовым методам управления их деятельностью.

Крупные меры по реформе административной системы были намечены на XV съезде КПК (1997) — в частности, проведение на основе принципов сокращения штатов и структуры административного аппарата, объединения министерств и ведомств с похожими или близкими функциями. В монографии подчеркивается, что наиболее традиционным для административной реформы в КНР на всех ее этапах является сокращение штата государственных учреждений с целью повышения эффективности их работы, культуры администрирования, оздоровления кадрового состава и снижения расходов из госбюджета на содержание правительственного аппарата. В ходе послед-

него этапа реформы аппарата правительства не только были ликвидированы многие отраслевые министерства и ведомства, но и сокращен на 47,5% штат сохранившихся министерств и ведомств.

Глава о правоохранительных и контрольных органах посвящена деятельности органов суда, прокуратуры и управления юстицией, а также органов государственного контроля. Верховный народный суд КНР, согласно Конституции КНР, является «высшим судебным органом», ответственным перед ВСНП и его Постоянным комитетом. Председатель высшего судебного органа страны избирается на свою должность ВСНП, и срок его полномочий соответствует сроку полномочий собрания, занимать эту должность он имеет право не более двух сроков подряд.

Последние годы в КНР активно обсуждаются вопросы судебной реформы. Она направляется прежде всего на улучшение качества судебных разбирательств, предполагающее строгое соблюдение процессуальных норм, тщательную проверку обстоятельств дела и доказательств, четкое составление судебных документов, убедительное применение правовых норм. Реформа предполагает усиление роли народных заседателей, права которых в законодательном порядке никогда не определялись и участие которых в судебном процессе не было обязательным. Уже сейчас приняты меры по усилению гласности судопроизводства.

В монографии приводятся данные и о судебной системе Тайваня, которая характеризуется как реформируемая, но обладающая рядом серьезных недостатков.

О прокуратуре в монографии сообщается, что только в КНР органы прокуратуры и управления юстицией функционируют как отдельные системы. На Тайване и в Сянгане они составляют единое ведомство. Верховная народная прокуратура КНР ответственна перед ВСНП и ПК ВСНП. Местные народные прокуратуры ответственны перед местными органами власти. Административную работу в области юстиции в КНР возглавляет Министерство юстиции. В 1983 г. в его ведение переданы органы исполнения наказаний — исправительно-трудовые учреждения.

Основные полицейские формирования в КНР называются народной полицией общественной безопасности, подчиненной Министерству общественной безопасности.

В 1986 г. в КНР было воссоздано упраздненное в 1959 г. Министерство конт-

роля. Однако наряду с ним в 1998 г. был создан ряд других органов, наделенных контрольными функциями, таких как Государственное управление по контролю за выездом, въездом в страну и карантинными мероприятиями, Государственное управление по контролю и управлению в фармацевтической промышленности и ряд других. В 1998 г. в структуре Госсовета КНР было создано Главное управление особоуполномоченных контролеров, на которых возложены обязанности усиления финансового контроля за деятельностью крупных государственных предприятий, имеющих важное значение, а также для оценки эффективности управленческой деятельности главных должностных лиц этих предприятий.

Завершает монографию краткая, но насыщенная конкретным материалом статья об «управлении делами национальностей». Она убедительно показывает, какое важное значение придается в КНР национальному вопросу, различными сторонами которого неусыпно занимается ряд учреждений. И это при том, что неханьцы за-

нимают незначительную часть общего населения КНР — всего их насчитывается около 74 млн. человек, а количество неханьских национальностей — 55. Отмечая существенные недостатки существующей в КНР районной национальной автономии в ее нынешнем виде, авторы монографии вместе с тем признают, что эта система все же содержит в себе значительный позитивный потенциал, раскрытие которого, как представляется, может послужить интересам неханьских национальностей.

В заключение следует отметить, что сложные специфические проблемы юридического характера изложены в монографии ясным, понятным, литературно безупречным языком. Важные и актуальные сведения о Китае, изложенные в исследовании, интересны не только для узкого круга китаеведов, но также и для широкой общественности. Нет сомнений в том, что она встретит многочисленного заинтересованного читателя, а для многих практических работников, занимающихся проблемами Китая, она станет настольной книгой и помощником в их делах.

© 2002

*Б. Кулик,
доктор исторических наук*

Экономический анализ развития городов.

Люй Юйинь. Чэнши фацжань цзинцзисюе фэнъси. Шанхай:
Шанхай саньяньшудянь, 2000 г. 346 с.

В стратегии экономического развития Китая процессы развития городов, урбанизации в целом, занимают в последнее время особое место. Необходимость оптимизации экономической структуры в условиях роста и углубления глобальных процессов в мире предопределяет ускорение процесса урбанизации. Поскольку уровень урбанизации в Китае на 10 процентных пунктов отстает от аналогичного показателя в странах, имеющих одинаковый с Китаем уровень дохода ВВП на душу населения, проблемы урегулирования и оптимизации экономической структуры посредством развития новых городов и поселков отмечены в Программе социального и экономического развития КНР в 10-й пятилетке (2001–2005) как одно из главных направлений.

Оптимизация использования земли в деревне и городе, проблема трудоустройства населения и подъема жизненного уровня на этапе перехода к преимущественно интенсивным факторам роста повышают усиление интереса китайских ученых к исследованиям городского развития внутри страны и к теории и практике экономического развития городов за рубежом.

На рубеже веков, когда китайский город вышел на путь институционального развития, исследования экономического развития городов приобретают более значимый смысл не только в практике, но и в теории.

Автор исследования "Экономический анализ городов" Люй Юйинь — молодой китайский ученый, окончивший в 1995 г. Экономический факультет Нанькайского Университета. В 1998 г. получил звание профессора, ныне работает в канцелярии городского комитета города Шэньчжэня.

Большая часть исследования посвящена теории эффекта агломерации (юйцзи сяоин) в процессе урбанизации. Эта теория формировалась в работах западноевропейских, американских и японских ученых. Немецкий ученый Альфред Вебер в конце XIX — начале XX века впервые обратил внимание на теоретический аспект воздействия агломерации (первоначальная концентрация людей и их хозяйств на определенном пространстве, становящаяся впоследствии базой будущего города) на дальнейшее развитие го-

родов. Широкое распространение исследования агломерационного хозяйства получили в последней трети XX века. Автор ссылается на работы К.Баттона, Артура Салливана, Эдвина Миллза, Аллана Эванса, Йошисугу Канемото, Хендерсона, Герберта Гирша, Вильяма Стулла, Масахиза Фучжита, Гарри Ричардсона, Джеффри Вильямсона и других ученых, которые в той или иной степени разрабатывали теорию эффекта агломерации. Ученые, изучающие экономическое развитие городов, обратили особое внимание на проблему агломерации в процессе урбанизации в 90-е годы XX века. Они увидели важность этой проблемы, необходимость ее исследования с точки зрения направления движения внутренней структуры города, связывая ход ее развития с ролью воздействия агломерации.

Пространственная агломерация — скопление населенных пунктов, объединенных в одно целое интенсивными хозяйственными, трудовыми и культурно-бытовыми связями, — существенная черта городской экономики и процесса урбанизации. Город рождается и его развитие в дальнейшем также происходит на пространственных агломерациях. В конечном счете экономика и материальная структура города, по существу, идентична результатам агломерации. Пространственная агломерация является силой городского роста, но одновременно и источником городских проблем. Какое бы то ни было средоточие — людей, капитала, ресурсов и т.д. — ведет к эффекту агломерации, который формирует отличия хозяйства города. Это является основной причиной развития экономики городов как независимой отрасли хозяйствующих субъектов. Однако, отмечается в книге, до сих пор теория городского развития не имеет своего систематического исследования. Это обуславливает актуальность и теоретическую ценность изучения процессов агломерации в такой стране, как Китай, с его огромным аграрным населением, поскольку эффект агломерации и рациональное использование городской земли взаимосвязаны и, по существу, являются однородными процессами городского развития.

Автор подчеркивает, что он исследует естественные процессы городской агломерации и развития землепользования, стремясь создать теоретическую систему, полагающуюся на закономерности пространственного развития и образования в нем городской экономики. Наметки выстраиваемой системы теории агломерации Люй Юйинь подкрепляет иллюстрациями из истории развития городов в западном мире, приводя многочисленные формулы, схемы, графики и ссылки на работы западных исследователей, показывающие экономические выгоды, которые можно извлечь из процесса агломерации. Автор приходит к выводу, что властные структуры могут воздействовать на процессы городской агломерации и использование земли, основываясь на анализе необходимых обществу товаров и продуктивного пространственного расширения. Таким образом, исходя из анализа эффекта агломерации от микро- до макроформ, исследуя не только действия хозяйствующих субъектов, но и отношение к эффекту агломерации правительства, сравнительное изучение городских агломератов и землепользования в них приобретает форму интегрированной теоретической системы.

После теоретического анализа, данного в первых пяти главах, исследование концентрируется на проблемах развития городов в самом Китае. В главе VI "Экономический механизм развития китайских городов в условиях традиционной системы и их пространственное построение" рассмотрены основы городской агломерации и использования земли со времени создания КНР в 1949 г. до начала экономической реформы в 1978 г., а также развитие национальной экономики в этот период и городская агломерация. В дореформенный период, отмечает автор, развитие промышленности в городах и развитие сельской экономики были слабо взаимосвязаны. Развитие индустриализации сужало возможности развития сельской экономики, отбирая у села капитал, материальные и людские ресурсы. Результаты развития второй сферы производства (промышленность и строительство) оказали непосредственное влияние на агломерацию городов. В процессе упора на развитие тяжелой промышленности экономика городов превысила потенциальные возможности экономики агломератов. Для того чтобы осуществить стратегию развития тяжелой промышленности, государство использовало методы административного плана, снижало цены на сельскохозяйственную продукцию, сокра-

щало уровень зарплаты, увеличивало накопление капитала. Население, ресурсы, затребованные ускоренной индустриализацией, в течение короткого времени превысили рациональное развитие процесса агломерации. Возможности обеспечения сельских жителей по сравнению с городским населением предметами потребления снижались. В 1977 г. производительность несельскохозяйственного труда была в 11 раз выше труда крестьянина (с. 227).

Затем автор прослеживает дальнейшее развитие и пространственную эволюцию китайских городов после 1978 г., характеризуя институциональное воздействие на эти процессы экономической реформы. Воссоздание рыночного механизма Люй Юйинь рассматривает как мобилизационный фактор в процессе городской агломерации.

Степень урбанизации в Китае в 1996 г. составила примерно 30%. По предварительным оценкам автора, в 2000 г. она составила 35–39%, к 2020 г. она возрастет до 60% (с. 298). Со времени начала реформы, отмечает Люй Юйинь, произошли крупные изменения в финансовой системе и структуре городских инвестиций. Система инвестиций, в большей степени сосредоточенная в руках центрального правительства, была раздроблена.

С 1978 г. удельный вес городских жителей в общей численности населения увеличился с 17,92 до 28,62% в 1994 г., в то же время снизился удельный вес сельского населения — с 82,08 в 1978 г. до 71,38% в 1994 г. (с. 273).

Закономерности расширения продуктивного использования земли в городах, темпы и степень собственных инвестиций города, отмечает автор, тесно связаны и полностью выявляют силу рынка в отношении влияния на землепользование. Земля превращается в главный фактор производства, и это побуждает к ее рациональному использованию. Удельный вес городской земли, используемой под промышленные объекты, снизился с 34,1 в 1978 г. до 25,1 в 1991 г. и 23,3% в 1995 г. (с. 281).

Однако несмотря на то, что в процессе реформы рынок обретает силу и постепенно восстанавливается естественная полезность городской агломерации, по-прежнему чувствуется влияние старой системы, обуславливающее в развитии городов основные трудности и проблемы. Они касаются прежде всего рационального распределения капитала, земли и труда. В условиях такого рода "двухколейности" роль рынка по-прежнему серьезно

ограничена. Тем не менее силы рынка укрепляются и увеличивает удельный вес городской земли, находящейся в рыночном обращении, однако административные методы в этой области по-прежнему имеют важное значение. Во многих городах эффективность использования земли по-прежнему низка. Городские агломерации, образовавшиеся в ходе реформы, имеют несомненные преимущества по сравнению с административно созданными старыми городскими районами. Эти преимущества обусловлены новыми условиями формирования эффекта агломерации на микро- и макроуровне.

С ускорением технического прогресса и принятием политики открытости старые городские агломерации и их пространственное расширение перестают соответствовать новым требованиям развития. Поэтому в городском развитии Китая, по мнению автора, необходимо решать две задачи: 1) устранять нерациональность концептуального развития городов традиционной системы и выявлять преимущества естественного размещения городских агломераций, поскольку экономика агломератов — это своего рода общественное богатство; 2) в соответствии с потребностями научно-технического развития полностью использовать научно-технические достижения для формирования городских активов, преимуществ структуры и одновременно безущербно воспользоваться процессами агломерации.

В последней главе "Некоторые аспекты изучения политики, касающейся возможности продолжительного развития городов в Китае" обобщены результаты исследования. Как считает автор, анализ городского развития в стране помогает выявлять тенденции, проблемы и надлежащие контрмеры, направленные на рационализацию развития городов и агломераций. Цели правительственной политики должны учитывать различие городов и агломераций, а также и то, что и одинаковые города нуждаются в конкретном под-

ходе. В развитии городов и агломераций появляются новые движущие силы. Исследование естественных экономических законов городского развития с точки зрения единства хозяйственных и пространственных систем базируется на естественной связи между последствиями агломерации и использованием земли. Становление политики городского развития в новых условиях должно соответствовать тенденциям и процессам, учитывающим эффект агломерации. Теория эффекта агломерации обнаруживает закономерности городского хозяйственного и пространственного движения. Изучение законов развития города формирует основы экономической науки о городе. Рациональное размещение агломераций может быть источником огромной общественной пользы, оно может расширить научно-техническое развитие, снизить затраты и повысить благосостояние населения.

Оценивая публикацию книги Лю Юйиня как серьезную заявку на теоретическое исследование образования и развития городов в современном Китае, следует отметить, что сложнейшие проблемы урбанизации китайского общества выглядят подчас несколько облегченно. Иногда кажется, что автор, будучи выходцем из крестьянской семьи, о чем он пишет в послесловии, смотрит на преобразования в процессе урбанизации как бы со стороны. На наш взгляд, научные достоинства исследования значительно были бы приумножены, если бы автор сосредоточил больше внимания на китайской фактуре, в особенности на теории и практике сельской урбанизации ("чэнчжэньхуа"), т.е. "раскрестьянивания" посредством создания малых городов и поселков городского типа. Этой проблеме уделяют серьезное внимание многие китайские ученые, в том числе такие, как Цай Фан, Го Кэша, Цуй Гунхао, Лю Сюэчжун и другие, поскольку развитие малых городов представляет дополнительный ресурс в повышении доходов сельского населения.

Ка Хоу Мок. Интеллектуалы и государство в пост-маоцзэдуновском Китае

Intellectuals and the state in post-Mao China, By Ka-ho Mok.
McMillan, 1998, XII-283 p. ISBN 0-333-68944

Автор этой книги, лектор Гонконгского Университета Ка Хоу Мок пытается создать портрет современного поколения китайских интеллектуалов и описание их взаимоотношений с государством.

Современное "шестое поколение" китайских "литераторов", по его мнению, определяется яркими личностями таких китайских интеллектуалов, ученых, мыслителей и диссидентов, как бывший директор Института политических исследований АОН Китая Ян Цзяци, астрофизик Фан Личжи, журналист Лю Бинянь, культуролог Лю Сябо, писатель Су Вей и других, в основном, оказавшихся после событий 1989 г. в эмиграции — в США и Европе. Многие из них обосновались в университетских центрах США: Фан Личжи, к примеру, работает в университете штата Аризона, Су Сяокан, Су Вэй и Лю Бинянь заняты в Институте Китая Принстонского Университета, Ян Цзяци после нескольких лет в Париже обосновался в Принстоне, где продолжал получать финансовую поддержку правительства Франции.

Интеллектуалы, выбранные для этого исследования, по мнению автора, являлись бесспорными лидерами китайской интеллигенции в ее попытке перестроить отношения с государством и прервали старинную традицию, рассматривающую интеллигентов как "слуг власти". Их растущая независимость проявлялась в открытии демократических салонов, защите прав студентов и привела, в конечном счете, к разрыву отношений с государством и выезду за рубеж.

Началом этого процесса послужило студенческое движение 1989 года, которое по масштабу явилось не менее значительным событием для китайского общества, чем движение "4 мая 1919 года". По мнению автора крах движения 1989 г. и распухший конфликт интеллигенции с государством в последнее десятилетие вызвали ряд социальных тенденций, сравнимых с появлением "нового класса" в странах Восточной Европы перед началом "бар-

хатных революций" конца 80-х — начала 90-х (с. 171-176).

Одна из этих тенденций — массовый исход интеллектуалов в эмиграцию. Выезд наиболее ярких фигур китайских интеллигентов - диссидентов на Запад в 90-е гг. явился по мнению Ка Хоу Мока самым большим катаклизмом китайского общества. В этом он видит отличие от российской интеллигенции, которая развивала независимый и диссидентский потенциал внутри общества, опираясь на идеи демократии, заимствованные от Запада (с. 200-201).

Те, кто остался в Китае после краха студенческих демонстраций 1989 г., по его мнению, пытаются сбалансировать необходимость обеспечения жизненных условий с традиционной миссией китайских интеллектуалов как носителей морали и общественных защитников. Это привело к обновлению их социального контракта с государством и конформизму. Несмотря на акцент Ка Хоу Мока на китайскую эмиграцию как основную "диссидентскую силу" в Китае, он пытается сбалансировать подход к анализу современного поколения китайских интеллектуалов, оставшихся на родине. Автор считает, что качественный сдвиг в коллективном сознании китайской интеллигенции проявляется на всех уровнях общества. Глубокое разочарование части китайской интеллигенции, ее уход из государственной сферы в частный сектор и бизнес определяют основную черту ее новых отношений с государством — растущую независимость от государства в экономическом и духовном смысле. Эта новая тенденция связана с развитием рыночной экономики в Китае.

Новый тип автономии изменяет социальную картину общества, приводит к появлению множества независимых центров власти — экономической и духовной, порождая социо-культурный плюрализм, опасный для авторитарной власти.

Сумеет ли эта новая тенденция приобрести политическое измерение, сумеют ли китайские интеллектуалы овладеть

— эти вопросы приобретают решающее значение сейчас и они будут по мнению автора, определять политические процессы в Китае в XXI веке. Интеллектуальное банкротство властных структур в Китае открывает перед интеллигенцией уникальный шанс стать “новым классом”, сравнимый с ситуацией в Восточной Европе в конце 80-х гг. прошлого века (с. 177).

Монография Ка Хоу Мока опирается на большой фактический материал, встречи и интервью автора с китайскими диссидентами в эмиграции. Центральная часть книги посвящена ряду представителей китайской интеллигенции и анализу их отношений к демократии. Как модель изменения восприятия демократии китайскими интеллигентами автор рассматривает эволюцию взглядов Ян Цзянци, Фан Личжи, Лю Биняня и др. в контексте социально-политических изменений в Китае. Он считает, что большинство из них переросли стадию “реформаторства” и подошли вплотную к радикальному отрицанию государства после событий 1989 года. Причину этого он скорее видит в изменении их социального статуса в результате фракционной борьбы, чем в восприятии китайскими интеллигентами демократии как политической системы и идеологии. В полной мере это относится к социально-политическим взглядам бывшего директора Института политических исследований АОН Ян Цзянци. Пережив “культурную революцию” молодым человеком, Ян Цзянци всегда считал себя скорее реформатором, чем радикалом. Его переориентация явилась результатом изменения его места в партийно-политической иерархии и выражала его недовольство правящей структурой власти. Именно разочарование, а не его демократические убеждения привели к появлению знаменитого эссе о вообразаемом диалоге меж-

ду Дэн Сяопином и Мао Цзэдуном (1989, 1992). Эссе может рассматриваться как традиционная критика государства китайским интеллигентом, выполняющим свой общественный долг.

Подобным образом автор расценивает идеи журналиста Лю Биняня, прославившегося критикой китайской бюрократии. Особняком в ряду китайской интеллигенции стоит личность и убеждения “китайского Сахарова” — астрофизика Фан Личжи, безусловно поддерживавшего права человека как высшую ценность, в противовес традиционной общественной мысли. В его взглядах права человека и демократия неотделимы, что приводит его к логическому отрицанию авторитарного правления КПК.

Интересная монография Ка Хоу Мока не лишена некоторых недостатков, на наш взгляд, методологического характера. Не вполне обоснована аналогия между современными процессами в китайском обществе и массовыми движениями, приведшими к краху политических систем стран Восточной Европы в конце 80-х — начале 90-х гг. На наш взгляд, автор преувеличивает роль “нового класса” в этих движениях, не учитывая комплекса факторов внешнеполитического и экономического характера, связанных с прекращением советского влияния и “бархатными революциями” в Восточной Европе.

Не все согласятся с доводами автора, выбравшего нескольких популярных в китайском обществе — мыслителей, писателей и критиков в качестве основных фигур китайской общественной мысли. Однако авторский анализ их взглядов, степень их влияния на общество, степень их “нон-конформизма” к существующему общественному порядку, будут интересны любому исследователю современного демократического движения и общественной мысли в Китае.

Наши юбиляры

К 70-летию И.А. Рогачева

1 марта 2002 г. исполнилось 70 лет со дня рождения видного дипломата, общественного и политического деятеля, потомственного китаевода Игоря Алексеевича Рогачева. Следуя по стопам своего отца А.П.Рогачева, известного китаиста, отдавшего многие годы жизни дипломатической службе, он после окончания в 1955 г. Московского государственного института международных отношений прошел путь от переводчика комплексной экспедиции Академии наук СССР на Амуре, проводившей изыскания в сотрудничестве с нашими китайскими соседями, до заместителя министра иностранных дел Советского Союза и первого Посла новой России — Российской Федерации в Китайской Народной Республике.

В 1958 г. молодой китаист получил назначение на работу в Посольство СССР в КНР, где последовательно занимал должности драгомана, атташе, третьего, второго, первого секретаря Посольства. Упорный труд, хорошее знание языка, которое он постоянно совершенствовал, высокая работоспособность, ответственность за порученное дело, сочетавшиеся с творческой инициативой, были двигателями дипломатической карьеры юбиляра.

Занятость служебными обязанностями Игорь Алексеевич сочетал с научно-исследовательской работой, рассматривая ее как дополнительный фактор повышения своего профессионального уровня. Он подготовил и успешно защитил диссертацию, получив ученую степень кандидата исторических наук.

Новые ступени школы дипломатии И.А.Рогачев прошел, работая помощником первого заместителя министра иностранных дел, выдающегося советского дипломата В.В.Кузнецова, затем — первым секретарем Посольства СССР в США, заведующим азиатским подразделением Управления планирования внешней политики МИД СССР, заведующим Отделом Юго-Восточной Азии, заведующим 1-м Дальневосточным отделом МИД СССР.

В 1986-1991 гг. И.А.Рогачев занимал пост заместителя министра иностранных дел СССР, курирующего одно из самых важных направлений внешней политики страны — азиатское. Это был период, когда в международной политике росла роль стран Азиатско-тихоокеанского региона, когда необходимо было всемерно налаживать и развивать отношения Советского Союза с дальневосточными соседями — Китаем, Японией, другими странами АТР. Настоятельно требовал урегулирования сложный в тот момент кампучийский вопрос. Остро стояла проблема нормализации советско-китайских отношений. И.А.Рогачев играл активную роль в дипломатической и внешнеполитической работе по решению связанных с этим задач. В 1987-1991 гг. возглавлял делегацию СССР на советско-китайских переговорах по пограничным вопросам, а в 1989-1991 гг. — советскую делегацию на международных переговорах по Камбодже, в качестве специального представителя Президента СССР в Республике Корея в 1991 г. готовил почву для установления отношений с этим государством.

С назначением в 1992 г. Послом Российской Федерации в КНР начинается новый, возможно, наиболее важный этап в жизни и деятельности Игоря Алексеевича. К этому моменту он уже зарекомендовал себя как глубокий знаток Китая и проблем в отношениях между двумя великими соседними странами, которые предстояло решить, чтобы преодолеть наследие периода отчужденности, расчистить до конца завалы, препятствующие подъему двусторонних отношений на качественно новый уровень, возродить вековые традиции добрососедских отношений между нашими странами.

Особенно значимыми политическими вехами в развитии российско-китайских связей стали взаимные визиты на уровне глав государств и правительств. Им, естественно, всякий раз предшествовала тщательная подготовительная работа, в том числе российского посольства в Пекине.

Достижения китайской экономики, к которым привели проводимые в КНР реформы, заставили весь мир говорить о феномене “китайского чуда”. Посол И.А.Рогачев в своих устных и печатных выступлениях глубоко раскрывает причины прогресса Китая, показывает возможности дальнейшего расширения российско-китайского сотрудничества.

За последние десятилетия отношения между нашими двумя странами поднялись до уровня равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия на международной арене и дружественного сотрудничества в сфере экономики и культуры. Венцом развития российско-китайских отношений стало подписание 16 июля 2001 г. в Москве Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Во всех этих достижениях

имеется заметная доля труда и инициатив Посольства России в Китае, возглавляемого И.А.Рогачевым.

Родина высоко оценила заслуги И.А.Рогачева. Он награжден многими орденами и медалями, в том орденом Почета (1991 г.) и орденом Дружбы (1996 г.).

Большое значение Игорь Алексеевич придает народной дипломатии, укреплению связей между общественностью двух стран. Он много делает в этих целях как заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы.

Посольство в КНР поддерживает постоянные самые тесные контакты с отечественной китаеведческой наукой. В этой связи хочется отметить, что И.А.Рогачев оказывает эффективное личное содействие осуществлению сотрудничества Институтом Дальнего Востока РАН с китайскими учеными, проведению двусторонних научных форумов, выступает автором статей в изданиях ИДВ.

Все, кто лично знает Игоря Алексеевича, кому довелось работать и встречаться с ним единодушно высоко оценивают его замечательные человеческие качества: доброжелательность, честность и порядочность, принципиальность и независимость суждений, твердость патриотических убеждений, широкий культурный кругозор, простоту и демократичность общения с подчиненными, чувство юмора.

Коллектив Института Дальнего Востока РАН искренне желает Игорю Алексеевичу Рогачеву по случаю его 70-летия крепкого здоровья, успехов в дальнейшей деятельности на благо нашей страны, личного благополучия и счастья.

*Б.Т. Кулик
М.Л. Титаренко*

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока", членом которой много лет состоит И.А.Рогачев, присоединяются к поздравлениям и пожеланиям в адрес юбиляра.

Редколлегия и редакция ПДВ

В.П.Ткаченко — 70 лет

31 января был отмечен юбилей видного российского ученого-востоковеда, руководителя Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН Вадима Павловича Ткаченко.

Завершив в 1955 г. учебу в Московском государственном институте международных отношений, В.П.Ткаченко начал свой трудовой путь на дипломатическом поприще. Работая за рубежом, а затем в центральном партийном аппарате, он много делал для углубления взаимопонимания и налаживания связей с двумя корейскими государствами. В 80-е годы принял участие в работе по укреплению связей с Монголией и восстановлению добрососедских отношений с КНР.

В 1991 г. Вадим Павлович пришел работать в Институт Дальнего Востока, где возглавил вновь созданный научный центр и получил признание как ведущий специалист и организатор исследований по современной корейской проблематике. Во многом по инициативе В.П.Ткаченко Центр ориентируется на фундаментальные исследования и подготовку научных работ, которые в силу своей актуальности имеют отчетливо выраженное прикладное значение. В последние годы Центр корейских исследований ИДВ по праву занял положение ведущей научной структуры при организации многих общероссийских научных обсуждений и встреч, посвященных ситуации на Корейском полуострове и проблемам международных отношений и безопасности в Северо-Восточной Азии в целом.

В научной среде В.П.Ткаченко пользуется заслуженной репутацией знатока истории и современного положения двух Корей. Обширные личные познания, готовность прислушаться к мнению коллег-ученых, способность убедительно обосновать собственное видение проблемы — в этом основа его успешной работы как руководителя и исследователя. Как правило, конечный результат его исследований — содержательные публикации на страницах отечественных изданий и за рубежом: в Японии, Республике Корея, США, других странах. Он регулярно получает приглашения выступить с докладами и сообщениями по проблемам положения в Корее и в США на отечественных и зарубежных научных конференциях и симпозиумах. Проблемы урегулирования на Корейском полуострове рассматриваются В.П.Ткаченко прежде всего под углом зрения национальных интересов и политики России. Некоторые итоги его

исследований этой проблематики обобщены в его книге “Корейский полуостров и интересы России”, выпущенной в 2000 г. издательством “Восточная литература”. На годичном собрании Российской Академии Наук эта монография была отнесена к числу наиболее важных исследований, содержащих углубленный анализ, выводы и предложения, которые могут быть использованы различными практическими ведомствами и деловыми кругами России при налаживании связей с зарубежными партнерами.

Вадима Павловича отличает сочетание высокой требовательности к себе и к коллегам по работе с неизменной доброжелательностью, готовностью помочь идеями, материалами, дать конструктивный совет. Глубокая увлеченность делом и замечательные личные качества — доброжелательность, искреннее внимание и уважение к окружающим его людям, позволяют ему в наше сложное время, когда многие научные коллективы испытывают серьезные кадровые трудности, решать и эту проблему.

Большую и полезную работу ведет В.П.Ткаченко как член редколлегии журнала “Проблемы Дальнего Востока”. Многие материалы журнала по корейской тематике подбираются и публикуются благодаря его инициативе и заинтересованному деловому участию.

Дирекция и научный коллектив Института Дальнего Востока, редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока” поздравляют Вадима Павловича Ткаченко с юбилеем и от души желают ему доброго здоровья и новых творческих свершений.

*Дирекция Института Дальнего Востока РАН
Редакция и редколлегия журнала
“Проблемы Дальнего Востока”*

Книги Института Дальнего Востока РАН, изданные в 2001 г.

✓ Восток — Россия — Запад. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика В.С.Мясникова / Отв. ред. акад. С.Л.Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 780 с.

Китайская Народная Республика в 1999 г.: Политика, экономика, культура / Ин-т Дальн. Востока РАН. Редкол.: гл. ред. член-корр. РАН М.Л.Титаренко и др. М., 2001. — 424 с.

Китайская Народная Республика в 2000 г.: Политика, экономика, культура / Ин-т Дальн. Востока РАН. Редкол.: гл. ред. член-корр. РАН М.Л.Титаренко и др. М., 2001. 436 с.

Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа / Пер. с кит. Науч. ред. член-корр. РАН М.Л.Титаренко. Отв. ред. д.э.н. А.В.Островский. М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2001. 367 с.

Как управляется Китай. Эволюция властных структур Китая в 80–90-е гг. XX века / Под ред. член-корр. РАН М.Л.Титаренко. М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2001. 420 с.

Наумов И.Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. и проблемы ее реализации / Науч. ред. член-корр. РАН М.Л.Титаренко. М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2001. 204 с.

✓ Границы Китая: История формирования / Под общ. ред. акад. В.С.Мясникова и д.и.н. Е.Д.Степанова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 470 с.

Коммунистическая партия Китая. История и современные проблемы. К 80-летию создания Коммунистической партии Китая / Сост. Р.М.Асланов, Н.Л.Мамаева. М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2001. 179 с.

Гудошников Л., Копков А. Система государственной службы в Китайской Народной Республике. М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2001. 212 с.

Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999) / Под общ. ред. акад. В.С.Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 224 с.

Лазарева Т.В. Кадровое строительство в национальных районах КНР (1949–1999) / Отв. ред. д.и.н. А.А.Москалев. М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2001. 185 с.

Ловушки либерализации (Китай и ВТО) / Ин-т Дальн. Востока РАН. Общая ред.: д.э.н. В.В.Михеев. Отв. ред. д.э.н. М.А.Потапов. М., 2001. 180 с.

Китай в мировой и региональной политике. История и современность / Ин-т Дальн. Востока РАН. Отв. ред. д.и.н. А.Г.Яковлев и др. М., 2001. 200 с.

Галенович Ю.М. Нации и государства. Сборник статей о китайско-американских отношениях. М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2001. 184 с.

Россия в АТЭС и в АТР. Материалы Третьей научно-практической конференции "Россия в АТЭС и АТР". Москва, 25 апреля 2001 г. / Отв. ред. член-корр. И.Д.Иванов и член-корр. РАН М.Л.Титаренко. М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2001. 226 с.

Вызовы и угрозы национальной безопасности России в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Руковод. проекта член-корр. РАН М.Л.Титаренко и д.в.н. А.В.Болятко. М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2001. 212 с.

Россия и АТР: безопасность, сотрудничество, развитие / Отв. ред. д.в.н. А.В.Болятко. М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2001. 172 с.

Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм: вызовы для России. М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2001. 224 с.

Семи́н А.В. Внешнеполитические ориентиры Японии и Китая (90-е гг.). М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2001. 177 с.

Актуальные проблемы современной Японии / Ин-т Дальн. Востока РАН. М., 2001. 156 с.

Япония. Справочник / Ин-т Дальн. Востока РАН. Отв. ред. В.Н.Павлятенко и А.В.Семи́н. М., 2001. Часть I — 136 с. Часть II — 160 с.

Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность / Материалы IV научной конференции. Москва, 15–16.03.2000 г. Ин-т Дальн. Востока РАН. М., 2001. — Часть I — 180 с. Часть II — 164 с.

Контактные телефоны: 124-04-26
124-04-24

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.*

Сдано в набор 19.02.2002 г. Подписано к печати 18.03.2002 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{16}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 15,6. Усл. кр.-отт. 16,1 тыс. Уч.-изд.л. 14,5 Бум. л. 6,0
Тираж 1018 экз. Зак. 5644

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2002 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, их многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5” с указанием имени файла в формате MS Word 6,0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) На русск. яз. Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) На кит. яз. Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) На англ. яз. Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы. Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.